

The Collection of Humanitarian Studies. Electronic scientific journal

peer-reviewed * open access journal

ISSN 2500-3585

КОЛЛЕКЦИЯ ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Электронный научный журнал

1 (46) 2026

СОДЕРЖАНИЕ

СОЦИОЛОГИЯ

Садиков Р.М., Большакова Н.Л. 6
 СОПРОВОЖДЕНИЕ ЗАМЕЩАЮЩЕЙ СЕМЬИ КАК ФАКТОР ОБЕСПЕЧЕНИЯ
 УСТОЙЧИВОСТИ БЛАГОПРИЯТНОЙ СОЦИАЛЬНОЙ ДИНАМИКИ ДЕТЕЙ-СИРОТ

Данильчук Д.В., Григорян С.М., Ткаченко П.В. 22
 СКРИНИНГОВАЯ ДИАГНОСТИКА НАРУШЕНИЙ ПСИХОЭМОЦИОНАЛЬНОГО
 СОСТОЯНИЯ У СТУДЕНТОВ КУРСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО МЕДИЦИНСКОГО
 УНИВЕРСИТЕТА

ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Кашапов А.С., Усанина М.В. 33
 МЕНТАЛЬНАЯ МОДЕЛЬ ВЗАИМОСВЯЗИ ЖИЗНЕСТОЙКОСТИ И КОНФЛИКТНОЙ
 КОМПЕТЕНТНОСТИ ПЕДАГОГА ДОШКОЛЬНОГО ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО УЧРЕЖДЕНИЯ

Ануфриев А.Ф., Рахматова М.Р. 47
 ФОРМИРОВАНИЕ ДИАГНОСТИЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ У БАКАЛАВРОВ И МАГИСТРОВ В
 ЦИФРОВОЙ СРЕДЕ

Кашапов М.М., Зайцев К.С. 60
 ВЗАИМОСВЯЗЬ КОНФЛИКТНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ И КРЕАТИВНОСТИ У
 РУКОВОДИТЕЛЕЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ С РАЗНЫМ СТАЖЕМ
 УПРАВЛЕНЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Тимошилов В.И., Мамонова О.Е., Улинова А.О. 71
 ПРОБЛЕМА НАРКОМАНИИ ГЛАЗАМИ СТУДЕНТОВ ПЕРИОДА ПАНДЕМИИ И
 ПОСТПАНДЕМИЙНОЙ РЕАЛЬНОСТИ

Ли Н.С. 79
 СУБЪЕКТИВНОЕ БЛАГОПОЛУЧИЕ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ КОЛЛЕДЖА И СТУДЕНТОВ,
 ОБУЧАЮЩИХСЯ НА ПЕДАГОГИЧЕСКИХ СПЕЦИАЛЬНОСТЯХ

СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Молчанова Л.Н., Касьянова К.В. 92
 МОДИФИКАЦИЯ МЕТОДИКИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ВЫГОРАНИЯ К. МАСЛАЧ И С.
 ДЖЕКсон (В АДАПТАЦИИ Н.Е. ВОДОПЬЯНОВОЙ) НА ВЫБОРКЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНО-
 ОРИЕНТИРОВАННЫХ ВОЛОНТЕРОВ

МЕДИЦИНСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Петраш Е.А., Сидоренко И.А., Франко-Теньюк А.А. 105
 СТРАТЕГИИ ГЛАЗОДВИГАТЕЛЬНЫХ РЕАКЦИЙ ПРИ УЗНАВАНИИ РЕАЛИСТИЧНЫХ
 И СХЕМАТИЧНЫХ ИЗОБРАЖЕНИЙ ЛИЦ ЛЮДЕЙ У ПАЦИЕНТА С БОЛЕЗНЬЮ
 АЛЬЦГЕЙМЕРА: КЛИНИЧЕСКИЙ СЛУЧАЙ

Кузнецова А.А., Акуленкова М.В., Козырева А.Д. 116
 СПЕЦИФИКА КОГНИТИВНЫХ ФУНКЦИЙ У ПАЦИЕНТОВ С САХАРНЫМ ДИАБЕТОМ 2
 ТИПА В ЗАВИСИМОСТИ ОТ ДЛИТЕЛЬНОСТИ ЗАБОЛЕВАНИЯ

Хахутадзе Н.М.К., Кузнецова А.А., Логвина К.В. 133
 ОПТИКО-КООРДИНАЦИОННЫЕ ФУНКЦИИ У СЛАБОСЛЫШАЩИХ ДЕТЕЙ МЛАДШЕГО
 ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

ОТ НАУКИ К ПРАКТИКЕ

Забелина Н.В. 150
 ТЕХНОЛОГИИ СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ И ИХ РЕАЛИЗАЦИЯ В ПРАКТИКЕ ПОМОЩИ
 ПОСТРАДАВШИМ В ЧРЕЗВЫЧАЙНЫХ СИТУАЦИЯХ

Непочатых А.В., Волобуева Н.В. 162
 ВОЗМОЖНОСТИ СПОРТИВНОГО ВОЛОНТЕРСТВА ПРИ РАБОТЕ С ПОДРОСТКАМИ,
 ОКАЗАВШИМИСЯ В УСЛОВИЯХ ВЫНУЖДЕННОГО ПЕРЕСЕЛЕНИЯ: ИЗ ОПЫТА РАБОТЫ
 КУРСКОГО ГАУ

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Шульгина Т.А., Забелина Н.В., Непочатых Е.П. 174
 II МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «РОЛЬ СОЦИАЛЬНЫХ
 ПРАКТИК В ФОРМИРОВАНИИ МИРОВОЗЗРЕНИЯ»

Председатель
 редакционного совета
 В.А. Лазаренко

Главный редактор
 П.В. Ткаченко

Ответственный секретарь
 Е.П. Непочатых

Технический секретарь
 М.С. Филиппович

Адрес редакции:
 305041
 г. Курск, ул. К. Маркса, 3
 E-mail: collegi@j-chr.com
<http://www.j-chr.com>

При перепечатке
 ссылка на журнал
 «Коллекция гуманитарных
 исследований»
 обязательна

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ

ЛАЗАРЕНКО Виктор Анатольевич
доктор медицинских наук, профессор, ректор Курского
государственного медицинского университета

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

ТКАЧЕНКО Павел Владимирович
доктор медицинских наук, доцент, зав. кафедрой
нормальной физиологии Курского государственного
медицинского университета

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ

НЕПОЧАТЫХ Елена Павловна
кандидат психологических наук, доцент кафедры
социальной работы и безопасности жизнедеятельности
Курского государственного медицинского университета

Абрамов А.П. д.с.н., доц.
(ФНИСЦ РАН, г. Москва)

Бабинцев В.П. д.филос., проф.
(НИУ БелГУ, г. Белгород)

Бобынцев И.И. д.м.н., проф.
(ФГБОУ ВО КГМУ Минздрава России, г. Курск)

Волкова О.А. д.с.н.
(ФГБОУИ ВО МГГЭУ, г. Москва)

Василенко Т.Д., д.псих.н., проф.
(ФГБОУ ВО КГМУ Минздрава России, г. Курск)

Запесоцкая И.В. д.психол.н., проф.
(РНИМУ им. Н.И. Пирогова, г. Москва)

Зотов В.В. д.с.н., проф.
(ФГАОУ ВО МФТИ (НИУ), г. Москва)

Ильдарханова Ч.И.
(Академия наук Республики Татарстан, г. Казань)

Каменева Т.Н., д.соц.н., проф.
(Финансовый университет при Правительстве РФ,
г. Москва; Белгородский государственный
национальный исследовательский университет,
г. Белгород)

Кашапов С.М. д.психол.н., проф.
(ФГБОУ ВО ЯрГУ им. П.Г. Демидова, г. Ярославль)

Клюева Н.В. д.психол.н., проф.
(ФГБОУ ВО ЯрГУ им. П.Г. Демидова, г. Ярославль)

Когай Е.А. д.филос.н., проф.
(ФГБОУ ВО КГУ, г. Курск)

Лескова И.В. д.с.н., проф.
(ФГБОУ ВО РГСУ, г. Москва)

Молчанова Л.Н. д.псих.н.
(ФГБОУ ВО КГМУ Минздрава России, г. Курск)
Никишина В.Б., д.псих.н., проф.
(РНИМУ им. Н.И. Пирогова, г. Москва)

Пергаменщик Л.А. д.псих.н., проф.
(БГПУ, Берарусь)

Разуваева Т.Н. д.псих.н., проф.
(Белгородский государственный университет,
г. Белгород)

Сорокоумова Е.А. д.психол.н., проф.
(ФГБОУ ВО МПГУ, г. Москва)

Симоненко И.А. д.псих., проф.
(РНИМУ им. Н.И. Пирогова, г. Москва)

Шульгина Т.А. к.псих.н., доц.
(ФГБОУ ВО КГМУ Минздрава России, г. Курск)

CONTENT

SOCIOLOGY

Sadykov R.M., Bolshakova N.L. 6
 SUPPORT OF A SUBSTITUTE FAMILY AS A FACTOR IN ENSURING THE SUSTAINABILITY OF
 THE FAVORABLE SOCIAL DYNAMICS OF ORPHANED CHILDREN

Danilchuk D.V., Grigorian S.M., Tkachenko P.V. 22
 SCREENING DIAGNOSTICS OF PSYCHOEMOTIONAL DISORDERS IN STUDENTS OF KURSK
 STATE MEDICAL UNIVERSITY

PEDAGOGICAL PSYCHOLOGY

Kashapov A.S., Usanina M.V. 33
 A MENTAL MODEL OF THE INTERRELATIONSHIP BETWEEN RESILIENCE AND CONFLICT
 COMPETENCE OF A PRESCHOOL TEACHER

Anufriev A.F., Rakhmatova M.R. 47
 FORMATION OF DIAGNOSTIC THINKING AMONG BACHELORS AND MASTERS IN A DIGITAL
 ENVIRONMENT

Kashapov M.M., Saytsev K.S. 60
 THE INFLUENCE OF PROFESSIONAL EXPERIENCE ON CREATIVITY IN THE CONFLICT
 COMPETENCE OF EDUCATIONAL INSTITUTION MANAGERS

Li N.S. 71
 SUBJECTIVE WELL-BEING OF COLLEGE TEACHERS AND STUDENTS STUDYING IN
 PEDAGOGICAL SPECIALTIES

Timoshilov V.I., Mamonova O.E., Ulinova A.O. 79
 THE PROBLEM OF DRUG ADDICTION THROUGH THE EYES OF STUDENTS DURING THE
 PANDEMIC AND POST-PANDEMIC REALITY

SOCIAL PSYCHOLOGY

Molchanova L.N., Kasyanova K.V. 92
 MODIFICATION OF THE PROFESSIONAL BURNOUT METHODOLOGY BY K. MASLACH AND
 S. JACKSON (ADAPTED BY N.E. VODOPYANOVA) ON A SAMPLE OF PROFESSIONALLY
 ORIENTED VOLUNTEERS

MEDICAL PSYCHOLOGY

Petrash EA., Sidorenko I.A., Franko-Tentiuk A.A. 105
 OCULOMOTOR RESPONSE STRATEGIES IN RECOGNIZING REALISTIC AND SCHEMATIC
 IMAGES OF HUMAN FACES IN A PATIENT WITH ALZHEIMER'S DISEASE: A CLINICAL CASE

Kuznetsova A.A., Akulinova M.V., Kozyreva A.D. 116
 SPECIFICITY OF COGNITIVE FUNCTIONS IN PATIENTS WITH TYPE 2 DIABETES MELLITUS
 DEPENDING ON DISEASE DURATION

Khakhutadze N.M.K., Kuznetsova A.A., Logvin K.V. 133
 OPTICAL COORDINATION FUNCTIONS IN HEARING-IMPAIRED CHILDREN OF PRIMARY
 SCHOOL AGE

FROM SCIENCE TO PRACTICE

Zabelina N.V. 150
 TECHNOLOGIES OF SOCIAL WORK AND THEIR IMPLEMENTATION IN THE PRACTICE OF
 HELPING VICTIMS IN EMERGENCY SITUATIONS

Nepochatykh A.V., Volobyev N.V. 162
 SPORTS VOLUNTEERING OPPORTUNITIES WHEN WORKING WITH ADOLESCENTS
 DISPLACED: FROM THE EXPERIENCE OF KURSK STATE AGRARIAN UNIVERSITY

Chairman
 Editorial Board
 V.A. Lazarenko

Editor-in-chief
 P.V. Tkachenko

Executive Secretary
 E.P. Nepochatykh

Technical Secretary
 M.S. Filippovich

Editorial address:
 305041
 Kursk, st. Marx, 3
 E-mail: j-chr@mail.ru
 http://www.j-chr.com

EDITORIAL BOARD

CHAIRMAN

Dr. Victor Lazarenko
Honored Physician of the RF, MD, Full Professor, Rector of Kursk State Medical University, Russian Federation

EDITOR-IN-CHIEF

Dr. Pavel Tkachenko
MD, Associate Professor, Head of Normal Physiology Department n.a. Professor Zavyalov of Kursk State Medical University, Russian Federation

EXECUTIVE SECRETARY

Dr. Elena Nepochatyh
Candidate of Sciences in Sociology, Associate Professor, Associate Professor of Social Work and Life Safety Department, Kursk State Medical University

Abramov A.P. PhD, Associate Professor
(FCTAS RAS, Moscow)

Babyntsev V.P. PhD, Full Professor
(Belgorod State University, Belgorod)

Zapesotskaya I.V. PhD, Associate Professor
(N.I. Pirogov Russian National Research Medical University, Moscow)

Zotov V.V. PhD, Full Professor
(Moscow Institute of Physics and Technology (National Research University), Moscow)

Ildarkhanova Ch.I. PhD
(Tatarstan Academy of Science, Kazan)

Kashapov M.M. PhD, Full Professor
(P.G. Demidov Yaroslavl State University, Yaroslavl)

Kameneva T.N. PhD, Professor
(Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow; Belgorod State National Research University, Belgorod)

Klyuyeva N.V. PhD, Full Professor
(P.G. Demidov Yaroslavl State University, Yaroslavl)

Kogai E.A. PhD, Full Professor
(Kursk State University, Kursk)

Leskova I.V. PhD, Full Professor
(Russian State Social University, Moscow)

Molchanova L.N. PhD
(Kursk State Medical University, Kursk)

Nikishina V.B. PhD, Full Professor
Moscow State National
(Research University named after N.I. Pirogov)

Pergamenshchik L.A. PhD, Full professor
(Belarusian State Pedagogical University named after Maxim Tank, Minsk, Belarus)

Razuvaeva T.N. PhD, Full Professor
(Belgorod State University, Belgorod)

Sorokoumova E.A. PhD, Professor
(Moscow Pedagogical State University, Moscow)

Simonenko I.A. PhD, associate Professor
(N.I. Pirogov Russian National Research Medical University, Moscow)

Shulgina T.A. Candidate of Psychology, associate Professor
(Kursk State Medical University, Kursk)

Vasilenko T.D. PhD, Full Professor
(Kursk State Medical University, Kursk)

Volkova O.A. PhD
(Moscow State University of Humanities and Economics, Moscow)

DOI: 10.21626/j-chr/2026-1(46)/1
УДК: 364.04

Социология

СОПРОВОЖДЕНИЕ ЗАМЕЩАЮЩЕЙ СЕМЬИ КАК ФАКТОР ОБЕСПЕЧЕНИЯ УСТОЙЧИВОСТИ БЛАГОПРИЯТНОЙ СОЦИАЛЬНОЙ ДИНАМИКИ ДЕТЕЙ-СИРОТ

© Р.М. Садыков, Н.Л. Большакова

Садыков Р.М. – кандидат социологических наук, доцент, старший научный сотрудник, Институт социально-экономических исследований Уфимского федерального исследовательского центра Российской академии наук

e-mail: SadikovRM@mail.ru

Адрес: 450054, г. Уфа, Проспект Октября, 71, Российская Федерация

Большакова Н.Л. – старший преподаватель кафедры социальной работы, Уфимский университет науки и технологий

e-mail: bolshakovanl@mail.ru

Адрес: 450076, г. Уфа, ул. Валиди, 32, Российская Федерация

6

АННОТАЦИЯ

Актуальность исследования обусловлена необходимостью повышения эффективности семейного устройства детей-сирот в контексте реализации государственной социально-демографической политики. В учреждениях для детей-сирот наблюдается нарушение целостности функционирования детского сообщества, сопровождающееся изоляцией от социокультурного контекста, дефицитом аффилиативной поддержки и накоплением дестабилизирующих факторов в их социальной динамике. Несмотря на устойчивую тенденцию к сокращению численности детей-сирот и приоритетность их передачи в замещающие семьи, сохраняется серьезная проблема вторичного сиротства. Ключевой причиной возвратов детей в интернатные учреждения является недостаточная психолого-педагогическая подготовка замещающих родителей, их неполная осведомленность об особенностях развития и воспитания детей с травматическим опытом, а также дефицит системной профессиональной поддержки на всех этапах функционирования семьи.

Цель исследования: изучение технологии сопровождения замещающей семьи как фактора жизнеустройства и обеспечения устойчивости благоприятной социальной динамики детей-сирот.

Материалы и методы. Использованы официальные статистические данные, законодательные и нормативно-правовые акты Российской Федерации и Республики Башкортостан. Эмпирическую базу составили результаты авторского социологического опроса детей в центрах содействия семейному воспитанию.

Результаты исследования показывают, что передача детей-сирот на воспитание в замещающие семьи является приоритетной и эффективной формой устройства. Определена сущность сопровождения замещающей семьи: активизация внутренних сил всех членов семьи, способность замещающих родителей самостоятельно решать серьезные вопросы в воспитании приемных детей. Обоснована роль сопровождения замещающей семьи не как вспомогательной услуги, а как ключевого фактора, обеспечивающего устойчивость благоприятной социальной динамики ребенка и профилактику повторного сиротства.

Выводы. Исследование показывает, что дети, выросшие в замещающих семьях, имеют тенденцию к лучшему интеллектуальному, эмоциональному и социальному развитию. Успешное сопровождение замещающей семьи требует индивидуального подхода к каждому случаю и постоянного мониторинга со стороны специалистов, чтобы минимизировать риски, обеспечить благополучие и устойчивость благоприятной социальной динамики детей-сирот. Сформулированы направления совершенствования технологии сопровождения: углубленная доприемная подготовка, непрерывное многопрофильное сопровождение после устройства ребенка, развитие профессиональных сообществ замещающих родителей.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: замещающая семья; дети-сироты; сопровождение; устойчивая социальная динамика; социальная адаптация; модель сопровождения; профилактика вторичного сиротства.

Благодарности. Исследование выполнено в рамках государственного задания УФИЦ РАН № 075-00576-26-00 на 2026 год и на плановый период 2027 и 2028 годов.

Конфликт интересов. Авторы декларируют отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Социально-демографическая ситуация в России актуализировала поиск системных мер, направленных на укрепление воспроизводственного потенциала и стабильное социальное развитие населения. Поддержка семьи, повышение ценности семей с детьми и формирование условий для ответственного родительства приобретают стратегическое значение для устойчивости социальной динамики населения. Благоприятная социальная динамика детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, определяется обеспечением нормальной жизнедеятельности, заботой о них, состоянием их здоровья, защищенностью, соблюдением их прав, любовью в семье и обществе. Обеспечение благоприятной их социальной динамики является особой задачей государства и общества. Рост внимания к проблемам детей, их социальному положению связан также с регулированием социально-демографических процессов в стране. Физическое, психологическое и социальное функционирование детей, прежде всего социально уязвимых групп, представляет актуальность и повышенный научный интерес [5].

Дети, отнесенные к группе риска, часто испытывают дефицит первичной аффилиативной поддержки, что является значимым фактором риска для их последующего физического, психологического и социального развития. В учреждениях для детей-сирот наблюдается нарушение целостности функционирования детского сообщества, сопровождающееся изоляцией от социокультурного контекста и накоплением дестабилизирующих факторов в их социальной динамике. Концепция нормализации жизни ребенка подразумевает пересмотр представлений о его потребностях применительно к организации бытовой среды, спектру доступных видов деятельности, формам социального взаимодействия и образовательным ресурсам. Следовательно, повышение качества жизни на основе удовлетворения этих потребностей является необходимым условием для устойчивости положительной социальной динамики и развития [19]. В статье уточнено и операционализировано понятие «устойчивая благоприятная социальная динамика ребенка-сироты» как совокупность позитивных изменений в траектории развития (школьная адаптация, просоциальные связи, эмоциональное благополучие, отсутствие правонарушений).

Цель исследования: изучение технологии сопровождения замещающей семьи как фактора, обеспечивающего устойчивую положительную социальную динамику ребенка-сироты.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Методологическую основу работы составил комплекс общенаучных методов, включая системный, сравнительный, функциональный и статистический анализ. Эмпирическую базу исследования образуют официальные статистические данные Федеральной службы государственной статистики России (Росстат) и Территориального органа Росстата по Республике Башкортостан (Башкортостанстат) за последние годы.

Ключевым элементом эмпирической базы стали материалы авторского социологического опроса, проведенного среди детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, воспитывающихся в центрах содействия семейному воспитанию Республики Башкортостан в марте 2024 года. Были опрошены

дети средних и старших классов (5–11 классы, 267 детей). В качестве социологического метода исследования выбран анкетный опрос.

На основе указанных источников проведен анализ динамики численности детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, в РФ и РБ, а также исследованы региональные особенности ситуации с социальным сиротством. Центральным объектом анализа выступила технология сопровождения замещающей семьи как ключевой фактор успешного жизнеустройства и обеспечения устойчивой благоприятной социальной динамики воспитанников.

В рамках исследования операционализировано ключевое понятие – «замещающая семья». Данный термин получил широкое распространение в современной научной литературе и социальной практике. В работе принимается следующее синтетическое определение: замещающая семья – это институциональная форма жизнеустройства ребенка, основанная на договорных или правовых отношениях, в которой воспитательные функции выполняют не кровные родители, а законные представители (усыновители, опекуны, попечители, приемные или патронатные родители). Ее отличительными характеристиками являются целевая направленность: создание условий, максимально приближенных к естественной семейной среде, для обеспечения оптимального развития, успешной социализации и устойчивой положительной социальной динамики ребенка, а также системная природа, где замещающая семья представляет собой особый тип семейной системы, возникающий в результате интеграции приемного ребенка в базисную семью, что порождает новые закономерности функционирования и развития [3]. Формирование и функционирование такой семьи предполагает обязательную подготовку кандидатов (прохождение «Школы приемных родителей» (ШПР)) и их открытость для последующего профессионального сопровождения со стороны специалистов органов опеки и социальных служб.

Таким образом, замещающая семья понимается не как простая замена кровной, а как специфический социальный институт и динамическая система, требующая целенаправленного формирования, поддержки и изучения для достижения главного результата – благополучия ребенка.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ОБСУЖДЕНИЕ

Причины, приводящие к сиротству, носят комплексный характер. К ним относятся факторы утраты родительской опеки (смерть от болезней или в результате катастроф), экономическая неспособность обеспечить надлежащий уход, а также деструктивные модели поведения родителей (зависимость). Основанием для помещения ребенка в специализированное учреждение часто служат доказанные случаи насилия или принудительное лишение родительских прав. Сиротство остается острой социальной проблемой, требующей внимания со стороны государства и общества. Функции выявления таких детей и надзора за условиями их содержания и воспитания возложены на органы опеки и попечительства [18].

Дети, растущие без семьи, сталкиваются с серьезными последствиями в виде психологических (эмоциональных) травм, возникающих в результате нарушения ощущения безопасности и длительного стресса. Все это наносит вред психическому здоровью ребенка, последствия которого будут сопровождать его на протяжении всей жизни. Пережитый травматический опыт препятствует нормальному развитию ребенка, его социализации и интеграции в семейную и общественную жизнь. В результате возникает потребность в формах устройства, которые смогут свести к минимуму негативный опыт, приобретенный в прошлом [10; 16].

Результаты различных исследований свидетельствуют о своеобразной, качественно иной картине личностного развития ребенка-сироты. В условиях интернатного учреждения личностные характеристики формируются так, что адекватная социализация ребенка существенно затрудняется. Важнейшую роль в формировании специфических особенностей детей-сирот играют социальные условия их развития, психическая депривация, то есть недостаточное удовлетворение основных потребностей ребенка в любви и привязанности, безусловном принятии в течение длительного времени и в серьезной степени [4]. В связи с ограничением социальных контактов детей-сирот процесс их социализации затруднен, поскольку существенным образом зависит от тех норм, которые приняты в социальном окружении ребенка. В условиях воспитания вне семьи трудности, с которыми сталкивается ребенок в процессе социализации, удваиваются.

Дети-сироты ежедневно сталкиваются с рядом трудностей, которые усугубляют их жизненный опыт и создают препятствия для формирования гармоничных межличностных отношений. По результатам авторского социологического исследования определены ключевые проблемы, обозначенные учащимися среднего и старшего звена общеобразовательных учреждений: «могу обмануть, сказать неправду» (33,7%), «использую ругательные слова» (33,0%), «невнимательность, забывчивость» (30,0%). Сохраняют позиции и трудности в общении (30,7%), в том числе: трудно общаться с другими детьми (10,5%), трудно общаться со взрослыми (8,6%), трудно общаться с педагогами, воспитателями (5,6%) и трудно общаться с родственниками (6%).

Выявленные поведенческие паттерны (склонность ко лжи, вербальная агрессия, коммуникативные трудности) являются не просто индивидуальными особенностями, а маркерами дезадаптации, сформировавшимися в условиях депривации. Для замещающих родителей эти проявления часто становятся «триггерами», вызывающими непонимание, раздражение и чувство собственной несостоятельности. Именно данные поведенческие особенности, согласно анализу научной литературы, лежат в основе большинства конфликтов в замещающих семьях и являются наиболее частой причиной обращений за кризисной психологической помощью.

Более половины детей среднего и старшего возраста ответили (59,9%), что им не нравится учиться в школе, в том числе 9,4% детей – совсем не нравится, 6,7% – скорее не нравится и 43,8% – что-то нравится, что-то нет. Столь высокий показатель негативного или амбивалентного отношения к школе является серьезным вызовом для замещающей семьи. Низкая учебная мотивация приемного ребенка требует от родителей значительных педагогических усилий и терпения. При отсутствии поддержки со стороны специалистов (педагогов-психологов, социальных педагогов) это может привести к снижению родительской самоэффективности, накоплению усталости и, в конечном счете, к эмоциональному выгоранию замещающих родителей.

Результаты исследования выявили следующую картину: периодическая неподготовленность, несобранность, неорганизованность учеников на уроках; не в полном объеме или на низком уровне выполненные домашние задания; отсутствие внимания, пассивность учеников на первых уроках.

Воспитанники интернатных учреждений демонстрируют выраженное отставание в ряде областей их развития: наблюдается дефицит качественно-количественных характеристик совместной деятельности, что негативно сказывается на процессах формирования личности; эмоциональная депривация в контактах со взрослыми усиливает потребность в аффилиации, затрудняя освоение социально-ролевых позиций. Безальтернативность пребывания в

ограниченной референтной группе сверстников способствует формированию феномена групповой идентификации («мы»). Дети, воспитывающиеся в условиях интернатных учреждений, демонстрируют дефицит фундаментального чувства доверия, ощущения родства, причастности к традиционным семейным структурам и моральным ценностям. Кроме того, они характеризуются более низкими показателями когнитивного функционирования и языкового развития, а также ограниченным набором умений и навыков. На сегодняшний день отсутствуют объективные сведения относительно состояния образовательной деятельности в учреждениях интернатского типа и специализированных интернатах для детей-сирот вследствие дефицита верифицированных статистических данных, представленных в публичном пространстве. Подавляющее большинство несовершеннолетних, оказавшихся в неблагоприятных жизненных обстоятельствах, объективно нуждаются в квалифицированной поддержке в ходе самостоятельной подготовки к занятиям. Для указанных категорий обучающихся характерно отсутствие устойчивых внутренних ресурсов саморегуляции, замещаемых преимущественно привязанностью к родителям и значимым близким лицам. Установлено, что воспитанники детских учреждений демонстрируют выраженную необходимость эмоционального контакта со взрослыми людьми. Данный феномен проявляется не только через вербальное взаимодействие, но также посредством стремления к телесному контакту – объятиям, касаниям рук, попыткам расположиться физически ближе рядом с педагогом или воспитателем. Указанные формы поведения являются важными компонентами психологического комфорта и социального благополучия несовершеннолетних, способствуют формированию устойчивых позитивных личностных качеств [1].

Замещающая семья рассматривается как оптимальная форма для обеспечения устойчивого социального развития детей-сирот, заменяющая неэффективную родительскую опеку [11]. Сравнительный анализ показывает, что замещающая семья отличается от кровной по ряду критериальных параметров [20]. Эти параметры включают: продолжительность функционирования, иерархию поколений, основание родства (биологическое/юридическое), степень связи с большой семьей, открытость системы, наличие у усыновителей несовершеннолетних детей, добровольность формирования отношений и обязательную превентивную подготовку приемных родителей. Кроме того, замещающая семья характеризуется нормативно-правовым регулированием и государственным надзором за соблюдением прав подопечного.

С точки зрения правового регулирования среди замещающих семей выделяют две основные категории: профессиональные (приемные и патронатные семьи) и непрофессиональные (семьи усыновителей, опекунов и попечителей). Среди непрофессиональных форм усыновление (удочерение) выделяется как приоритетный механизм семейного жизнеустройства детей-сирот. Ключевое отличие усыновления заключается в присвоении ребенку юридического статуса кровного, что сопряжено с прекращением юридических связей с биологическими родителями и, как правило, обеспечением конфиденциальности процедуры (тайны усыновления). Кроме того, усыновление носит бессрочный (постоянный) характер, в отличие от других форм замещения, которые, несмотря на потенциальную продолжительность, имеют временный правовой статус. К непрофессиональным формам относится опека и попечительство, являющиеся одной из ключевых моделей. Ее особая ценность заключается в том, что в большинстве случаев обязанности опекуна берут на себя близкие родственники ребенка (бабушки, дедушки, тети, дяди), что минимизирует травму разрыва с привычным социальным окружением и способствует сохранению

родственных связей и семейной истории.

К профессиональным (возмездным) формам семейного устройства относятся приемная и патронатная семья. Их ключевой отличительной чертой является заключение с замещающими родителями (воспитателями) трудового или гражданско-правового договора. Приемные родители выполняют обязанности по воспитанию на возмездной основе с зачислением данного периода в трудовой стаж. Патронатная семья представляет собой модель профессиональной семейной заботы, при которой патронатный воспитатель получает заработную плату и средства на содержание ребенка, что формализует его профессиональную роль.

Институт замещающей семьи в целом сталкивается с рядом системных вызовов, требующих научного осмысления и комплексных управленческих решений. К ним относятся:

- необходимость взаимоадаптации членов базисной семьи и приемного ребенка, формирования новых внутрисемейных границ и правил, а также гармонизации взаимодействия семьи с внешним социумом (школой, окружением);
- вопросы определения оптимального количества детей в одной профессиональной замещающей семье, продолжительности ее функционирования и профилактики эмоционального выгорания приемных родителей;
- тенденция к формированию неполных замещающих семей, что может создавать дополнительную нагрузку на единственного родителя и влиять на устойчивость семейной системы;
- задача не просто передачи ребенка, а взаимообогащения семейными ценностями и культурными практиками, что требует от замещающих родителей особой личностной и педагогической зрелости.

Решение указанных проблем видится в последовательной реализации комплексного подхода, объединяющего:

- углубленную доприемную подготовку кандидатов, направленную на формирование реалистичных ожиданий и практических компетенций;
- непрерывное многопрофильное сопровождение семьи после устройства ребенка, включающее психологическую, педагогическую, социальную и юридическую поддержку;
- развитие профессиональных сообществ замещающих родителей для поддержки, обмена опытом и снижения рисков профессиональной изоляции.

Проблема и динамика социального сиротства – устойчивое явление общественного бытия, наблюдаемое в различных странах. В России общая численность детей-сирот за последние 10 лет сократилась на 25% (с 491 тыс. в 2013 году до 340 тыс. в 2024 году) и составила 2% от общего количества всех детей. Из них 240 тыс. (или 70%) – социальные сироты. Число детей-сирот, находящихся в детских организациях, сократилось со 106 тыс. в 2013 году до 49 тыс. в 2024 году. В домашних условиях живут 90% сирот [21] (таблица 1).

Оценка динамики социального сиротства в регионах Российской Федерации выявила положительные практики и негативные явления. Среди регионов с положительной динамикой выделяются Республики Ингушетия, Дагестан, Чечня, Калмыкия, Адыгея, Чувашия, Карачаево-Черкесия, Кабардино-Балка-

Таблица 1. Численность детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, чел.

Table 1. Number of orphans and children left without parental care, people.

Года	2021	2022	2023	2024
Российская Федерация	390 949	375 700	358 006	340 055
Республика Башкортостан	11 476	10 886	10 337	9 681

рия, Татарстан, Башкортостан, Ханты-Мансийский автономный округ – Югра, Краснодарский и Ставропольский края, Московская и Белгородская области, г. Москва. В дальневосточных регионах России сложилась неблагоприятная ситуация с социальным сиротством: Чукотский автономный округ, Еврейская автономная область, Республика Тыва, Магаданская область, Забайкальский край.

Подростки от 14 до 17 лет составляют большинство среди тех, кто подлежит устройству в семейные группы. Среди востребованных для устройства в приемные семьи – младенцы. У детей-сирот, находящихся в социальных учреждениях, наблюдаются проблемы со здоровьем: хронические заболевания, 25% имеют инвалидность. Количество детей без физических, психических отклонений, дефектов и нарушений составляет около 5%. В 2024 году выявлено около 40 тыс. детей-сирот, что на 5,7% меньше, чем в 2023 году; 26 594 социальных сироты, что на 9,5% меньше по сравнению с 2023 годом (таблица 2).

Таблица 2. Выявление и устройство детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, чел.
Table 2. Identification and placement of orphaned children and children left without parental care, people.

Года		2022	2023	2024
Число выявленных детей	РФ	45 332	41 958	39 583
	РБ	1246	1165	1179
Переданы в замещающие семьи	РФ	47 200	43 800	41 600
	РБ	1807	1757	1163

12

В последние годы особое внимание уделяется профилактике социального сиротства, процессу раннего выявления факторов семейного риска. Благодаря своевременной превенции и оказанию социальной поддержки семьям значительно увеличились шансы ребенка на успешную социализацию и благополучное развитие [14]. Одним из ключевых элементов системы ранней профилактики является межведомственное взаимодействие и социальное партнерство. Сотрудничество заинтересованных организаций создает и формирует устойчивую, безопасную и поддерживающую среду для детей и их семей.

На воспитании в семьях находились 307 205 детей в 2024 году, 322 628 человек в 2023 году, 337 598 человек в 2022 году. В 2024 году устроены в семьи 41 612 детей-сирот, в 2023 году – 43 797, в 2022 – 34 077. Устроены в семьи детей больше, чем выявленных: в 2024 году на 5% больше, в 2023 – на 4,4%, в 2022 – на 4% [21].

Роль института замещающей семьи в контексте социальной реабилитации детей-сирот является первостепенной. Данная форма устройства обеспечивает комплексное удовлетворение потребностей ребенка: от материально-бытового обеспечения до предоставления эмоциональной поддержки и аффилиации. Замещающие родители выступают в качестве субъектов реабилитационной деятельности, способствуя преодолению кризисных последствий предыдущего опыта и содействуя установлению устойчивых доверительных связей. Эти процессы являются детерминантами позитивного психологического статуса и общего благополучия ребенка [8].

Функционирование замещающей семьи (временное или постоянное) определяется индивидуальной ситуацией ребенка. Критическим условием успешности данной формы устройства является полное осознание членами семьи ответственности за благополучие и развитие ребенка, а также готовность к преодолению потенциальных кризисных ситуаций и вызовов. Именно адекватная стратегия родительского подхода и эмоциональная вовлеченность

замещающих родителей выступают решающим фактором в формировании позитивной траектории развития ребенка. Процесс становления замещающей семьи включает в себя проверку кандидатов (экзамены, аттестацию на соответствие критериям) и период адаптации, необходимый для освоения новых ролей и установления моделей взаимодействия. Обязательная подготовка в Школе приемных родителей повышает компетентность родителей в понимании специфики потребностей приемного ребенка и их способность к межсемейному обмену опытом. Однако следует подчеркнуть, что успешная адаптация ребенка не может быть обеспечена только обучением; сопровождение замещающей семьи играет ключевую роль в стабилизации функционирования новой семьи.

Сопровождение замещающих семей представляет собой комплекс мероприятий, направленных на оказание помощи и поддержки данной категории семей, а также на профилактику вторичного сиротства и рисков жестокого обращения с детьми [22]. В основе сопровождения лежит идея эмпауэрмента (расширение прав и возможностей личности, сообществ, организаций, отдельных социальных групп) [7]. Следовательно, сущность сопровождения замещающей семьи заключается в активизации внутренних сил всех ее членов, в способности замещающих родителей самостоятельно решать серьезные вопросы в воспитании приемных детей.

Необходимость сопровождения замещающей семьи вызвана двумя причинами. Первая – сами дети: детям-сиротам без помощи взрослых самостоятельно не социализироваться в обществе. Вторая причина – особенности самой замещающей семьи: перед замещающими родителями, независимо от их опыта, возраста, уровня образования и иных факторов, возникают сложности в воспитании приемных детей [12]. Недостаточный уровень знаний и подготовки замещающих родителей, отсутствие квалифицированной поддержки со стороны специалистов могут привести к отказу от ребенка. В связи с этим социальное сопровождение замещающей семьи представляется необходимым для профилактики отказов от детей-сирот [2].

Сопровождение замещающей семьи направлено на укрепление семейных связей и создание благоприятной среды для развития ребенка, что достигается за счет целенаправленного вмешательства. Это включает дифференцированную поддержку (индивидуальную и групповую), обучение родителей эффективным стратегиям воспитания и разрешению кризисных ситуаций. Особое внимание уделяется психологическому сопровождению, требующему от специалистов глубокого понимания травматического опыта приемных детей и высокого уровня эмпатии. Для подтверждения потребностей и разработки адресных коррекционных мер используется комплексная диагностика, включающая качественные и количественные методы (анкетирование, интервью, наблюдение). На основе полученных данных формируются персонализированные программы психокоррекции для всех участников замещающей системы [17].

Прохождение «Школы приемных родителей» потенциальными замещающими родителями является обязательной подготовкой, в рамках которой они приобретают необходимые знания и навыки для эффективного взаимодействия с детьми-сиротами. Учитывая выявленные в ходе нашего исследования поведенческие особенности детей (склонность ко лжи, вербальная агрессия), представляется необходимым усилить в программах ШПР блоки, посвященные техникам ненасильственного общения, методам реагирования на детскую ложь и способам совладания с собственной фрустрацией у родителей. Формальное информирование об этих проблемах без отработки практических навыков снижает превентивный потенциал подготовки.

Анализ практики организации сопровождения замещающих семей в России

позволяет выявить устойчивые структурные и содержательные дефициты, снижающие ее общую эффективность:

1. Кадровый дефицит и дефицит профессиональных компетенций. Во всех звеньях системы (органы опеки и попечительства, ресурсные центры, школы приемных родителей) наблюдается хроническая нехватка квалифицированных специалистов. Отсутствует единая система их целевой подготовки и повышения квалификации по специфике работы именно с замещающими семьями, что приводит к применению универсальных, зачастую неадекватных, методик работы [6].

2. Низкий уровень межведомственной координации. Деятельность организаций здравоохранения, образования, социальной защиты и НКО, вовлеченных в поддержку семьи, часто носит разрозненный характер. Отсутствие четких регламентов взаимодействия, единых баз данных и назначенных кураторов случая создает организационный барьер для получения семьей своевременной и комплексной помощи.

3. Несовершенство форм подготовки кандидатов. Программы «Школ приемных родителей» нередко критикуются за формализм, недостаточную практическую ориентированность и слабую связь с этапом последующего сопровождения, что снижает их превентивный потенциал.

Отдельный комплекс проблем связан с сопровождением семей, воспитывающих детей с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ). Для данной категории замещающих родителей системные недостатки обостряются, создавая специфические трудности [13; 15]:

– родители сталкиваются с запоздалым и неполным информированием о полагающихся ребенку льготах, реабилитационных возможностях и правовых аспектах. Ощущается острая нехватка профильных консультантов (медиков, дефектологов, реабилитологов), способных дать квалифицированные рекомендации по развитию и уходу;

– семьи недостаточно информированы о сети учреждений и организаций, оказывающих услуги детям с ОВЗ, что затрудняет построение индивидуального маршрута реабилитации и абилитации;

– отсутствует достаточное количество доступных служб психологической поддержки, ориентированных на работу с родительским стрессом, тревогой, эмоциональным выгоранием и сложностями принятия диагноза ребенка, что является критически важным для устойчивости всей семейной системы.

Анализируя вышесказанное, можно констатировать: существующая модель сопровождения демонстрирует системный разрыв между декларируемыми целями поддержки и реальными организационно-кадровыми возможностями для их достижения, особенно в отношении наиболее уязвимой категории замещающих семей – воспитывающих детей с ОВЗ.

Многообразие проблем в сопровождении замещающих семей требует продуманной системы мер по их решению, совместной работы специалистов из разных областей знания. При сопровождении семьи необходимо учитывать индивидуальные особенности каждого члена семьи и создавать условия, способствующие их развитию и благополучию. Важно также уделять внимание психологической поддержке и консультированию для преодоления семьями возможных трудностей и конфликтов. В зависимости от потребностей замещающей семьи, ей оказывается необходимая психолого-педагогическая помощь в соответствии со следующими уровнями сопровождения: адаптационно-кризисным, базовым, кризисным, экстренным.

Работа с замещающими семьями на адаптационно-кризисном уровне направлена на оперативное устранение рисков и формирование устойчивых

навыков. Основные задачи заключаются в дидактической поддержке родителей (освоение коммуникативных техник, конфликтологии) и психологическом вмешательстве в отношении детей, испытывающих социальные трудности при взаимодействии с окружающими. Обеспечение полноценного развития приемных детей достигается за счет передачи необходимых знаний и навыков родителям. Таким образом, приоритетной задачей на начальном этапе (в течение первого года) является стабилизация семейной системы и создание благоприятных условий для всех ее участников.

Базовый уровень сопровождения выполняет превентивную функцию, направленную на предотвращение дисфункций в замещающей семье. Основная потребность, удовлетворяемая на данном этапе, – психологическая поддержка, которая достигается посредством регулярных консультаций родителей и детей. Деятельность включает в себя углубленное обучение замещающих родителей специфическим аспектам воспитания и развития приемных детей, что способствует повышению их родительской компетентности. Важным компонентом является отслеживание динамики адаптации ребенка. Совокупность этих мер обеспечивает укрепление ресурсов семьи и сводит к минимуму риск возникновения кризиса.

Когда возникают серьезные проблемы или конфликты, активизируется кризисный уровень сопровождения, направленный на оказание помощи в урегулировании семейной ситуации. Проблемы или конфликты могут быть вызваны различными факторами: недостатком родительских навыков, наличием психической травмы у ребенка, сложностями в адаптации, испытанием семьей стресса, обусловленного воспитанием «особого» ребенка, наступлением подросткового периода и т.д. На этом уровне проводятся индивидуальные и семейные консультации, разрабатываются планы действий для преодоления кризиса, организуется необходимая поддержка и помощь как для родителей, так и для ребенка. В зависимости от проведенной оценки функционирования семьи, она может быть переведена на базовый или экстренный уровень сопровождения. Экстренный уровень сопровождения ориентирован на предотвращение отказа от воспитания приемного ребенка и направлен на защиту детей от возможного жестокого обращения. Целью экстренного уровня является обеспечение безопасности и защиты ребенка. Каждый уровень позволяет своевременно выявить и решить возникающие трудности и проблемы [9].

ВЫВОДЫ

Передача детей-сирот на воспитание в замещающие семьи утвердилась в Российской Федерации как безусловный приоритет государственной политики в сфере защиты детства и является наиболее эффективной формой семейного устройства. Эмпирические данные убедительно свидетельствуют о значительном преимуществе данного формата перед институциональным содержанием: дети, воспитывающиеся в замещающих семьях, демонстрируют более высокие показатели как в интеллектуальном, так и в эмоционально-личностном развитии. Этот факт подтверждает критическую роль семейной среды в формировании базового доверия к миру и успешной социализации ребенка. Несмотря на институциональную поддержку, процесс интеграции приемного ребенка в новую семью сопряжен с высокой степенью уязвимости. Основные трудности возникают из-за недостаточной информированности приемных родителей об особых потребностях детей, переживших сиротство, а также из-за недостаточного качества или отсутствия своевременной профессиональной поддержки. Неспособность семьи самостоятельно разрешить острые кризисы адаптации, вызванные неосведомленностью, приводит к дезинтеграции отношений и, как

следствие, к реинституционализации (вторичному сиротству), что является наиболее нежелательным исходом.

В ответ на выявленные риски социальное сопровождение замещающей семьи формируется как инновационная и необходимая социальная технология. Суть этой технологии заключается не просто в оказании разовой помощи, а в целенаправленном, последовательном процессе деятельности, направленном на качественное изменение детско-родительских отношений и предотвращение рецидивов сиротства. Сопровождение выступает в качестве комплексной превентивной меры, охватывающей юридическую, медицинскую, психолого-педагогическую и социальную помощь на протяжении всего жизненного цикла замещающей семьи. Ключевой принцип сопровождения – активизация внутреннего потенциала всех членов семьи для достижения самостоятельности в решении жизненных проблем. Эффективное сопровождение требует структурированного подхода, реализуемого через иерархию уровней: адаптационный, базовый, кризисный и экстренный. Каждый уровень предполагает индивидуализированный комплекс мер: от обучения и тренингов (повышение родительской компетентности) до оперативного кризисного вмешательства. Основой для определения необходимого типа и интенсивности помощи служит комплексная диагностика, включающая анкетирование, наблюдение и анализ продуктов деятельности. Это позволяет прогнозировать потенциальные сложности и разрабатывать индивидуальные программы психокоррекции.

На основе авторского социологического опроса детей-сирот выявлен специфический набор поведенческих и коммуникативных трудностей (склонность ко лжи, вербальная агрессия, коммуникативные барьеры, низкая учебная мотивация), интерпретируемых как маркеры дезадаптации в условиях депривации. Показано, как эти трудности становятся триггерами конфликтов в замещающих семьях и факторами риска вторичного сиротства. Обоснована роль сопровождения замещающей семьи не как вспомогательной услуги, а как ключевого фактора, обеспечивающего устойчивость благоприятной социальной динамики ребенка и профилактику повторного сиротства.

Анализ современной практики выявил системные дефициты сопровождения: кадровый голод, межведомственная разобщенность, формализм в подготовке родителей. Для повышения устойчивости замещающих семей необходимы следующие меры:

1. Содержательная коррекция программ «Школы приемных родителей»: усиление практико-ориентированных блоков, направленных на отработку навыков реагирования на детскую ложь, вербальную агрессию и управление собственным эмоциональным состоянием.

2. Совершенствование технологии сопровождения: углубленная доприемная подготовка, непрерывное многопрофильное сопровождение после устройства ребенка, развитие профессиональных сообществ замещающих родителей.

3. Внедрение института наставничества (кураторов случая) из числа опытных приемных родителей для оперативной поддержки и снижения профессиональной изоляции новичков.

4. Разработка и внедрение специализированных программ межведомственного сопровождения для семей, воспитывающих детей с ОВЗ, с обязательным включением профильных специалистов (медиков, дефектологов) и психологов, работающих с родительским выгоранием.

Успешность функционирования замещающей семьи напрямую зависит от качества, непрерывности и индивидуализации оказываемого сопровождения. Только постоянный мониторинг специалистами и своевременная помощь, соответствующая уровню кризиса, могут гарантировать физическое,

психологическое и социальное благополучие, а также гармоничное развитие ребенка в условиях замещающей семьи. Дальнейшие исследования должны быть направлены на изучение долгосрочных (10–15 лет) эффектов различных моделей сопровождения и их влияния на качество жизни выпускников замещающих семей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Антышева, Е.Н. Проблемы адаптации детей-сирот раннего возраста в замещающих семьях / Е.Н. Антышева, М.И. Дубровская, О.Ю. Кочерова, В.В. Чубаровский, О.М. Филькина, С.В. Смирнова // Вопросы детской диетологии. – 2024. – Т. 22. – № 5. – С. 46-53. – DOI 10.20953/1727-5784-2024-5-46-53.

2. Асламазова, Л.А. Преждевременное прерывание воспитания приемных детей в замещающих семьях: обзор российских и зарубежных исследований / Л.А. Асламазова, Р.Ж. Мухамедрахимов, К.Г. Туманьян // Психология. Журнал Высшей школы экономики. – 2021. – Т. 18. – № 4. – С. 888-906. – DOI 10.17323/1813-8918-2021-4-888-906.

3. Базарова, Е.К. Замещающая семья как институт социализации детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей / Е.К. Базарова // Вестник Бурятского государственного университета. – 2011. – №5. – С. 236-243.

4. Барабанов, Р.Е. Социально-психологическая характеристика воспитанников детских домов / Р.Е. Барабанов, Е.А. Мокеева // Вестник Российского нового университета. Серия: Человек в современном мире. – 2022. – № 4. – С. 3-11. – DOI 10.18137/RNU.V925X.22.04.P.003.

5. Большакова, Н.Л. Сиротство как социальная проблема современной России / Н.Л. Большакова, Ю.В. Мигунова, Р.М. Садыков. – Уфа: Башкирский государственный университет, 2014. – 200 с. – ISBN 978-5-7477-3649-8. – EDN WGDIYL.

6. Гайсина, Г.И. Проблемы теории и практики сопровождения замещающей семьи / Г.И. Гайсина // Педагогическое образование в России. – 2013. – № 4. – С. 191-195. – EDN PLCGFW.

7. Киенко, Т.С. Эмпауэрмент (empowerment) – подход как методология исследования и преодоления социальных проблем людей, групп и сообществ в совместной деятельности: обзор и исследовательские рамки / Т.С. Киенко // Российское социологическое обозрение. – 2022. – № 2. – С. 274-303. DOI 10.17323/1728-192x-2022-2-274-303.

8. Колесникова, У.В. Мотивация приема на воспитание детей-сирот трудноустраниваемых категорий в контексте различных форм семейного устройства, включая усыновление / У.В. Колесникова, В.Н. Ослон, Г.В. Семья, М.А. Одинцова // Психологическая наука и образование. – 2024. – Т. 29, № 6. – С. 81-98. – DOI 10.17759/pse.2024290606. – EDN FQROCE.

9. Кузьмин, В.П. Технология социального сопровождения детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей: региональный аспект / В.П. Кузьмин, В.М. Быканова // Коллекция гуманитарных исследований. – 2021. – № 2(27). – С. 14-23. – DOI 10.21626/j-chr/2021-2(27)/2. – EDN TYACMV.

10. Лесина, Е.А. Замещающая кровная семья как социокультурная среда для ребенка, оставшегося без попечения, условия и особенности ее профессионального сопровождения / Е.А. Лесина // Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика. – 2020. – Т. 26, № 3. – С. 173-178. – DOI 10.34216/2073-1426-2020-26-3-173-178. – EDN MYQQNI.

11. Макаренцева, А.О. Возможности профессиональных замещающих семей в деинституционализации сиротства / А.О. Макаренцева, С.В. Коржук // Социологические исследования. – 2022. – № 4. – С. 44-55. – DOI 10.31857/S013216250014317-1.

12. Мартынова, Е. В. Основные проблемы сопровождения замещающих семей / Е.В. Мартынова // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2024. – № 1(69). – С. 27-41. – DOI 10.21685/2072-3016-2024-1-3. – EDN RRBPRY.

13. Мартынова, Е.В. Особенности социализации детей с ограниченными возможностями здоровья в замещающих семьях / Е.В. Мартынова // Человек. Общество. Инклюзия. – 2023. – № 3(55). – С. 38-46. – EDN COJGDH.

14. Меркуль, И.А. Актуальные проблемы социализации детей-сирот, детей, оставшихся без попечения родителей, и лиц из числа детей-сирот / И.А. Меркуль, В.О. Волчанская // Психологическая наука и образование. – 2021. – Т. 26, № 6. – С. 189-199. – DOI 10.17759/pse.2021260615. – EDN FTMLBJ.

15. Оконешникова, Н.М. Работа специалистов по сопровождению приемных детей с ОВЗ и их семей. Проблемы сопровождения замещающих семей, принявших на воспитание детей

с РАС / Н.М. Оконешникова // Аутизм и нарушения развития. – 2017. – № 1. – С. 29-37. – DOI 10.17759/autdd.2017150103.

16. Полякова, О.Б. Формы содействия семейному устройству детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей / О.Б. Полякова // Вестник Псковского государственного университета. Серия: Психолого-педагогические науки. – 2024. – № 20. – С. 105-112. – EDN LNPPSQ.

17. Попова, А.В. Воздействия практики социально-психологического сопровождения на устойчивость замещающих семей / А.В. Попова, Н.С. Шкурова // Журнал исследований социальной политики. – 2024. – Т. 22. – № 4. – С. 607-626. – DOI 10.17323/727-0634-2024-22-4-607-626.

18. Садыков, Р.М. Арт-терапия как здоровьесберегающая технология в работе с детьми из неблагополучных семей / Р.М. Садыков, В.Я. Ахметов, Н.Л. Большакова // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. – 2025. – Т. 33, № 3. – С. 480-486. – DOI 10.32687/0869-866X-2025-33-3-480-486. – EDN WZBSIK.

19. Садыков, Р.М. Устойчивая семейная динамика: роль профилактики социального сиротства в обеспечении благополучия семьи / Р.М. Садыков // Вестник университета. – 2025. – № 11. – С. 272-280. – DOI 10.26425/1816-4277-2025-11-272-280. – EDN YKJSWK.

20. Смак, Т.С. Семья и замещающая семья как категории социологического знания / Т.С. Смак // Социология. – 2018. – № 4. – С. 205-208. – EDN VUTOQD.

21. Федеральная служба государственной статистики. URL: <http://www.gks.ru> (дата обращения 20.01.2026).

22. Щербинина, А.О. Сопровождение замещающих семей: технологии и формы работы / А.О. Щербинина // Социология в современном мире: наука, образование, творчество. – 2021. – № 13. – С. 242-245. – EDN QUIWJX.

Получена: 04.02.2026 г. Доработана после рецензирования: 16.03.2026 г.

Принята к публикации: 18.03.2026 г.

SUPPORT OF A SUBSTITUTE FAMILY AS A FACTOR IN ENSURING THE SUSTAINABILITY OF THE FAVORABLE SOCIAL DYNAMICS OF ORPHANED CHILDREN

© Ramil M. Sadykov, Natalya L. Bolshakova

Ramil M. Sadykov – Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Senior Researcher, Institute of Socio-Economic Research of the Ufa Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences

e-mail: SadikovRM@mail.ru

Address: 450054, 71 Oktyabrya Avenue, Ufa, Russian Federation

Natalya L. Bolshakova – Senior lecturer at the Department of Social Work, Ufa University of Science and Technology

e-mail: bolshakovanl@mail.ru

Address: 450076, 32 Validi St., Ufa, Russian Federation

ABSTRACT

Relevance. The relevance of the study is determined by the need to increase the effectiveness of the family structure of orphaned children in the context of the implementation of state socio-demographic policy. In institutions for orphaned children, there is a violation of the integrity of the functioning of the children's community, accompanied by isolation from the socio-cultural context, a lack of affiliation support and the accumulation of destabilizing factors in their social dynamics. Despite the steady downward trend in the number of orphaned children and the priority given to their transfer to substitute families, there remains a serious problem of secondary orphanhood. The key reason for the return of children to boarding schools is the insufficient psychological and pedagogical training of substitute parents, their incomplete awareness of the peculiarities of the development and upbringing of children with traumatic experiences, as well as the lack of systematic professional support at all stages of family functioning.

Purpose: to study the technology of supporting a substitute family as a factor of life and ensuring the sustainability of the favorable social dynamics of orphaned children.

Materials and methods. The official statistical data, legislative and regulatory acts of the Russian Federation and the Republic of Bashkortostan are used. The empirical basis is based on the results of the author's sociological survey of children in family education assistance centers.

Results. Show that the transfer of orphaned children to foster families is a priority and effective form of placement. The essence of supporting a substitute family is defined: the activation of the internal forces of all family members, the ability of substitute parents to independently resolve serious issues in the upbringing of foster children. The role of supporting a substitute family is substantiated not as an auxiliary service, but as a key factor ensuring the stability of a child's favorable social dynamics and the prevention of repeated orphanhood.

Conclusions. The study shows that children who grow up in substitute families tend to have better intellectual, emotional, and social development. Successful support of a substitute family requires an individual approach to each case and constant monitoring by specialists in order to minimize risks, ensure the well-being and sustainability of the favorable social dynamics of orphaned children. The directions of improving the technology of support are formulated: in-depth pre-admission training, continuous multidisciplinary support after the placement of a child, the development of professional communities of substitute parents.

KEYWORDS: substitute family; orphaned children; support; sustainable social dynamics; social adaptation; support model; prevention of secondary orphanhood.

Acknowledgements. The study was carried out within the framework of the state assignment of UFIC RAS No. 075-00576-26-00 for 2026 and for the planned period of 2027 and 2028.

Conflict of interests. The authors declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

REFERENCES

1. Antysheva E.N., Dubrovskaya M.I., Kocherova O.YU., Chubarovskiy V.V., Fil'kina O.M., Smirnova S.V. Problemy adaptatsii detey-sirot rannego vozrasta v zameshchayushchikh sem'yakh // Voprosy detskoy diyetologii. 2024. T. 22. № 5. S. 46-53. DOI 10.20953/1727-5784-2024-5-46-53.

2. Aslamazova L.A., Mukhamedrakhimov R.ZH., Tuman'yan K.G. Prezhdevremennoe preryvanie vospitaniya priemnykh detei v zameshchayushchikh sem'yakh: obzor rossiiskikh i zarubezhnykh issledovaniy // *Psikhologiya. Zhurnal Vysshei shkoly ehkonomiki*. 2021. T. 18. № 4. S. 888-906. DOI 10.17323/1813-8918-2021-4-888-906.
3. Bazarova E.K. Zameshchayushchaya sem'ya kak institut sotsializatsii detei-sirot i detei, ostavshikhsya bez popecheniya roditelei // *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2011. №5. S. 236-243.
4. Barabanov R.E., Mokeyeva E.A. Sotsial'no-psikhologicheskaya kharakteristika vospitannikov detskikh domov // *Vestnik Rossiyskogo novogo universiteta. Seriya: Chelovek v sovremennom mire*. 2022. № 4. S. 3-11. DOI 10.18137/RNU.V925X.22.04.P.003.
5. Bol'shakova N.L., Migunova YU.V., Sadykov R.M. Sirotstvo kak sotsial'naya problema sovremennoi Rossii. Ufa: Bashkirskii gosudarstvennyi universitet, 2014. 200 s.
6. Gaisina G.I. Problemy teorii i praktiki soprovozhdeniya zameshchayushchei sem'i // *Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii*. 2013. № 4. S. 191-195.
7. Kienko T.S. Ehmpauehrment (empowerment) – podkhod kak metodologiya issledovaniya i preodoleniya sotsial'nykh problem lyudei, grupp i soobshchestv v sovместnoi deyatelnosti: obzor i issledovatel'skie ramki // *Rossiiskoe sotsiologicheskoe obozrenie*. 2022. № 2. S. 274-303. DOI 10.17323/1728-192x-2022-2-274-303.
8. Kolesnikova U.V., Oslon V.N., Sem'ya G.V., Odintsova M.A. Motivatsiya priema na vospitanie detei-sirot trudnoustraivaemykh kategorii v kontekste razlichnykh form semeinogo ustroystva, vklyuchaya usynovlenie // *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie*. 2024. T. 29, № 6. S. 81-98. DOI 10.17759/pse.2024290606.
9. Kuz'min V.P., Bykanova V.M. Tekhnologiya sotsial'nogo soprovozhdeniya detei-sirot i detei, ostavshikhsya bez popecheniya roditelei: regional'nyi aspekt // *Kollektsiya gumanitarnykh issledovaniy*. 2021. № 2(27). S. 14-23. DOI 10.21626/j-chr/2021-2(27)/2.
10. Lesina E.A. Zameshchayushchaya krovnaya sem'ya kak sotsiokul'turnaya sreda dlya rebenka, ostavshegosya bez popecheniya, usloviya i osobennosti ee professional'nogo soprovozhdeniya // *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pedagogika. Psikhologiya. Sotsiokinetika*. 2020. T. 26, № 3. S. 173-178. DOI 10.34216/2073-1426-2020-26-3-173-178.
11. Makarentseva A.O., Korzhuk S.V. Vozmozhnosti professional'nykh zameshchayushchikh semei v deinstitutsionalizatsii sirotstva // *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2022. № 4. S. 44-55. DOI 10.31857/S013216250014317-1.
12. Martynova E.V. Osnovnye problemy soprovozhdeniya zameshchayushchikh semei // *Izvestiya vysshih uchebnykh zavedenii. Povolzhskii region. Obshchestvennye nauki*. 2024. № 1(69). S. 27-41. DOI 10.21685/2072-3016-2024-1-3.
13. Martynova E.V. Osobennosti sotsializatsii detei s ogranichennymi vozmozhnostyami zdorov'ya v zameshchayushchikh sem'yakh // *Chelovek. Obshchestvo. Inklyuziya*. 2023. № 3(55). S. 38-46.
14. Merkul' I.A., Volchanskaya V.O. Aktual'nye problemy sotsializatsii detei-sirot, detei, ostavshikhsya bez popecheniya roditelei, i lits iz chisla detei-sirot // *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie*. 2021. T. 26, № 6. S. 189-199. DOI 10.17759/pse.2021260615.
15. Okoneshnikova N.M. Rabota spetsialistov po soprovozhdeniyu priemnykh detei s OVZ i ikh semei. Problemy soprovozhdeniya zameshchayushchikh semei, prinyavshikh na vospitanie detei s RAS // *Autizm i narusheniya razvitiya*. 2017. № 1. S. 29-37. DOI 10.17759/autdd.2017150103.
16. Polyakova O.B. Formy sodeistviya semeinomu ustroystvu detei-sirot i detei, ostavshikhsya bez popecheniya roditelei // *Vestnik Pskovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Psikhologo-pedagogicheskie nauki*. 2024. № 20. S. 105-112.
17. Popova A.V., Shkurova N.S. Vozdeistviya praktiki sotsial'no-psikhologicheskogo soprovozhdeniya na ustoichivost' zameshchayushchikh semei // *Zhurnal issledovaniy sotsial'noi politiki*. 2024. T. 22. № 4. S. 607-626. DOI 10.17323/727-0634-2024-22-4-607-626.
18. Sadykov R.M., Akhmetov V.YA, Bol'shakova N.L. Art-terapiya kak zdorov'esberegayushchaya tekhnologiya v rabote s det'mi iz neblagopoluchnykh semei // *Problemy sotsial'noi gigieny, zdravookhraneniya i istorii meditsiny*. 2025. T. 33, № 3. S. 480-486. DOI 10.32687/0869-866X-2025-33-3-480-486.
19. Sadykov R.M. Ustoichivaya semeinaya dinamika: rol' profilaktiki sotsial'nogo sirotstva v obespechenii blagopoluchiya sem'i // *Vestnik universiteta*. 2025. № 11. S. 272-280. DOI 10.26425/1816-4277-2025-11-272-280.
20. Smak T.S. Sem'ya i zameshchayushchaya sem'ya kak kategorii sotsiologicheskogo znaniya // *Sotsiologiya*. 2018. № 4. S. 205-208.
21. Federal'naya sluzhba gosudarstvennoi statistiki. URL: <http://www.gks.ru> (data obrashcheniya 20.01.2026).

22. Shcherbinina A.O. Soprovozhdenie zameshchayushchikh semei: tekhnologii i formy raboty // Sotsiologiya v sovremennom mire: nauka, obrazovanie, tvorchestvo. 2021. № 13. S. 242-245.

Received: 04.02.2026

Accepted: 18.03.2026

DOI: 10.21626/j-chr/2026-1(46)/2
УДК: 159.9

Социология

СКРИНИНГОВАЯ ДИАГНОСТИКА НАРУШЕНИЙ ПСИХОЭМОЦИОНАЛЬНОГО СОСТОЯНИЯ У СТУДЕНТОВ КУРСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО МЕДИЦИНСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

© Д.В. Данильчук, С.М. Григорян, П.В. Ткаченко

Данильчук Д.В. – студент, Курский государственный медицинский университет
e-mail: daria.danilchuk@mail.ru

Григорян С.М. – студент, Курский государственный медицинский университет
e-mail: sofigrigorian25@mail.ru

Ткаченко П.В. – доктор медицинских наук, профессор, заведующий кафедрой нормальной физиологии, директор НИИ физиологии, Курский государственный медицинский университет
e-mail: tkachenkopv@kursksmu.net

Адрес: 305041, г. Курск, ул. К. Маркса, д. 3, Российская Федерация

22

АННОТАЦИЯ

Актуальность. Важность скрининговой диагностики нарушений психоэмоционального состояния студентов обусловлена тем, что выявление значительных отклонений в распространенности от общемировых значений может свидетельствовать о воздействии на индивидов иных факторов риска, коррекцию которых необходимо проводить в контексте профилактических мероприятий первоочередно.

Цель исследования: проанализировать распространенность некоторых нарушений психоэмоционального состояния среди студентов Курского государственного медицинского университета посредством скрининговых диагностических тестовых методик.

Материалы и методы. В исследовании приняли участие 150 студентов 2 курса Курского государственного медицинского университета, возраст которых варьировал от 18 до 24 лет. Испытуемые заполняли специально разработанную анкету, направленную на получение основных социально-демографических характеристик, и проходили 5 диагностических тестовых методик: шкала депрессии Бека, шкала тревоги Бека, шкала диагностики СДВГ у взрослых, интегративный тест тревожности, симптоматический опросник SCL-90. Производился поиск, систематизация и анализ научной литературы по исследуемому вопросу. Статистический количественный анализ полученных результатов производился посредством программы Microsoft Excel 2020.

Результаты. В ходе проведенного исследования установили, что уровень депрессивных проявлений у респондентов крайне низкий. Значимого дисбаланса психологических процессов в связи с общей тревогой не обнаружено. Также все респонденты продемонстрировали низкую вероятность развития СДВГ. Было отмечено физиологичное повышение ситуационной тревожности, а также высокий уровень личностной тревожности у половины респондентов. Из всей психопатологической симптоматики реже всего встречалась враждебность, а самой распространенной оказалась соматизация.

Выводы. Рассматриваемая группа характеризовалась отсутствием склонности к развитию депрессивных состояний и СДВГ, однако высокой вероятностью возникновения тревожных расстройств. Часто встречаемое повышение соматизации свидетельствовало о наличии маскированных психологических нарушений у студентов-медиков.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: тревожное расстройство, депрессия, СДВГ, ОКР, психоэмоциональное состояние, студенты, симптоматический статус.

Конфликт интересов. Авторы декларируют отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Исследование Ю.А. Чайки и М.Л. Баранова (2025) продемонстрировало повышенную уязвимость студенческого контингента в контексте развития психических заболеваний [1]. Среди факторов риска выделяют высокую учебную нагрузку, отсутствие навыков самоорганизации и тайм-менеджмента, материально-финансовые проблемы и необходимость переезда [6]. Адаптация к новым жизненным обстоятельствам, специфические особенности учебной деятельности и перманентный фоновый стресс могут выступить в качестве фундамента для развития психических патологий у лиц с уже имеющейся определенной наследственной предрасположенностью.

По данным С.Е. Евстифеевой и др. (2023), в 2019 году каждый восьмой человек в мире страдал психическим заболеванием, при этом самыми распространенными реакциями на стресс были депрессивные и тревожные расстройства, на долю которых пришлось 280 и 301 миллион человек соответственно. Начиная с 2020 года дополнительным фактором риска являлась пандемия новой коронавирусной инфекции: количество лиц, живущих с тревожными расстройствами, увеличилось на 26%, а с депрессивными - на 28% [2]. При этом наиболее часто данные патологии манифестировали в диапазоне от 10 до 24 лет [14].

Тревожные расстройства – это группа психических заболеваний, характеризующаяся повышенным уровнем тревоги, страха и напряжения. Предполагаемые угрозы при таких условиях воспринимаются префронтальной корой и миндалиной как опасность, что вызывает закономерное развитие реакции “бей или беги”, которая имеет определенные психофизиологические проявления в виде головокружения, тахикардии, повышенного артериального давления и потоотделения [9]. В исследовании “Глобальное бремя болезней” была получена информация о значительном росте распространенности тревожных расстройств за последние 30 лет (с 1990 по 2021 год), при этом более высокие уровни тревожности во всех возрастных группах были характерны для женщин [14].

В работе А.В. Майоровой и Е.В. Виноградовой (2022) клинически значимая тревога наблюдалась у 41% студентов-медиков, что может свидетельствовать о неэффективности имеющихся в настоящий момент моделей образовательного процесса. Авторы акцентируют внимание на значимости переосмысления подхода к формированию адаптивной учебной среды [1].

Данные 2023 года продемонстрировали высокую распространенность депрессии (59,3%) и генерализованного тревожного расстройства (64,1%), при этом в 80% всех случаев отмечалась сочетанность данных патологических состояний. Взаимосвязь между тревогой и депрессией может быть обусловлена их общими нейробиологическими основами в виде нарушения регуляции гипоталамо-гипофизарно-надпочечниковой (ГГН) системы и серотонинергических путей. В исследовании Н.В. Титовой и др. (2023) было отмечено, что повышенная активация ГГН оси на фоне острого или хронического стресса сопряжена с нарушением функциональной активности нейронов [3]. В других работах были предложены следующие механизмы обоснования коморбидности данных психических расстройств: изменения в иммуновоспалительных механизмах, аномалии оси кишечник-мозг, нарушение функционирования лобной и височной коры, островка, миндалины и базальных ганглиев, воздействие определенных факторов риска в детстве или более позднем возрасте [13].

Депрессивное расстройство можно определить как состояние, характеризующееся длительными периодами подавленного настроения, снижением ин-

тереса к жизни или утратой способности получать от привычной деятельности удовольствие. По прогнозам некоторых исследователей именно депрессия к 2030 году может стать основной причиной заболеваемости среди подростков. Среди возможных факторов, способствующих её развитию, Y. Guo и др. (2025) выделили повышенную нагрузку на учебе и работе, влияние социальных сетей, конкуренцию во время профессионального пути и чрезмерное потребление информации [17].

Исследовательская программа “Глобальное бремя болезней” продемонстрировала, что за период с 1990 по 2021 год заболеваемость депрессией у лиц в возрасте до 30 лет выросла более чем на 50% [10].

Работа Z. Liu и M. Kuaі (2025) указала на значительно более высокий уровень депрессивного расстройства среди девушек подросткового и молодого возраста, что может быть обусловлено, с точки зрения авторов, сочетанием психологических, биологических и социальных факторов (лица женского пола чаще сталкиваются с давлением, связанным с гендерными ролями в обществе, и проблемами по поводу восприятия собственного тела, что увеличивает риск депрессии) [10].

В исследовании Cheng S. и др. (2025) было обнаружено, что большое депрессивное расстройство является наиболее часто сопутствующей патологией при обсессивно-компульсивном расстройстве (ОКР). Частота коморбидности оценивается в 62,7–78,2% случаев. ОКР определяется как психическое заболевание, проявляющееся наличием эгодистонических навязчивых мыслей (обсессий) и умственных или физических ритуалов (компульсий), занимающих значительное количество времени (60 минут и более в день) и причиняющих существенный дистресс индивиду [16]. Общемировой показатель распространенности данной патологии составляет около 3% [18]. Исследования, направленные на изучение частоты встречаемости ОКР среди студентов, показали, что 3,6% из них страдают тяжелыми и крайне тяжелыми формами данных состояний. При этом среди студентов младших курсов преобладают навязчивые мысли, действия и воспоминания, тогда как для старших курсов более характерными являются контрастные навязчивости и навязчивый счет. Авторы подчеркивают, что тяжелые формы ОКР встречаются чаще именно у студентов младших курсов.

Еще одной часто ассоциированной с депрессией и тревожностью патологией является синдром дефицита внимания и гиперактивности (СДВГ) [7]. Коморбидность СДВГ с другими психическими расстройствами составляет у взрослых лиц около 70% [5]. СДВГ – это невролого-поведенческое нарушение развития, возникающее в детском возрасте с тенденцией к хроническому течению у взрослых, проявляющееся симптомами невнимательности, гиперактивности и импульсивности, выходящими за общепринятые границы конкретных этапов развития человека [15]. Распространенность данного состояния варьирует в пределах 5–7,2% у детей и 2,5–6,7% у взрослых [8].

Z. Islam и др. (2022) указывают на взаимосвязь между стремительным расширением использования цифровых технологий и ростом заболеваемости СДВГ [12]. Данные большого количества исследований также свидетельствуют о роли социальных сетей и проблемного использования мобильных устройств в развитии депрессии, тревожности и ипохондрии [4, 11, 19, 20]. Необходимо подчеркнуть, что студенты активно используют существующие цифровые технологии для решения задач, связанных с обучением, социализацией и построением личностных отношений.

Важность скрининговой диагностики нарушений психоэмоционального состояния студентов обусловлена тем, что выявление значительных отклонений в распространенности от общемировых значений может свидетельствовать о

воздействии на индивидов иных факторов риска, коррекцию которых необходимо проводить в контексте профилактических мероприятий первоочередно.

Цель – проанализировать распространенность некоторых нарушений психоэмоционального состояния среди студентов Курского государственного медицинского университета посредством скрининговых диагностических тестовых методик.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

В исследовании приняли участие 150 студентов 2 курса Курского государственного медицинского университета, возраст которых варьировал от 18 до 24 лет включительно. Распределение по половой принадлежности было следующим: 97 (64,67%) женщин и 53 (35,33%) мужчин.

Все испытуемые на момент проведения исследования достигли возраста совершеннолетия, не имели диагностированного психического заболевания и не получали соответствующего лечения. После информирования студентов о цели, задачах, методологии исследования, анонимном и конфиденциальном характере обработки полученных сведений, представлении данных в обобщенном и обезличенном виде в научных целях, от каждого участника было получено письменное добровольное информированное согласие. Участники, предоставившие данные в анкете в неполном объеме и/или искаженном виде, а также досрочно вышедшие из программы исследования по собственной инициативе, были исключены из последующего анализа.

Испытуемые заполняли специально разработанную анкету, направленную на получение основных социально-демографических характеристик, и проходили 5 диагностических тестовых методик (шкала депрессии Бека, шкала тревоги Бека, шкала диагностики СДВГ у взрослых (ASRS), интегративный тест тревожности (ИТТ), симптоматический опросник SCL-90).

Оценка выраженности депрессивных симптомов производилась с применением стандартизированной тестовой методики – шкалы депрессии Бека, состоящей из 21 пункта, каждый из которых оценивался участником исследования от 0 до 3 баллов включительно в зависимости от выраженности симптоматики. Интерпретация результата осуществлялась после простого суммирования баллов (табл. 1).

Таблица 1. Интерпретация результатов, полученных при прохождении шкалы депрессии Бека.

Table 1. Interpretation of the results obtained by passing the Beck depression scale.

Сумма баллов	Интерпретация результата
0-9	Депрессия отсутствует
10-18	Депрессия легкой степени тяжести
19-29	Депрессия средней степени тяжести
30-63	Тяжелая депрессия

Также шкала включает две субшкалы: когнитивно-аффективные проявления (наличие и степень выраженности поведенческих и эмоциональных симптомов, сопутствующих депрессии) и соматические проявления (наличие и выраженность физиологических проявлений депрессии).

Для определения уровня тревожности использовалась шкала тревоги Бека, аналогично предыдущей методике состоящая из 21 пункта, ранжируемого от 0 до 3 баллов. Далее производились суммирование и интерпретация полу-

ченного результата (табл. 2).

Таблица 2. Интерпретация результатов, полученных при прохождении шкалы тревоги Бека
Table 2. Interpretation of the results obtained by passing the Beck anxiety scale.

Сумма баллов	Интерпретация результата
0-9	Отсутствие тревоги
10-21	Незначительный уровень тревоги
22-35	Тревога средней степени выраженности
36-63	Тревога очень высокой степени выраженности

Интегративный тест тревожности применялся для скрининга уровня тревоги и ее дифференцировки в отношении ситуативного и личностного характера. Диагностическая методика состояла из 30 утверждений, 15 из которых направлены на определение наличия и степени выраженности у индивида ситуационной тревожности, остальные 15 - на оценку личностной тревожности. Каждое из утверждений оценивалось от 0 до 3 баллов. ИТТ представлен двумя основными шкалами (ситуационной и личностной), каждая из которых подразделена на пять дополнительных составных компонентов ("эмоциональный дискомфорт" (ЭД), "астенический компонент" (АК), "фобический компонент" (ФК), "тревожная оценка перспективы" (ТОП), "социальная защита" (СЗ)). Механизм интерпретации результатов аналогичен предыдущим методикам (табл. 3).

Таблица 3. Интерпретация результатов, полученных при прохождении интегративного теста тревожности
Table 3. Interpretation of the results obtained during the integrative anxiety test

Сумма баллов	Интерпретация результата
0-3	Вариант нормы
4-6	Умеренная интенсивность тревожности
7-9	Высокая интенсивность тревожности

Шкала ASRS использовалась в качестве скринингового инструмента для выявления основных проявлений СДВГ и расчета вероятности наличия данной патологии с указанием ведущего типа (невнимательного, гиперактивно-импульсивного и комбинированного). Шкала состояла из 6 основных и 12 дополнительных вопросов. Оценка по градационной шкале варьировала от 0 до 4. Интерпретация результатов осуществлялась после суммирования полученных баллов (табл. 4).

Опросник SCL-90 применялся для оценки выраженности психопатологической симптоматики у студентов. Диагностический инструмент состоял из 90 пунктов, каждый из которых оценивался опрашиваемым от 0 до 4 баллов в зависимости от степени испытываемого дискомфорта. После подсчета полученных результатов производилась интерпретация по 12 основным шкалам (соматизация, обсессивность-компульсивность, депрессия, тревожность, враждебность, фобии, паранойяльность, психотизм, общий индекс тяжести, индекс тяжести наличного дистресса, число беспокоящих симптомов).

Помимо всех скрининговых тестовых инструментов производились поиск,

Таблица 4. Интерпретация результатов, полученных при прохождении шкалы ASRS
Table 4. Interpretation of the results obtained by passing the ASRS scale

Сумма баллов	Интерпретация результата
0-9	Низкая вероятность наличия СДВГ
10-17	Средняя вероятность наличия СДВГ
18 и более	Высокая вероятность наличия СДВГ

систематизация и анализ научной литературы по исследуемому вопросу. Статистический количественный анализ полученных результатов осуществлялся посредством программы Microsoft Excel 2020.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

В ходе проведённого исследования установили, что уровень депрессивных проявлений у респондентов крайне низкий. Так, у 93,33% нет депрессивных признаков, у 6% отмечена симптоматика, характерная для субдепрессии, а у 0,67% были выраженные проявления депрессии средней тяжести. При этом среднее значение когнитивно-аффективных проявлений равнялось 8,33, соматических проявлений – 5,24, что также показательно для отсутствия предрасположенности к депрессии. Значит, явной склонности к развитию депрессивных расстройств не было выявлено. Подобные результаты не подтверждают тезис Z. Liu и M. Kuai (2025) о широкой распространённости депрессии среди молодёжи. Несколько иное распределение результатов отметили и при анализе параметров шкалы тревоги Бека. Отсутствие тревоги было зарегистрировано у 54%, незначительный уровень тревоги отмечался среди 34% испытуемых, 10% опрошенных продемонстрировали тревогу средней выраженности, и только у 2% зафиксирована тревога очень высокой интенсивности. Следовательно, значимого дисбаланса психологических процессов в связи с общей тревогой не обнаружено. Также все респонденты продемонстрировали низкую вероятность развития СДВГ согласно шкале ASRS. При этом средний уровень невнимательности составил 12,39, тогда как гиперактивность достигла только 9,75, все оценённые значения не выходили за пределы нормы. Полученные данные соответствуют о низкой распространённости СДВГ среди взрослого населения, что было отмечено в работе L. Gao и др. (2025).

Рассматривая результаты интегративного теста тревожности, определили, что ситуационная тревожность находилась в пределах нормы у 36% испытуемых, умеренная интенсивность была зафиксирована у 41,33%, а у 22,67% – высокий уровень ситуационной тревожности. Распределение уровня показателей анализируемого вида тревожности не отличалось существенной вариативностью. Эмоциональный дискомфорт в пределах нормы был у 56% опрошенных, умеренной интенсивности – у 31,3%, и выраженный дискомфорт – у 12,7%. Астенический компонент находился в диапазоне нормальных значений у 25,3%, достигал среднего уровня у 30,7%, а считался высоким у 44%. Фобический компонент был нивелирован у 34,7%, умеренно выражен у 45,3% и интерпретирован как выраженный у 20%. Тревожная оценка перспективы расценивалась как нормальная среди 40% опрошенных, среднего уровня – среди 33%, а высокого уровня – среди 27%. Социальная защита не выходила за пределы психофизиологической нормы у 36%, была несколько повышена у 49% и интерпретировалась как существенная у 15% респондентов. Таким образом, отмеченное повышение ситуационной тревожности более чем у

половины студентов может говорить о переживаемом на момент исследования стрессе, так как данная реакция физиологична.

Нормальный уровень общего показателя личностной тревожности был зарегистрирован лишь у 14,67% испытуемых, тогда как умеренная выраженность отмечена у 34,67%, выраженная тревожность – у 50,67%. Сходное распределение проиллюстрировало и ряд параметров личностной тревожности. Например, эмоциональный дискомфорт оставался нормальным только у 10% опрошенных, у 42% он достигал среднего уровня выраженности, а у 48% – высокого уровня. Также астенический компонент расценивался как нормальный среди 11% респондентов, был умеренно выраженным у 37% и существенно выраженным – у 53%. Несколько отличались значения фобического компонента: он оставался в пределах нормы у 21,3% испытуемых, входил в категорию среднего уровня у 47,3%, а считался значимо повышенным у 31,3%. Кроме того, среди параметра тревожной оценки перспективы ответы, охарактеризованные как норма, отмечались у 20% испытуемых, умеренно выраженный компонент был у 50% и крайне выраженный – у 30%. Среди 30% студентов была зафиксирована нормальная социальная защита, не входящая в диапазон нормы, но повышенная до среднего уровня – у 52%, а высокого уровня – у 18%. Следовательно, у половины респондентов отмечался высокий уровень личностной тревожности, что говорит об индивидуальных особенностях психики участников исследования и их явной предрасположенности к тревожным расстройствам без скорого устранения стрессовых факторов или формирования продуктивных механизмов психологической защиты. Всё это подтверждает работу А.В. Майоровой и Е.В. Виноградовой (2022), отметивших высокий уровень тревожности именно у студентов медицинских вузов.

Благодаря симптоматическому опроснику SCL-90 удалось установить, что общий индекс тяжести симптомов в пределах нормы у 86% испытуемых, однако у 14% студентов имелись психопатологические симптомы и высокая интенсивность переживаемого дистресса. Индекс наличного симптоматического дистресса находился на обычном уровне у 73,33% опрошенных, тогда как у 26,67% симптоматический дистресс усилен. Общее число утвердительных ответов повышено у 82,7% испытуемых, адекватное число положительной симптоматики только у 17,3%. Повышение уровня соматизации зарегистрировано у 82%, а нахождение данного критерия в пределах нормы – у 18%. Навязчивость соответствовала норме у 76,67% студентов и была усилена у 23,33%. Патологически выраженная сенситивность отмечена среди 14,67% испытуемых, при этом рассматриваемый параметр оставался нормальным среди 85,33% обучающихся. Уровень депрессии был в разной мере повышен у 21,33% студентов, а находился в пределах нормы у 78,67%. Повышение тревожности относительно эталонных значений было определено у 19,33% испытуемых, тогда как нормальный уровень тревожности у 80,67%. Враждебность характеризовалась как нормальная у 91,33% студентов, у 8,67% считалась несколько повышенной. Выраженная фобия регистрировалась у 17,33% обучающихся, при этом анализируемый параметр не выходил за границы нормы у 82,67%. Высоким уровнем паранойяльности характеризовались 14,67% представителей студенческого сообщества, однако у 85,33% данный показатель сохранялся в норме. Уровень психотизма, соответствовавший выраженному, определялся у 11,33%, тогда как норма была зафиксирована у 88,67% испытуемых. Следовательно, из всей психопатологической симптоматики реже всего встречалась враждебность, а самой распространённой оказалась соматизация, которая была характерна для подавляющего большинства опрошенных, что может свидетельствовать о маскировании иных симптомов, сопряжённых с состоянием ментального

здоровья, за привычными висцеральными функциональными нарушениями.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, психопатологический портрет рассматриваемой группы характеризовался отсутствием склонности к развитию депрессивных состояний и СДВГ, однако высокой вероятностью возникновения тревожных расстройств, что может быть обусловлено несостоятельностью образовательной системы и отсутствием сформированной адаптивной учебной среды. Кроме того, столь часто встречаемое повышение соматизации свидетельствует о наличии маскированных психологических нарушений у студентов-медиков, при этом отсутствие свободного времени и невозможность полноценного переживания негативных эмоций предположительно привели к органическим дисфункциям, которые возможно скорректировать только при правильной профессиональной оценке наличия развившихся психопатологий.

ЛИТЕРАТУРА

1. Чайка, Ю.А. Распространенность психических расстройств у студентов и современные подходы к их профилактике / Ю.А. Чайка, М.Л. Баранов // Обзор психиатрии и медицинской психологии им. В.М. Бехтерева. – 2025. – Т.59, №3. – С. 25-39.
2. Тревога и депрессия: десятилетняя динамика распространенности и ее ассоциации с демографическими и социально-экономическими показателями по данным исследования ЭССЕ-РФ / С.Е. Евстифеева, С.А. Шальнова, В.А. Куценко [и др.] // Кардиоваскулярная терапия и профилактика. – 2023. – Т.22, №8S. – С. 68-79.
3. Титова, Н.В. Астения, психическая утомляемость и когнитивная дисфункция / Н.В. Титова, Ю.Н. Бездольный, Е.А. Катунина // Журнал неврологии и психиатрии им. С.С. Корсакова. – 2023. – №123(5). – С. 38-47.
4. Abuhamdah, S.A. Smart phone addiction and its mental health risks among university students in Jordan: a cross-sectional study / S.A. Abuhamdah, A.Y. Naser // BMC Psychiatry. – 2023. – URL: <https://doi.org/10.1186/s12888-023-05322-6> (date of request 02.12. 2025). – Text: electronic.
5. Adult ADHD and comorbid anxiety and depressive disorders: a review of etiology and treatment / X. Fu, W. Wu, Y. Wu [et al.] // Front. Psychiatry. – 2025. – Vol.16.
6. Anbumalar, C. Brain and Smartphone Addiction: A Systematic Review / C. Anbumalar, D. Binu Sahayam // Human Behavior and Emerging Technologies. – 2024. – URL: <https://doi.org/10.1155/2024/5592994> (date of request 01.12. 2025). – Text: electronic.
7. Cao, H. Editorial: ADHD and anxiety: causality sequences through a biopsychosocial model / H. Cao, S. Teng, S. Liu // Front. Psychiatry. – 2025. – Vol.16.
8. Comparative analysis of Attention Deficit Hyperactivity Disorder in China and worldwide based on the Global Burden of Disease study / L. Gao, P. Yang, B. Hu // Frontiers in Psychiatry. – 2025. – Vol.16.
9. Epidemiology of anxiety disorders: global burden and sociodemographic associations / S.F. Javaid, I.J. Hashim, M.J. Hashim // Middle East Curr Psychiatry. – 2023. – Vol.30, №44.
10. Liu, Z. The global burden of depression in adolescents and young adults, 1990–2021: systematic analysis of the global burden of disease study / Z. Liu, M. Kuai // BMC Psychiatry. – 2025. – Vol.25.
11. Negative Effects of Mobile Phone Addiction Tendency on Spontaneous Brain Microstates: Evidence From Resting-State EEG / H. Li, J. Yue, Y. Wang [et al.] // Front Hum Neurosci. – 2021. – No.15. – URL: <https://doi.org/10.3389/fnhum.2021.636504> (date of request 01.12. 2025). – Text: electronic.
12. Prevalence rate of attention deficit hyperactivity disorder (ADHD) and computer vision syndrome (CVS) symptoms predisposition among digital device users of Bangladesh / Z. Islam, M. Rahman, A.H. Olive, M.K. Hasan // Middle East Curr Psychiatry. – 2022. – Vol.29.
13. Rajkumar, R.P. Comorbid depression and anxiety: Integration of insights from attachment theory and cognitive neuroscience, and their implications for research and treatment / R.P. Rajkumar // Front. Behav. Neurosci. – 2022. – Vol.16.
14. Rising global burden of anxiety disorders among adolescents and young adults: trends, risk factors, and the impact of socioeconomic disparities and COVID-19 from 1990 to 2021 / F. Bie, X. Yan, J. Xing [et al.] // Frontiers in Psychiatry. – 2024. – Vol.15.
15. Sapkale, B. Attention Deficit Hyperactivity Disorder (ADHD) Causes and Diagnosis in Adults: A Review / B. Sapkale, A. Sawal // Cureus. – 2023. – Vol.15.
16. Singh, A. Obsessive-Compulsive Disorder (OCD): A Comprehensive Review of Diagnosis,

Comorbidities, and Treatment Approaches / A. Singh, V.P. Anjankar, B. Sapkale // *Cureus*. – 2023. – Vol.15, №11.

17. The burden of depressive disorder among the global 10–24 age group and the construction of an early risk factors model / Y. Guo, H. Lu, A. Chen [et al.] // *Frontiers in Psychiatry*. – 2025. – Vol.16.

18. The comorbidity of anxiety and depression symptoms in obsessive–compulsive disorder: a network analysis / Cheng S., Chen Z., Wu C. [et al.] // *Front. Psychiatry*. – 2025. – Vol.16.

19. Zeb, I. Smartphone Addiction and Its Impact on Students' Mental Health: The Role of Sleep Quality / I. Zeb, A. Khan, Z. Yan // *International Journal of Educational Research and Innovation*. – 2024. – Vol. 22. – P. 1-10. – URL: <https://doi.org/10.46661/ijeri.10936> (date of request 01.12. 2025). – Text: electronic.

20. Zhu, C. The impact of smartphone addiction on mental health and its relationship with life satisfaction in the post-COVID-19 era / C. Zhu, S. Li, L. Zhang // *Front. Psychiatry*. – 2025. – Vol. 16. – URL: <https://doi.org/10.3389/fpsy.2025.1542040> (date of request 27.11. 2025). – Text: electronic.

Получена: 11.12.2025 г. Доработана после рецензирования: 14.03.2026 г. Принята к публикации: 26.03.2026 г.

SCREENING DIAGNOSTICS OF PSYCHOEMOTIONAL DISORDERS IN STUDENTS OF KURSK STATE MEDICAL UNIVERSITY

© Daria V. Danilchuk, Sofia M. Grigorian, Pavel V. Tkachenko

Daria V. Danilchuk – Student, Kursk State Medical University

e-mail: daria.danilchuk@mail.ru

Sofia M. Grigorian – Student, Kursk State Medical University

e-mail: sofigrigorian25@mail.ru

Pavel V. Tkachenko – MD, Professor, Head of the Department of Normal Physiology, Director of the Research Institute of Physiology, Kursk State Medical University

e-mail: tkachenkopv@kursksmu.net

Address: 305041 K. Marx Street, Kursk, Russian Federation

ABSTRACT

Relevance. The importance of screening diagnostics of students' psychoemotional disorders is due to the fact that the detection of significant deviations in prevalence from global values may indicate the impact of other risk factors on individuals, the correction of which must be carried out in the context of preventive measures as a matter of priority.

Purpose – to analyze the prevalence of certain disorders of the psycho-emotional state among students of Kursk State Medical University through screening diagnostic test methods.

Materials and methods. The study involved 150 2nd-year students of Kursk State Medical University, whose ages ranged from 18 to 24 years old. The subjects filled out a specially designed questionnaire aimed at obtaining basic socio-demographic characteristics and underwent 5 diagnostic test methods: the Beck depression scale, the Beck anxiety scale, the Adult ADHD Diagnostic Scale (ASRS), the integrative anxiety test, and the SCL-90 symptomatic questionnaire. A search, systematization and analysis of scientific literature on the issue under study was carried out. Statistical quantitative analysis of the obtained results was performed using the Microsoft Excel 2020 program.

Results. In the course of the conducted research, it was found that the level of depressive manifestations in the respondents is extremely low. No significant imbalance of psychological processes was found in connection with general anxiety. Also, all respondents demonstrated a low probability of developing ADHD. A physiological increase in situational anxiety was noted, as well as a high level of personal anxiety in half of the respondents. Of all the psychopathological symptoms, hostility was the least common, and somatization was the most common.

Conclusions. The group in question was characterized by a lack of propensity to develop depressive states and ADHD, but a high probability of anxiety disorders. A frequent increase in somatization indicated the presence of masked psychological disorders in medical students.

KEYWORDS: anxiety disorder, depression, ADHD, OCD, psychoemotional state, students, symptomatic status.

Conflict of interests. The authors declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

REFERENCES

1. Chaika, Yu.A. The prevalence of mental disorders among students and modern approaches to their prevention / Yu.A. Chaika, M.L. Baranov // Review of psychiatry and medical psychology named after V.M. Bekhterev. – 2025. – Vol.59, No. 3. – P. 25-39.

2. Anxiety and depression: Ten-year dynamics of prevalence and its association with demographic and socio-economic indicators according to the ESSE-RF study / S.E. Evstifeeva, S.A. Shalnova, V.A. Kutsenko [et al.] // Cardiovascular therapy and prevention. – 2023. – Vol. 22, No. 8S. – P. 68-79.

3. Titova N.V. Asthenia, mental fatigue and cognitive dysfunction / N.V. Titova, Yu.N. Bezdolny, E.A. Katunina // Journal of Neurology and Psychiatry named after S.S. Korsakov. – 2023. – No 123(5). – P. 38-47.

4. Abuhamdah, S.A. Smart phone addiction and its mental health risks among university students in Jordan: a cross-sectional study / S.A. Abuhamdah, A.Y. Naser // BMC Psychiatry. – 2023. – URL:

<https://doi.org/10.1186/s12888-023-05322-6> (date of request 02.12. 2025). – Text: electronic.

5. Adult ADHD and comorbid anxiety and depressive disorders: a review of etiology and treatment / X. Fu, W. Wu, Y. Wu [et al.] // *Front. Psychiatry*. – 2025. – Vol.16.

6. Anbumalar, C. Brain and Smartphone Addiction: A Systematic Review / C. Anbumalar, D. Binu Sahayam // *Human Behavior and Emerging Technologies*. – 2024. – URL: <https://doi.org/10.1155/2024/5592994> (date of request 01.10. 2025). – Text: electronic.

7. Cao, H. Editorial: ADHD and anxiety: causality sequences through a biopsychosocial model / H. Cao, S. Teng, S. Liu // *Front. Psychiatry*. – 2025. – Vol.16.

8. Comparative analysis of Attention Deficit Hyperactivity Disorder in China and worldwide based on the Global Burden of Disease study / L. Gao, P. Yang, B. Hu // *Frontiers in Psychiatry*. – 2025. – Vol.16.

9. Epidemiology of anxiety disorders: global burden and sociodemographic associations / S.F. Javaid, I.J. Hashim, M.J. Hashim // *Middle East Curr Psychiatry*. – 2023. – Vol.30, №44.

10. Liu, Z. The global burden of depression in adolescents and young adults, 1990–2021: systematic analysis of the global burden of disease study / Z. Liu, M. Kuai // *BMC Psychiatry*. – 2025. – Vol.25.

11. Negative Effects of Mobile Phone Addiction Tendency on Spontaneous Brain Microstates: Evidence From Resting-State EEG / H. Li, J. Yue, Y. Wang [et al.] // *Front Hum Neurosci*. – 2021. – No.15. – URL: <https://doi.org/10.3389/fnhum.2021.636504> (date of request 01.10. 2025). – Text: electronic.

12. Prevalence rate of attention deficit hyperactivity disorder (ADHD) and computer vision syndrome (CVS) symptoms predisposition among digital device users of Bangladesh / Z. Islam, M. Rahman, A.H. Olive, M.K. Hasan // *Middle East Curr Psychiatry*. – 2022. – Vol.29.

13. Rajkumar, R.P. Comorbid depression and anxiety: Integration of insights from attachment theory and cognitive neuroscience, and their implications for research and treatment / R.P. Rajkumar // *Front. Behav. Neurosci*. – 2022. – Vol.16.

14. Rising global burden of anxiety disorders among adolescents and young adults: trends, risk factors, and the impact of socioeconomic disparities and COVID-19 from 1990 to 2021 / F. Bie, X. Yan, J. Xing [et al.] // *Frontiers in Psychiatry*. – 2024. – Vol.15.

15. Sapkale, B. Attention Deficit Hyperactivity Disorder (ADHD) Causes and Diagnosis in Adults: A Review / B. Sapkale, A. Sawal // *Cureus*. – 2023. – Vol.15.

16. Singh, A. Obsessive-Compulsive Disorder (OCD): A Comprehensive Review of Diagnosis, Comorbidities, and Treatment Approaches / A. Singh, V.P. Anjankar, B. Sapkale // *Cureus*. – 2023. – Vol.15, №11.

17. The burden of depressive disorder among the global 10–24 age group and the construction of an early risk factors model / Y. Guo, H. Lu, A. Chen [et al.] // *Frontiers in Psychiatry*. – 2025. – Vol.16.

18. The comorbidity of anxiety and depression symptoms in obsessive-compulsive disorder: a network analysis / Cheng S., Chen Z., Wu C. [et al.] // *Front. Psychiatry*. – 2025. – Vol.16.

19. Zeb, I. Smartphone Addiction and Its Impact on Students' Mental Health: The Role of Sleep Quality / I. Zeb, A. Khan, Z. Yan // *International Journal of Educational Research and Innovation*. – 2024. – Vol. 22. – P. 1-10. – URL: <https://doi.org/10.46661/ijeri.10936> (date of request 01.10. 2025). – Text: electronic.

20. Zhu, C. The impact of smartphone addiction on mental health and its relationship with life satisfaction in the post-COVID-19 era / C. Zhu, S. Li, L. Zhang // *Front. Psychiatry*. – 2025. – Vol. 16. – URL: <https://doi.org/10.3389/fpsy.2025.1542040> (date of request 27.09. 2025). – Text: electronic.

Received: 11.12.2025

Accepted: 27.03.2026

МЕНТАЛЬНАЯ МОДЕЛЬ ВЗАИМОСВЯЗИ ЖИЗНЕСТОЙКОСТИ И КОНФЛИКТНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ ПЕДАГОГА ДОШКОЛЬНОГО ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО УЧРЕЖДЕНИЯ

© А.С. Кашапов, М.В. Усанина

Кашапов А.С. – кандидат психологических наук, Ярославский государственный университет
им. П. Г. Демидова
e-mail: yarmirko@mail.ru

Усанина М.В. – магистрант, Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова
e-mail: Mary.zhalilova@yandex.ru
Адрес: 150003, г. Ярославль, ул. Советская, д. 14, Российская Федерация

33

АННОТАЦИЯ

Актуальность. Актуальность исследования обусловлена динамичными изменениями в современной системе образования, которые предъявляют повышенные требования к педагогическим кадрам. В современных условиях эффективность работы педагогов во многом определяется способностью конструктивно разрешать конфликты, справляться со стрессовыми ситуациями и применять нестандартные подходы в образовательной деятельности. Целью работы является выявление взаимосвязи жизнестойкости и конфликтной компетентности педагогов дошкольных образовательных учреждений на разных уровнях профессионализации.

Материалы и методы. Применялись следующие психодиагностические методики: опросник «Конфликтная компетентность» (М.В. Башкин, В.А. Горшкова, А.М. Воскресенский); тест жизнестойкости (Методика С. Мадди, адаптация Д.А. Леонтьева и Е.И.Рассказовой). В исследовании использовались методики, направленные на оценку уровня конфликтной компетентности (стратегии поведения в конфликте, эмоциональная саморегуляция, коммуникативные навыки) и жизнестойкости (целеустремленности, способности выдерживать стрессовые ситуации, адаптивности).

Результаты. Исследование проводилось в течение 2024 – 2025 гг. на базе дошкольных образовательных учреждений Ярославской области Российской Федерации. Эмпирическое исследование с участием 75 педагогов ДОУ позволило выявить, что педагоги со стажем 5–15 лет демонстрируют более высокие показатели жизнестойкости и конфликтной компетентности по сравнению с коллегами с большим стажем. Установлена умеренная положительная корреляция ($r = 0,54$) между жизнестойкостью и конфликтной компетентностью, что подтверждает роль последней как важного ресурса для адаптации и преодоления профессиональных стрессов. Установлена статистически значимая корреляция между изучаемыми параметрами, что свидетельствует о важности развития обоих компонентов для повышения эффективности работы педагогических кадров в образовательных учреждениях.

Выводы. Полученные данные могут быть использованы в программах профессиональной подготовки и повышения квалификации педагогов образовательных учреждений для оптимизации образовательных процессов и создания благоприятного психологического климата в педагогических коллективах. Анализ полученных результатов позволяет подчеркнуть необходимость целенаправленных программ поддержки, особенно для опытных педагогов, с целью сохранения их психологического благополучия и профессиональной эффективности.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: жизнестойкость; педагог; конфликтная компетентность; взаимосвязь; дошкольное образовательное учреждение

Конфликт интересов. Авторы декларируют отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Рассмотрение феномена жизнестойкости человека в качестве личностного ресурса совладания со стрессами [Баженова, Фомина, 2023; Богомаз, 2008; Воробьева, 2019] открывает перспективы для понимания психологии конструктивной конфликтности личности [Кашапов, 2012; 2013; 2016]. Ресурсная основа жизнестойкости выражается в способности личности выдерживать стрессовые ситуации, сохраняя при этом внутреннюю сбалансированность без снижения успешности деятельности.

Жизнестойкость педагога дошкольного образовательного учреждения (ДОУ) представляет собой фундаментальный психологический конструкт, обеспечивающий устойчивость профессиональной деятельности в условиях хронических эмоциональных перегрузок. Предлагаемая модель развития жизнестойкости акцентирует теоретические основы, глубоко интегрируя их с конфликтной компетентностью как взаимосвязанными механизмами адаптации и саморегуляции [Анцупов, 2000]. С целью создания целостной парадигмы для понимания специфики профессионального роста педагогов ДОУ проведен расширенный теоретический анализ. Благодаря опоре на классические и современные концепции психологии, педагогики и конфликтологии предпринята попытка разработать модель развития жизнестойкости педагогов ДОУ.

В педагогической парадигме ДОУ жизнестойкость эволюционирует от реактивной устойчивости (просто переживание стресса) к проактивному ресурсу, активно противодействующему хроническому стрессу, возникающему от многократных взаимодействий с детьми раннего возраста (3–7 лет), родителями и административными структурами. Теория позитивной психологии Мартина Селигмана расширяет это понятие через модель PERMA, где жизнестойкость интегрирует положительные эмоции (positive emotion), вовлеченность в деятельность (engagement), качественные отношения (relationships), ощущение смысла (meaning) и достижения (accomplishment) [Селигман, 2011]. В контексте ДОУ реляционная жизнестойкость приобретает особую значимость: конструктивная поддержка коллег снижает восприятие конфликтов как экзистенциальных угроз, переводя их в категорию разрешимых задач [Голман, 1995].

Критический анализ моделей черт (trait models), предполагающих врожденный характер устойчивости, уступает место экологическим и развивающим подходам. Жизнестойкость предстает как процесс, зависящий от организационной среды ДОУ: структурированные ритуалы дня способствуют предсказуемости, регулярная обратная связь усиливает самооэффективность, а аутентичное лидерство руководителя формирует культуру психологической безопасности [Асмолов, 2001]. Осмысление стрессоров через когнитивную переоценку превращает потенциальный дефицит в возможность профессионального роста, что критически важно для педагогов ДОУ, ежедневно сталкивающихся с непредсказуемыми поведенческими реакциями дошкольников [Шмелева, 2022].

В контексте профессиональной деятельности педагогов жизнестойкость играет важную роль, так как позволяет эффективно справляться с эмоциональными перегрузками, сохранять позитивную мотивацию и предотвращать профессиональное выгорание. Педагоги с высоким уровнем жизнестойкости демонстрируют большую устойчивость к стрессу, что положительно сказывается на их профессиональной эффективности [Кашапов, Смирнов, Соловьева, Серафимович, 2022].

Конфликтная компетентность определяется как многоуровневая структура: диагностическая (идентификация латентных причин), стратегическая (выбор

по модели Томаса-Килманна: сотрудничество > компромисс > избегание) и рефлексивная (постконфликтный анализ) [Анцупов, 2000]. Реализация данной компетентности в условиях ДООУ позволяет адекватно адаптироваться к разнообразным типам микроконфликтов: детско-родительским (расхождения в ценностных установках на воспитание), межколлегским (ресурсная конкуренция за ограниченные ресурсы, такие как материалы или время) и институциональным (нормативные противоречия между федеральными стандартами и локальными реалиями).

Основная идея, разработанная М.М. Кашаповым, М.В. Башкиным, А.С. Кашаповым, О.А. Бахваловой, заключается в обосновании и развитии ресурсного подхода к пониманию конфликтной компетентности. Особое внимание уделено исследованию когнитивно-ресурсных характеристик конфликтной компетентности. Рассмотрено ресурсное мышление как когнитивная основа творческого разрешения конфликтных ситуаций. Выявлена когнитивно-ресурсная специфика коммуникации в системе межличностного взаимодействия, в контексте которого происходит становление творческого профессионального мышления субъекта [Кашапов, Башкин, Кашапов, Бахвалова, 2025].

Когнитивный компонент конфликтной компетентности опирается на теорию социального познания Альберта Бандуры: самоэффективность в разрешении конфликтов напрямую коррелирует с ожиданием успеха, формируя цикл позитивных ожиданий–действий–подкреплений. Эмоциональный компонент данной компетентности интегрирует модель эмоционального интеллекта Дэниела Голмана, где распознавание и регуляция аффекта (собственного и чужого) предотвращает эскалацию конфликта в деструктивную фазу. Поведенческий компонент фокусируется на ассертивной коммуникации: активное слушание (парафразирование позиции оппонента), эмпатическое выражение ("я понимаю ваше беспокойство") и установление границ без агрессии, что минимизирует пассивно-агрессивные паттерны поведения [Дружинина, 2025].

Теоретическая эволюция конфликтологии от классических работ Анцупова, описывающих конфликты как неизбежные социальные феномены, к компетентностному подходу XXI века подчеркивает превентивный характер: конфликтная компетентность выступает буфером против деструктивных циклов эскалации–разрушения–травмы, превращая конфликт в инструмент профессионального и личностного роста [Резниченко, 2016].

В западной научной традиции понятие ресурсов чаще всего анализируется с точки зрения их влияния на способность личности преодолевать стрессовые ситуации и сохранять психологическую устойчивость, или жизнестойкость. Так, в исследованиях Мастен и Рид подчеркивается значимость ресурсов в снижении воздействия стрессовых факторов и укреплении адаптационного потенциала личности [Masten, Reed 2002]. Личностные ресурсы (психологический капитал) — положительное психологическое состояние развития человека, отличающегося самоэффективностью, оптимизмом, надеждой и жизнестойкостью [Luthans, Avolio, Youseff, 2007]. При этом С.А. Маничев подчеркивает, что психологический капитал — скорее состояние, чем устойчивая черта личности [Маничев, 2015].

Концепция личностного потенциала Д.А. Леонтьев, согласно которой способность личности самостоятельно и осознанно, делать значимые выборы, принимать на себя ответственность и риски связана со становлением личностного потенциала, ключевыми характеристиками которого являются жизнестойкость, локус контроля, самодетерминация, толерантность к неопределенности, самоэффективность и др. [Леонтьев, 2023].

На необходимость восприятия внутренних и внешних условий в качестве

ресурса указывает Е. Ю. Кожевникова. Ключевым для понимания ресурса служит факт его отражения и его устойчивая связь в ментальном опыте с полезностью, преимуществами и эффективностью деятельности, то есть ресурс должен быть результатом проживания и интерпретации жизненных ситуаций. Автором постулируется, что у человека есть представление (знание) не только о собственных свойствах, но и об их ценности. Таким образом, свойство, объект, принёсшее положительный эффект в одной ситуации, должно быть концептуализировано (категоризировано) как ресурс для данного класса ситуаций, а затем шире – как ресурс субъектности вообще [Кожевникова, 2006].

Следовательно, можно предположить, что более высокий уровень жизнестойкости будет способствовать развитию и эффективному проявлению конфликтной компетентности педагога ДООУ. Проведенный анализ позволяет теоретически обосновать необходимость и целесообразность выделения жизнестойкости в качестве одной из конфликтологических основ педагогов на разных уровнях профессионализации.

Цель исследования - установить взаимосвязи жизнестойкости и конфликтной компетентности педагогов дошкольных образовательных учреждений на разных уровнях профессионализации.

Методики: Тест жизнестойкости (Методика С. Мадди, адаптация Д.А. Леонтьева и Е.И. Рассказовой). Методика "Конфликтная компетентность" (М.В. Башкин, В.А. Горшкова, А.М. Воскресенский).

Задачи:

1. Проанализировать специфику проявления конфликтной компетентности и жизнестойкости у педагогов дошкольных образовательных учреждений.
2. Выявить влияние стажа работы на развитие конфликтной компетентности и жизнестойкости.
3. Определить влияние квалификационной категории на развитие конфликтной компетентности и жизнестойкости.
4. Установить взаимосвязь конфликтной компетентности с выраженностью жизнестойкости педагогов.

Выборка. В исследовании приняли участие 75 педагогов первой и высшей категорий дошкольных образовательных учреждений Ярославской области. Процедура исследования заключалась в проведении опросов педагогов в

Таблица 1. Сравнение средних значений по ключевым шкалам в зависимости от квалификационной категории

Table 1. Comparison of the average values of key scales depending on the qualification category

Показатель Indicator	1 категория (среднее) 1 category (average)	Высшая категория (среднее) Higher category (average)
Конфликтная компетентность Conflict Competence	13,88	13,45
Жизнестойкость Resilience	84,36	78,48

период с декабря 2024 по ноябрь 2025 гг.

Результаты исследования. В результате исследования получены следующие данные (см. табл. 1).

Педагоги первой категории демонстрируют более высокие показатели по обоим конструктам ($\Delta=0,43$ по конфликтной компетентности; $\Delta=5,88$ по жизнестойкости), что предполагает парадокс "опыт–устойчивость": высшая категория, возможно, испытывает накопленный стресс от ответственности,

снижая ресурсы. Высшая квалификационная категория, как правило, коррелирует с максимальным стажем и возрастом. Согласно теории С. Maslach, именно у данной когорты наблюдается кумулятивный эффект стресса. [С. Maslach, 1982] Обладая формально высшей компетенцией, педагоги высшей категории часто несут большую отчетную нагрузку, выполняют функции наставников и транслируют эталонные образцы деятельности. У педагогов первой категории жизнестойкость носит характер «активного вызова» (борьба за статус, доказательство профессионализма). У высшей категории мотивация достижения может частично замещаться мотивацией сохранения статуса, что снижает параметр «принятие риска». Это приводит к тому, что интенсивность эксплуатации ресурсов превышает скорость их восстановления. Парадоксальное снижение конфликтной компетентности при росте стажа объясняется не потерей навыка, а его интериоризацией. Конфликтная компетентность переходит из разряда осознаваемых стратегий (активное управление) в разряд фонового знания. Воспринимая конфликт как рутину, педагоги высшей категории могут субъективно занижать самооценку своих компетенций при ответе на опросники (меняется референтная группа сравнения). Это указывает на необходимость разработки целевых образовательных программ с акцентом на вовлеченность и принятие риска для восстановления баланса. Люди, обладающие способностью к жизнестойкости, не только успешно преодолевают препятствия, но и извлекают из них уроки, становясь сильнее всем своим существом.

Снижение показателей жизнестойкости при росте стажа более 15 лет свя-

Таблица 2. Сравнение средних значений по ключевым шкалам в зависимости от стажа работы
Table 2. Comparison of the average values of key scales depending on the length of service

Показатель Indicator	До 5 лет (среднее) Up to 5 years (average)	От 5 до 15 лет (среднее) 5 to 15 years (average)	Более 15 лет (среднее) More than 15 years (average)
Конфликтная компетентность Conflict Competence	13,71	14,00	13,49
Жизнестойкость Resilience	79,64	84,57	81,20

зано с более высокой напряжённостью, экстремальностью, нестабильностью межличностных отношений, приводящих к истощению личностных психологических ресурсов (см. табл. 2).

Педагоги со стажем от 5 до 15 лет имеют более выраженные показатели жизнестойкости и конфликтной компетентности, поскольку у педагогов с опытом уже наработан ресурс, реализация которого обходится без особых волевых усилий, при этом они еще не выгорели в профессии как специалисты с опытом работы более 15 лет. Это сензитивный период профессиональной зрелости. Педагог уже преодолел этап первичной адаптации (первые 5 лет — «выживание»), сформировал индивидуальный стиль деятельности и еще не вошел в фазу стагнации и выгорания. Снижение показателей после 15 лет стажа маркирует начало фазы истощения адаптационного ресурса (дезадаптация или «исход в методическую деятельность»). Эмоциональные и волевые компоненты начинают работать в режиме дефицита. Среди личностных ресурсов, обеспечивающих потенциал жизнестойкости, можно назвать витальность, устойчивость к нагрузкам (или резилентность), решительность, готовность к позитивным изменениям. В этом контексте жизнестойкость слу-

Таблица 3. Матрица интеркорреляций компонентов жизнестойкости и конфликтной компетентности педагогов ДОУ (коэффициенты ранговой корреляции Спирмена)

Table 3. Matrix of intercorrelations of the components of resilience and conflict competence of preschool teachers (Spearman rank correlation coefficients)

	Когнитивный	Мотивационный	Эмоциональный	Волевой	Рефлексивный	Конфл. Компет.	Вовлеченность	Контроль	Принятие риска	Жизнестойкость
Когнитивный	1,00	0,29	0,28	0,22	0,18		0,28	0,24	0,40	0,33
Мотивационный	0,29	1,00	-0,01	0,44	0,19	0,60	0,35	0,47	0,43	0,45
Эмоциональный	0,28	-0,01	1,00	0,21	-0,04	0,42	0,24	0,14	0,22	0,22
Волевой	0,22	0,44	0,21	1,00	0,32		0,29	0,32	0,34	0,36
Рефлексивный	0,18	0,19	-0,04	0,32	1,00	0,52	0,20	0,22	0,29	0,25
Конфл. Компет.		0,60	0,42		0,52	1,00	0,46	0,46	0,58	0,54
Вовлеченность	0,28	0,35	0,24	0,29	0,20	0,46	1,00			
Контроль	0,24	0,47	0,14	0,32	0,22	0,46		1,00		
Принятие риска	0,40	0,43	0,22	0,34	0,29	0,58			1,00	
Жизнестойкость	0,33	0,45	0,22	0,36	0,25	0,54				1,00

38

Сила связи:

0,3	- умеренная
0,5	- средняя
	- сильная (тесная)

жит ключевым ресурсом, помогает в управлении стрессом и адаптироваться к вызовам [Тарасов, 2016].

Как показывает анализ результатов корреляционного анализа, взаимосвязь жизнестойкости и конфликтной компетентности средняя (коэффициент корреляции $r = 0,54$), которая указывает на наличие общего психологического механизма (см. табл. 3). Можно предположить, что таким механизмом является «толерантность к неопределенности». Конструктивное управление конфликтом требует принятия неопределенности поведения оппонента; жизнестойкость требует принятия неопределенности жизненных обстоятельств. Это единый экзистенциальный паттерн.

Наиболее тесная связь конфликтной компетентности с «волевым» ($r=0,71$) и «когнитивным» ($r=0,70$) компонентами доказывает, что конфликтная компетентность педагога ДОУ — это не столько эмоциональная эмпатия (связь с эмоциональным компонентом слабая, $r=0,42$), сколько аналитическая способность и саморегуляция. Педагог, понимающий структуру конфликта (когниции) и способный сдерживать импульсивные реакции (воля), демонстрирует высокую жизнестойкость.

Выявленная корреляция ($r=0,60$) свидетельствует о том, что мотивационный компонент является не периферическим, а системообразующим фактором конфликтной компетентности педагога ДОУ. Данная связь имеет не ситуативный, а устойчивый личностно-смысловой характер. С позиции теории самодетерминации, внутренняя мотивация (потребность в автономии, компетентности и связанности) трансформирует восприятие конфликта: из угрозы он пре-

вращается в профессиональную задачу. Высокомотивированный педагог не избегает разногласий, а стремится их конструктивно разрешить, поскольку это подтверждает его профессиональную состоятельность и сохраняет значимые отношения. Корреляционный анализ подтверждает, что мотивация выступает медиатором между установками жизнестойкости (контроль, принятие риска) и реальными конфликтными компетенциями. Без мотивационного обеспечения знания о конфликте остаются невостребованными.

Высокая корреляция компонента «принятия риска» с конфликтной компетентностью ($r=0,58$) и всеми компонентами жизнестойкости подтверждает экзистенциальную природу данных феноменов. В контексте ДОО «принятие риска» — это не склонность к опасности, а готовность действовать в нестандартной ситуации (работа с «особыми» детьми, сложные родители), отказываясь от жестких стереотипов.

Содержательная интерпретация связи позволяет предположить, что конфликтная компетентность выступает важным ресурсом для жизнестойкости педагога. Способность конструктивно управлять конфликтными ситуациями в профессиональной среде, вероятно, способствует снижению хронического стресса, помогает сохранять контроль и включенность в работу, а также придает смысл профессиональным трудностям, что является ключевыми компонентами жизнестойкости.

Полученные результаты указывают на сложную структуру конфликтной компетентности, которая требует более детального изучения, в том числе в отношении вопроса возможного конфликта в том, как некоторые компоненты могут оказывать разнонаправленный эффект на различные характеристики жизнестойкости.

Полученные данные вносят вклад в понимание профессионального здоровья педагога. Жизнестойкость и конфликтная компетентность образуют единый ресурсный синдром, позволяющий педагогу ДОО сохранять аутентичность и продуктивность в профессии. Инвестиции в развитие конфликтной компетентности являются прямыми инвестициями в жизнестойкость педагогического коллектива и, опосредованно, в психологическую безопасность детей.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Ментальная модель развития жизнестойкости предполагает, что жизнестойкость — это система убеждений и установок, которая позволяет личности противостоять стрессовым ситуациям, сохраняя внутреннюю сбалансированность. Такая модель может быть связана с концепциями, которые связаны с изучением феномена жизнестойкости как личностной характеристики [Ширшов, Забара, Якина, 2019]. Авторы предложили своё объяснение термина «жизнестойкость» и выделили её компоненты. В формировании жизнестойкости, по их мнению, важную роль играет социальное окружение человека — поддерживающее, кооперативное окружение способствует повышению жизнестойкости.

В концепции Л. Н. Якиной жизнестойкость рассматривается как интегральная способность субъекта, которая является основанием адаптации личности. Компоненты жизнестойкости условно делятся на две группы: практическая и ментальная. Практическая — саморегуляция, навыки межличностного взаимодействия, способности разрешения проблем и преодоления сложных ситуаций. Ментальная — активность человека, смыслообразование, самосознание, ответственность, базовые личностные установки. Жизнестойкость как ядро личности позволяет человеку осуществлять жизнедеятельность, развиваться и сохранять внутреннюю гармонию.

В концепции Л. И. Забары жизнестойкость также рассматривается как лич-

ностно-психический ресурс, формирование которого выражается в развитии способности противостоять профессионально-личностной дезадаптации, конкретизировать и реализовывать свой план действий, уметь контролировать себя. Свойство и способность жизнестойкости личности связаны с её социально значимыми, развивающимися качествами: волей, системой ценностей, жизненными целями, ответственностью и активностью действия, внутренней свободой.

В концепции В. Д. Ширшова жизнестойкость рассматривается как перманентное развитие способности личности противостоять трудным ситуациям, непрерывный процесс самосовершенствования, направленный на преодоление критических моментов и влияний разрушительных факторов жизни. К индикаторам жизнестойкости, по его мнению, относятся: психологическое, душевное здоровье; способность выдержать воздействие стрессовых факторов; умение сохранять внутреннюю гармонию без ущерба эффективности деятельности.

В модели С. Мадди жизнестойкость рассматривается как система убеждений, которые позволяют человеку оставаться активным и препятствуют негативным последствиям стресса. С. Мадди описал пять основных механизмов, благодаря которым проявляется буферное влияние жизнестойкости на развитие заболеваний и стресса: оценка жизненных изменений как менее стрессовых; создание мотивации к трансформационному совладанию; усиление иммунной реакции; усиление ответственности по отношению к практикам здоровья (здоровому образу жизни); поиск активной социальной поддержки, способствующей трансформационному совладанию. Жизнестойкость, по С. Мадди, формируется в раннем возрасте на основе опыта детско-родительских отношений, но может поддерживаться и развиваться во взрослом возрасте в контексте заботы о собственном здоровье, взаимодействия с другими людьми (принятие их помощи и ободрение) [Maddi, 1987].

Предлагаемая в данной статье ментальная модель развития жизнестойкости структурирована как нелинейная спираль, теоретически обоснованная системным подходом Эрика Берна (транзактный анализ): *диагностическая фаза* (онтологический анализ дефицитов ресурсов); *формационная* (онтогенез новых ресурсов); *аппроксимационная* (интеграция ресурсов в профессиональную практику позволяет понимать, что разрабатываемая модель не претендует на полное описание реальности) и *рефлексивная* (метакогнитивный синтез опыта). Диагностика опирается на стандартизированные шкалы жизнестойкости Коннора-Дэвидсона (CD-RISC), измеряющие подшкалы: настойчивость (tenacity), личный контроль, духовность и оптимизм [Маккей, 2003].

Диагностическая фаза ориентирована на изучение и описание объектов, событий, процессов и отношений в области дефицитарности ресурсов, частью которой может являться система напряженных межличностных отношений. Применительно к педагогам ДОУ данная фаза требует особого подхода. Диагностика здесь выходит за рамки простого измерения уровня жизнестойкости. Обоснованием для углубленной диагностики служит специфика профессиональной деятельности воспитателя: высокая эмоциональная включенность, «двойной» конфликтный контур (вертикаль «администрация-педагог» и горизонталь «педагог-родитель»), а также феномен «публичности» профессии, где любая ошибка мгновенно становится предметом обсуждения. Поэтому диагностический этап должен выявлять не только общий дефицит ресурсов совладания (копингов), но и конкретные иррациональные убеждения педагога относительно участников образовательного процесса (например, «родители всегда ищут, к чему придраться», «администрация требует невозможного»), а также триггеры эмоционального выгорания, связанные с сенсорной перегрузкой

от постоянного взаимодействия с детьми раннего возраста [Водопьянова, 2009].

Формационная фаза строится на тренинговой парадигме, интегрируя когнитивно-поведенческие техники Альберта Эллиса (рационально-эмоциональная поведенческая терапия для деконструкции иррациональных убеждений "все родители – враги"), практики осознанности Джона Кабат-Зинна (для эмоциональной регуляции в моменте стресса) и нарративную терапию Майкла Уайта для переосмысления профессиональных нарративов ("из жертвы обстоятельств в соавтора своей судьбы"). В ДОУ акцент делается на экологичности вмешательств: упражнения имитируют аутентичные сценарии, такие как родительские претензии по поводу воспитательных методик или детские истерики в группе [Шмелева, 2022].

Аппроксимационная фаза предполагает принцип лесов (по Выготскому): зона ближайшего развития реализуется через менторство старших коллег, где начинающий педагог постепенно осваивает самостоятельное разрешение ситуаций. На этом этапе происходит перенос сформированных навыков из тренинговой среды в реальную профессиональную практику. Педагог, уже обладая новыми когнитивными схемами и техниками саморегуляции, начинает апробировать их в ситуациях реального конфликта: при утреннем приеме ребенка в период адаптации, на собрании по поводу спорной ситуации с родителями или при обсуждении с методистом открытого занятия. Ключевым обоснованием успешности этой фазы является создание в ДОУ поддерживающей среды, где ошибка воспринимается не как профессиональная неудача, а как необходимая часть процесса обучения и роста [Корчагина, 2017].

Рефлексивная фаза жизнестойкости (процесс осознания особенностей становления жизнестойкости личности) предполагает осознанное принятие жизненных ситуаций, осознание своей позиции и целенаправленное развитие действий. Это противостоит чувству беспомощности, растерянности, которое может привести к бездеятельности или бессмысленной активности в трудных ситуациях. Рефлексивная фаза следует согласно модели Дональда Шона: рефлексия в действии и рефлексия после действия, документируемые в профессиональном журнале с вопросами: "Что сработало? Что можно улучшить?". Цикличность спирали обеспечивает устойчивый рост, гармонично интегрируя требования федерального государственного образовательного стандарта (ФГОС) ДОУ с педагогикой жизнестойкости [Асмолов, 2001].

Применение данной модели позволяет учитывать специфику ДОУ: короткие циклы внимания детей требуют мгновенной регуляции, а многоуровневая субординация (заведующий – методист – воспитатель) диктует необходимость вертикальной и горизонтальной коммуникации.

Таким образом, проведенный теоретический анализ позволил выявить потенциальную взаимосвязь между жизнестойкостью и конфликтной компетентностью. Оба конструкта являются ресурсными, направленными на эффективное преодоление профессиональных трудностей. Компоненты жизнестойкости — контроль и принятие риска — могут быть психологической основой для выбора активных и конструктивных стратегий поведения в конфликте, в то время как вовлеченность обеспечивает мотивационную и смысловую основу для разрешения противоречий в интересах ребенка и образовательного процесса в целом. Эмоциональная саморегуляция, являющаяся частью обоих феноменов, выступает связующим звеном, позволяющим сохранять профессиональную позицию в напряженных ситуациях. Рассмотрение жизнестойкости как базового компонента личностного потенциала, позволяет подчеркнуть её связь с субъектной активностью, обеспечивающий зрелые формы саморегуляции и позитивное личностное развитие.

ВЫВОДЫ

1. Жизнестойкость как способность к восстановлению после пережитых трудностей не является статичной чертой личности, а скорее результатом взаимодействия внутренних ресурсов, личностных настроек и жизненного опыта. Особый интерес представляет понимание психологических механизмов жизнестойкости, среди которых можно выделить позитивное мышление, самоэффективность, эмоциональную саморегуляцию, самодетерминацию и эмпатию.

2. Установлена статистически значимая прямая корреляционная связь средней силы ($r=0,54$) между уровнем жизнестойкости и уровнем конфликтной компетентности педагогов ДОУ. Данный результат позволяет рассматривать конфликтную компетентность не как узкопрофессиональный навык, а как значимый личностный ресурс жизнестойкости, обеспечивающий устойчивость педагога в условиях непрерывно развивающейся образовательной среды.

3. Выявлен паттерн динамики ресурсов: пик жизнестойкости и конфликтной компетентности приходится на период стажа от 5 до 15 лет (период активной профессионализации). Группы «входа в профессию» (до 5 лет) и, что особенно важно, группы «высшего мастерства» (высшая категория / стаж более 15 лет) демонстрируют статистически более низкие показатели. Это свидетельствует о наличии «кризиса компетентности» на этапе акме, требующего специфического психолого-педагогического сопровождения.

4. Жизнестойкость педагога ДОУ в большей степени детерминирована «волевым» и «когнитивным» компонентами конфликтной компетентности. Это опровергает традиционное представление о конфликте в дошкольном образовании как о сугубо эмоциональном процессе. Ключевым фактором успешности в образовательной деятельности является способность педагога к рефлексивному анализу конфликтной ситуации и произвольной регуляции собственного состояния.

5. Психолого-педагогические рекомендации по развитию жизнестойкости в помогающей среде основываются на психологическом портрете (мотивационные, когнитивные, эмоционально-волевые и поведенческие аспекты), а содержание программы – на психологическом стандарте (знания, умения и ресурсы - позитивное мышление, самоэффективность, эмоциональная устойчивость, коммуникативные навыки, самоидентичность) [Кашапов, Пошехонова, Кашапов, 2022]. Необходимый минимум психологической диагностики, психологического инструментария, обозначает эффективные технологии и практики (позитивная психология и педагогика, практики коммуникаций, технология ненасильственного общения, диалога и сотрудничества, информационно-энергетические практики и др.) развития жизнестойкости и психологической безопасности специалиста социологического профиля.

ЛИТЕРАТУРА

1. Анцупов А.Я. Конфликтология: учебник / А.Я. Анцупов. – М.: Юнити, 2000. – 312 с.
2. Асмолов А.Г. Психология личности: учебное пособие / А.Г. Асмолов. – М.: Смысл, 2001. – 456 с.
3. Баженова, Ю.А. Феномен жизнестойкости, основные отечественные и зарубежные концепции / Ю.А. Баженова, Ю.В. Фомина // Личностные и ситуационные детерминанты поведения и деятельности человека: сб. материалов Всерос. науч.-прак. конф. (Донецк, 07 декабря, 2023 г.). – Донецк: Изд-во Донецкий государственный университет. – С. 16-21. – URL : elibrary61480228_47182900.pdf (дата обращения: 20.08.2025)
4. Богомаз, С.А. Жизнестойкость человека как личностный ресурс совладания со стрессами и достижения высокого уровня здоровья / С.А. Богомаз // Здоровье нации – основа процветания России: сб. материалов научно-практических конгрессов IV Всероссийского форума. – 2008.

- Т. 2. – С. 24 – 27. – URL : Жизнестойкость человека как личностный ресурс совладания со стрессами и достижения высокого уровня здоровья (дата обращения: 20.08.2025)
5. Водопьянова, Н. Е. Психодиагностика стресса / Н. Е. Водопьянова. — СПб.: Питер, 2009. - 336 с.
6. Воробьева, Л.И. «Духовность» в психологии: философско-методологический анализ / Л.И. Воробьева // Культурно-историческая психология. - 2019. - Том 15, № 3. - С. 32–40. doi:10.17759/chr.2019150304
7. Дружинина, Н.В. Конфликтологическая компетентность учителя: учебное пособие / Н.В. Дружинина. - Ярославль: ТГУ, 2025. – 276 с.
8. Голман, Д. Эмоциональный интеллект: монография / Д. Голман. - Нью-Йорк: Bantam Books, 1995. – 375 с.
9. Кашапов, М.М. Учет в медиации специфики типов реагирования на конфликт / М.М. Кашапов // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 16. Психология. Педагогика. - 2012. - № 3. - С. 31-41. – URL : Учёт в медиации специфики типов реагирования на конфликт | Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология (дата обращения: 20.08.2025)
10. Кашапов, М.М. Психология конструктивной конфликтности личности на основе системогенетического подхода / М.М. Кашапов // Системогенез учебной и профессиональной деятельности: сб. материалов VI Всерос. науч.-прак. конф. (Ярославль, 19-21 ноября 2013г.). – Ярославль: Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского, 2013. - С. 38-44. – URL : e library.ru/download/elibrary_26345126_21912972.pdf (дата обращения: 20.08.2025)
11. Кашапов, М.М. Психология конфликта: учебник и практикум. Сер. 58 Бакалавр. Академический курс / М.М. Кашапов. - 2-е изд., испр. и доп. – М.: Изд-во Юрайт, 2016. – 216 с.
12. Кашапов, М.М. Протестный потенциал как средство реализации ментальных ресурсов продуктивной конфликтности личности / М.М. Кашапов // Ментальные ресурсы личности: теоретические и прикладные исследования: сб. материалов третьего международного симпозиума (Москва, 20-21 октября 2016 г.); отв. ред.: М. А. Холодная, Г. В. Ожиганова. – М. : Труды института психологии РАН, 2016. - С. 226-232. – URL : Ментальные ресурсы личности: теоретические и прикладные исследования (дата обращения: 20.08.2025)
13. Кашапов, М.М. Психология конфликтной компетентности : монография / М.М. Кашапов, М.В. Башкин, А.С. Кашапов, О.А. Бахвалова. - Ярославль : Канцлер, 2025. - 220 с.
14. Кашапов, М.М. Эмпатия как ресурс жизнестойкости студентов при адаптации к вузу / М.М. Кашапов, А.А. Смирнов, Е.В. Соловьева, И.В. Серафимович // Сибирский психологический журнал. – 2022. - № 86. - С. 119–139. doi:10.17223/17267080/86/7
15. Кашапов, М.М. Инновационные образовательные технологии / М.М. Кашапов, Ю.В. Пошехонова, А.С. Кашапов. - Ярославль: Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова, 2021. – 190 с.
16. Кожевникова, Е.Ю. Личностные ресурсы преодоления ситуации социально-экономической депривации: диссертация кандидата психологических наук по специальности - общая психология, психология личности и история психологии 19.00.01 / Екатерина Юрьевна Кожевникова. - Краснодар, 2006. - 247 с.
17. Корчагина, Г. И. Психологическая безопасность образовательной среды / Г. И. Корчагина // Вопросы психологии. — 2017. — № 2. – С. 47 – 59.
18. Леонтьев, Д.А. Личностный потенциал: оптика психологии / Д.А. Леонтьев // Образовательная политика. - 2023. - №2 (94). - С. 20–31. DOI: 10.22394/2078-838X-2023-2-20-31
19. Маккей, К. Шкала жизнестойкости CD-RISC: методическое пособие / К. Маккей. - Торонто: Author, 2003. – 523 с.
20. Маничев, С.А. Организационный контекст принятия управленческих решений / С.А. Маничев // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 16. Психология. Педагогика. - 2015. - №1. - С. 55–62. – URL : Организационный контекст принятия управленческих решений //Психологическая газета (дата обращения: 20.08.2025)
21. Резниченко, Н.В. Развитие конфликтустойчивости педагога: учебное пособие / Н.В. Резниченко. - Саратов: СГУ, 2016. – 217 с.
22. Селигман, М. Цветение (Flourish): монография / М. Селигман. - Нью-Йорк: Free Press, - 2011. – 289 с.
23. Тарасов, М.М. Психолого-педагогическая характеристика служебно-боевой деятельности военнослужащих внутренних войск / М.М. Тарасов // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. – 2016. – № 14. – С. 257–269.
24. Ширшов, В.Д. Жизнестойкость личности как социальный феномен (опыт философского и психолого-педагогического анализа) / В. Д. Ширшов, Л. И. Забара, Л. Н. Якина // Педагогическое образование в России. - 2019. - № 5. - С. 108-116. DOI 10.26170/ro19-05-16
25. Шмелева, Е.А. Жизнестойкость и психологическая безопасность педагога / Е.А. Шмелева

// Образование и наука. – 2022. - № 24 (11). - – URL : Жизнестойкость и психологическая безопасность педагога в образовательной среде | Шмелева | Образование и наука (дата обращения: 20.08.2025)

26. Luthans F., Avolio B. J., Youseff C. Psychological Capital: Developing the Human Competitive Edge. Oxford, England: Oxford University Press, 2007. viii+246 p., p. 3

27. Maddi S.R. Hardiness training at Illinois Bell Telephone // In Opatz J. (Ed.). Health promotion evaluation. Stephens Point. WI: National Wellness Institute. 1987. – P. 101–115.

28. Maslach, C. Burnout: A social psychological analysis. In The Burnout syndrome ed.J.W.Jones, pp. 30–53, Park Ridge, IL: London House, 1982.

29. Masten A.S., Reed M.-G. Resilience in development // Snyder, Lopez S.J. (eds.). Handbook of positive psychology. Oxford: University Press, 2002. Pp. 77-88.

Получена: 15.02.2026 г.

Принята к публикации: 26.03.2026 г.

A MENTAL MODEL OF THE INTERRELATIONSHIP BETWEEN RESILIENCE AND CONFLICT COMPETENCE OF A PRESCHOOL TEACHER

© Artyom S. Kashapov, Maria V. Usanina

Artyom S. Kashapov – Candidate of Sciences in Psychology, Demidov Yaroslavl State University
e-mail: yarmirko@mail.ru

Maria V. Usanina – Master's Degree, Demidov Yaroslavl State University
e-mail: Mary.zhalilova@yandex.ru
Address: 150003, 14, Sovetskaya Street, Yaroslavl, Russian Federation

ABSTRACT

Relevance. The relevance of this study stems from dynamic changes in the modern education system, which place increased demands on teaching staff. In today's environment, teachers' effectiveness is largely determined by their ability to constructively resolve conflicts, cope with stressful situations, and apply innovative approaches to educational activities. The aim of this study is to identify the relationship between resilience and conflict competence in preschool teachers at different levels of professional development.

Materials and methods. The following psychodiagnostic methods were used: the Conflict Competence Questionnaire (M.V. Bashkin, V.A. Gorshkova, A.M. Voskresensky); and the Resilience Test (S. Maddi's Method, adapted by D.A. Leontiev and E.I. Rasskazova). The study utilized methods to assess conflict management competence (conflict management strategies, emotional self-regulation, communication skills) and resilience (determination, ability to withstand stressful situations, adaptability). The study was conducted between 2024 and 2025 at preschool educational institutions in the Yaroslavl Region of the Russian Federation.

Results. This empirical study, involving 75 preschool teachers, revealed that teachers with 5–15 years of experience demonstrate higher levels of resilience and conflict management competence compared to their colleagues with more experience. A moderate positive correlation ($r = 0.54$) was found between resilience and conflict management competence, confirming the role of the latter as an important resource for adaptation and overcoming professional stress. A statistically significant correlation was also found between the parameters studied, demonstrating the importance of developing both components to improve the effectiveness of teaching staff in educational institutions. The data obtained can be used in professional development and continuing education programs for teachers at educational institutions to optimize educational processes and create a positive psychological climate within teaching staff.

Conclusions. Analysis of the obtained results highlights the need for targeted support programs, especially for experienced teachers, to maintain their psychological well-being and professional effectiveness.

KEYWORDS: resilience; teacher; conflict resolution; interrelationships; preschool educational institution.

Conflict of interests. The authors declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

REFERENCES

1. Antsupov A. Ya. Conflictology: a textbook. Moscow: Unity, 2000.
2. Asmolov A. G. Personality Psychology: a study guide. Moscow: Smysl, 2001.
3. Bazhenova Yu. A., Fomina Yu. V. The phenomenon of resilience: key domestic and foreign concepts. In the collection: Personal and situational determinants of human behavior and activity. Proceedings of the All-Russian scientific and practical conference. Donetsk, 2023. pp. 16-21.
4. Bogomaz S. A. Human resilience as a personal resource for coping with stress and achieving a high level of health / S. A. Bogomaz // Proceedings of the scientific and practical congresses of the IV All-Russian forum "The Health of the Nation – the Basis for Russia's Prosperity". – 2008. – Vol. 2. – Pp. 24–27.
5. Vodopyanova N. E. Psychodiagnosics of Stress. – St. Petersburg: Piter, 2009, 336 p.
6. Vorobyova L. I. "Spirituality" in Psychology: A Philosophical and Methodological Analysis // Cultural-Historical Psychology. 2019. Vol. 15. No. 3. Pp. 32–40. doi:10.17759/chp.2019150304
7. Druzhinina N. V. Conflictological Competence of a Teacher: A Manual. Yaroslavl: TSU, 2025.
8. Golman D. Emotional Intelligence: A Monograph. New York: Bantam Books, 1995.

9. Kashapov M. M. Accounting for the Specifics of Conflict Response Types in Mediation // Bulletin of St. Petersburg University. Series 16. Psychology. Pedagogy. 2012. No. 3. pp. 31-41.
10. Kashapov MM Psychology of Constructive Conflict of the Personality Based on the Systems-Genetic Approach. In the book: Systemogenesis of Educational and Professional Activity. Proceedings of the VI All-Russian Scientific and Practical Conference. 2013. pp. 38-44.
11. Kashapov MM Psychology of Conflict. Textbook and Workshop / Series 58 Bachelor. Academic Course. (2nd ed., corrected and expanded) Moscow, 2016.
12. Kashapov MM Protest Potential as a Means of Realizing the Mental Resources of the Personality's Productive Conflict. In the collection: Mental Resources of the Personality: Theoretical and Applied Research. Proceedings of the Third International Symposium. Editors-in-Chief: M. A. Kholodnaya, G. V. Ozhiganova., 2016. Pp. 226-232.
13. Kashapov M. M., Bashkin M. V., Kashapov A. S., Bakhvalova O. A. Psychology of Conflict Competence: Monograph. Yaroslavl: Kanzler, 2025. 220 p.
14. Kashapov M. M., Smirnov A. A., Solovieva E. V., Serafimovich I. V. Empathy as a Resource of Students' Resilience During Adaptation to University // Siberian Psychological Journal, No. 86, 2022. Pp. 119-139. doi:10.17223/17267080/86/7
15. Kashapov M.M., Poshekhonova Yu.V., Kashapov A.S. Innovative educational technologies. Moscow, 2022.
16. Kozhevnikova E.Yu. Personal resources for overcoming the situation of socio-economic deprivation: dis. candidate of psychological sciences: 19.00.01 Krasnodar, 2006. 247 p.
17. Korchagina G.I. Psychological safety of the educational environment // Questions of psychology. - 2017. - No. 2.
18. Leontiev D.A. Personal potential: optics of psychology // Educational policy. 2023. No. 2 (94). Pp. 20-31. DOI: 10.22394/2078-838X-2023-2-20-31
19. Mackay K. The CD-RISC Hardiness Scale: a manual. Toronto: Author, 2003.
20. Manichev S. A. Organizational context of managerial decision-making // Bulletin of St. Petersburg University. Series 16. Psychology. Pedagogy. 2015. No. 1. pp. 55-62.
21. Reznichenko N. V. Developing teacher conflict tolerance: a manual. Saratov: Saratov State University, 2016.
22. Seligman M. Flourish: monograph. New York: Free Press, 2011.
23. Tarasov, M. M. Psychological and pedagogical characteristics of the service and combat activities of internal troops military personnel // Izv. Herzen State Pedagogical University. – 2016. – No. 14. – P. 257–269.
24. Shirshov V. D., Zabara L. I., Yakina L. N. Personality Resilience as a Social Phenomenon (An Experience of Philosophical, Psychological, and Pedagogical Analysis) // Pedagogical Education in Russia. 2019. No. 5. P. 108–116. DOI 10.26170/po19-05-16
25. Shmeleva E. A. Teacher Resilience and Psychological Safety: Article. Education and Science, No. 24(11), 2022.
26. Luthans F., Avolio B. J., Youseff C. Psychological Capital: Developing the Human Competitive Edge. Oxford, England: Oxford University Press, 2007. viii+246 p., p. 3
27. Maddi S.R. Hardiness training at Illinois Bell Telephone // In Opatz J. (Ed.). Health promotion evaluation. Stephens Point. WI: National Wellness Institute. 1987. – R. 101–115.
28. Maslach, C. Burnout: A social psychological analysis. In The Burnout syndrome ed.J.W.Jones, pp. 30–53, Park Ridge, IL: London House, 1982.
29. Masten A.S., Reed M.-G. Resilience in development // Snyder, Lopez S.J. (eds.). Handbook of positive psychology. Oxford: University Press, 2002. Pp. 77-88.

Received: 15.02.2026

Accepted: 26.03.2026

DOI: 10.21626/j-chr/2026-1(46)/4
УДК: 159.9

Педагогическая психология

ФОРМИРОВАНИЕ ДИАГНОСТИЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ У БАКАЛАВРОВ И МАГИСТРОВ В ЦИФРОВОЙ СРЕДЕ

© А.Ф. Ануфриев, М.Р. Рахматова

Ануфриев А.Ф. – доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры психологии труда и психологического консультирования, ФГБОУ ВО «Московский педагогический государственный университет»

e-mail: af.anufriev@mpgu.org

Рахматова М.Р. – студент, ФГБОУ ВО «Московский педагогический государственный университет»

e-mail: rakhmatovamanizha@yandex.ru

Адрес: 119435, г. Москва, ул. Малая Пироговская, 1, стр.1, Российская Федерация

47

АННОТАЦИЯ

Актуальность. Анализируются обязательные требования ФГОС при реализации программ высшего образования бакалавриата и магистратуры к педагогу-психологу, формируемые у него универсальные и общепрофессиональные компетенции. Отмечается, что указанные программы образования обуславливают уровень развития системного и критического мышления и при этом могут не оказывать значимого влияния на формирование диагностического мышления и, в частности, на его наиболее сложную форму, реализуемую педагогом-психологом при решении причинных диагностических задач.

Цель исследования. Выявление особенностей формирования диагностического мышления у магистров и бакалавров в цифровой среде.

Материалы и методы. Теоретический анализ научной литературы, АКС (автоматизированная компьютерная система) PsyCase, проблемный метод формирования диагностического мышления путем решения серии диагностических задач в диалоге с АКС в цифровой среде, статистический критерий Манна-Уитни для обработки эмпирических данных исследования.

Результаты исследования. При формировании диагностического мышления проблемным методом, обнаружено, что бакалавры и магистры используют такие когнитивные стратегии как ориентация на условия задачи, формальный перебор, свернутая схема, недопустимые стратегии. Последние делают получаемую в автоматизированных протоколах информацию недостоверной и бесполезной. При формировании диагностического мышления в указанных двух группах обучающихся установлено отсутствие статистически значимых различий, не смотря на то, что в образовательной программе бакалавриата есть курс психодиагностики, а у магистров его нет. Установлено также, что между магистрами имеющими и не имеющими базовое образование также отсутствуют статистически значимые различия.

Выводы. В связи с этим делается вывод, что скорее всего, диагностическое мышление имеет особое содержание, которое в настоящее время не представлено в должной мере в системе образования.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: системное мышление; критическое мышление; диагностическое мышление; автоматизированная компьютерная система; педагог-психолог; недопустимые когнитивные стратегии; федеральный государственный образовательный стандарт.

№1 (46) 2026
www.j-chr.com

Конфликт интересов. Авторы декларируют отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

В федеральных государственных образовательных стандартах высшего образования представлена совокупность обязательных требований при реализации основных профессиональных образовательных программ высшего образования бакалавриата и - магистратуры по направлению подготовки 44.04.02 Психолого-педагогическое образование [19; 20]. В результате освоения указанных программ у выпускника должны быть сформированы универсальные и общепрофессиональные компетенции. Среди них сходные компетенции для бакалавров и магистров, в числе которых способность осуществлять поиск, критический анализ проблемных ситуаций на основе системного подхода, вырабатывать стратегию действий; осуществлять контроль и оценку формирования результатов образования обучающихся, выявлять и корректировать трудности в обучении.

Педагог-психолог должен также проводить психолого-педагогическое консультирование обучающихся, их родителей, коррекционно-развивающую работу, обеспечивающую специализированную помощь обучающимся с учетом особенностей их индивидуальных способностей и социальной адаптации, проведение мероприятий по психологической профилактике с целью формирования и развития комфортной и безопасной образовательной среды.

Реализация указанных требований связана не только с уровнем развития системного и критического, но, прежде всего, диагностического мышления

Под диагностическим мышлением понимается мыслительная деятельность диагноста, использующего научные знания и личный опыт применительно к конкретному диагностическому случаю [2; 7; 14]. Оно реализуется при решении оценочных задач, когда применяются многомерные диагностические методики на этапе интерпретации полученных эмпирических данных, а также при решении причинных задач, в которых необходимо найти причины имеющихся проблем, трудностей, неблагополучия [2]. В последнем случае диагност имеет дело с наиболее сложной и перспективной для изучения психологических закономерностей диагностической деятельности формой диагностического мышления. Во-первых, потому что поиск сам по себе сложнее оценки. Во-вторых, в этом случае учитываются полученные из различных источников как качественные анамнестические данные, так и результаты обследования по диагностическим методикам. И, наконец, диагностический поиск включает в себя в качестве составной части оценку (на этапе проверки гипотез) в то время, когда обратное утверждение неверно.

В связи со сказанным причинные задачи могут использоваться в качестве инструмента оценки используемых образовательных программ бакалавриата и магистратуры и формируемых с их помощью компетенций с точки зрения формирования диагностических компетенций.

Поскольку перечисленные выше компетенции бакалавров и магистров психолого-педагогического образования мало чем отличаются, важно получить информацию о том, существуют ли различия в решении диагностических задач бакалаврами и магистрами. Сказываются ли два дополнительных года обучения в магистратуре на успешности решения причинных диагностических задач из консультативной диагностической практики педагога-психолога. А поскольку среди магистров могут оказаться обучающиеся имеющие и не имеющие профильного образования важно также выяснить имеют ли первые преимущество при решении психодиагностических задач и влияет ли это различие на формирующиеся в процессе обучения диагностических компетенций.

Изучения формирования диагностического мышления при решении причинных задач в процессе реальной профессиональной деятельности затруднено, поскольку оно протекает во внутреннем плане и недоступно внешнему наблюдению и самонаблюдению. Поэтому изучение решения диагностических задач и формирования диагностического мышления целесообразно проводить с помощью кейсов из диагностической практики психолога, позволяющих моделировать диагностическую деятельность педагога-психолога. Наибольшие возможности такого моделирования представляют автоматизированные кейсы. Они позволяют формировать диагностическое мышление с помощью цифровых продуктов и в цифровой среде как очно, так и дистанционно.

Объект исследования – диагностическое мышление будущих педагогов-психологов.

Предмет исследования – когнитивные стратегии, диагностическое мышление

Цель исследования – выявление особенностей формирования диагностического мышления у магистров и бакалавров в цифровой среде.

Гипотезы исследования:

1. В процессе решения диагностических задач и формирования диагностического мышления в цифровой среде обучающиеся имеют возможность использовать разные когнитивные стратегии, среди которых могут быть и недопустимые, связанные со знанием ответа.

2. Между магистрами и бакалаврами отсутствуют статистически значимые различия в объективных показателях решения диагностических задач в цифровой среде и в формировании диагностического мышления проблемным методом. Формирование диагностического мышления путем решения диагностических задач с помощью автоматизированных компьютерных систем является проблемным методом обучения, поскольку решатель постоянно находится в ситуации выбора, возникновения и решения проблем высокой степени неопределенности.

3. Между магистрами, имеющими и не имеющими базовое образование отсутствуют статистически значимые различия в объективных показателях успешности решения диагностических задач и в формировании диагностического мышления проблемным методом.

Методологическую основу исследования составили теория решения психодиагностических задач [1; 2; 3], структурно-функциональная организация психодиагностической деятельности специалистов образования [10], работы Войтко В.И., Гильбуха Ю.З., Роговина М.С., Урванцева Л.П. [6; 16; 18] и др.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

Общее количество испытуемых, принимавших участие в исследовании составило 53 человек. Базу исследования составили будущие педагоги-психологи третьего и четвертого курса заочной формы обучения Института педагогики и психологии Московского педагогического государственного университета, обучающиеся в бакалавриате ($n=24$) и в магистратуре ($n=18$), в возрасте от 21 до 35 лет. Магистры подразделялись на две подгруппы – имеющие ($n=12$) и не имеющие ($n=6$) профильное образование. Профильным образованием считалось педагогическое, психологическое, психолого-педагогическое образование. Студентами без профильного образования были экономисты, дизайнеры и т.п.

Используемая аппаратура. Сложность исследования психодиагностической деятельности заключается в том, что она практически не поддается как внешнему, так и внутреннему наблюдению. Связи с этим в исследовании использовалась автоматизированная компьютерная система с элементами

искусственного интеллекта «PsyCase», которая позволяет моделировать диагностическую деятельность и регистрировать в автоматическом режиме объективные параметры решения психодиагностических задач, среди которых общее время решения задач, время нахождения на каждом этапе диагностического процесса, количество выдвигаемых гипотез, количество запрашиваемых диагностических методик, количество формулируемых диагностических заключений и др. [4; 5]. Она содержит 16 задач-кейсов, взятых из реального диагностической практике психолога и предназначена для изучения процесса решения диагностических задач и формирования диагностического мышления.

Используемый математический метод: U – критерий Манна – Уитни для определения различий между группами испытуемых по выбранным показателям.

Процедура проведения эксперимента. Исследования проводилась в апреле 2024 года, в институте педагогики и психологии МПГУ. Перед началом работы с автоматизированной компьютерной системой "PsyCase" испытуемые проходили регистрацию, указывали образование, стаж работы, возраст. Далее ознакомились с инструкцией по работе с системой и приступали к решению задач.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

1. Результаты исследования когнитивных стратегий у бакалавров и магистров в процессе формирования диагностического мышления

Термин стратегия означает общий план действий, рассчитанных на достижения определенной цели [15, с. 419]. Под когнитивными стратегиями принято понимать устойчивую систему ориентиров и способов решения задач познания, для достижения определенных целей, таких как обработку и усвоение информации [8; 11; 12; 13; 17].

В ранее проведенных исследованиях на материале решения психодиагностических задач обнаружено три основные когнитивные стратегии диагностического поиска, которыми пользуются практические психологи в процессе решения диагностических задач:

- полная схема - когда используется все этапы диагностического процесса;
- пропуск одного из этапов диагностического процесса;
- и «свернутая схема» - где задействовано не более двух этапов диагностического поиска [9, с. 5].

В нашем исследовании уточнено название этих стратегий и обнаружена новая стратегия при решении диагностических задач. В результате выделено 4 вида когнитивных стратегий, которых, придерживались в испытуемые в группах бакалавров и магистров:

1. *Ориентация на условия задач* - при выборе данной стратегии испытуемые проходили либо все этапы диагностического процесса, либо могли пропускать этапы психологической проблема и гипотезы. Далее они сразу же переходили к данным психологического обследования, запрашивали результаты выбранных методик и решали задачу. Стоит отметить, что испытуемые при выборе данной стратегии тратили много времени для изучения каждого этапа диагностического процесса (кроме психологической проблемы и гипотезы) чтобы лучше с ориентироваться в условиях задачи.

2. *Формальный перебор* - при выборе данной стратегии испытуемые проходили все этапы диагностического процесса, однако на этапе данные психологического обследования запрашивали методики от 15 до 43 раз. Примерное такое же количество раз запрашивали диагноз. Это говорило о том, что испытуемые пытались угадать диагноз.

3. *Свернутая схема этапов* - при выборе стратегии «свернутая схема эта-

пов» испытуемые проходили не более двух этапов психодиагностического процесса в двух вариантах:

а) либо выбирали этап феноменологии и данные психологического обследования и решали задачу правильно;

б) или выбирали только этапы диагностического обследования и этап диагностического заключения и тоже решали задачу правильно.

4. *Недопустимая стратегия* - связана со знанием ответа до решения задач или с получением его неприемлемыми способами в ходе решения задачи (например, за счет использования интернета).

2. Результаты выявления недопустимых стратегий в группах бакалавров и магистров

При анализе автоматизированных протоколов в двух группах испытуемых было обнаружен ряд протоколов, которые свидетельствовали о том, что испытуемые при решении диагностических задач использовали недопустимые стратегии решения. В таблице № 1 приведен пример типичного протокола, в котором четко определяются критерии по которым можно установить, что испытуемый заранее знал ответ, имел к нему доступ или нашел его в интернете в ходе решения задачи. Мы видим, что испытуемый пропускает этапы феноменологии, психологической проблемы, гипотезы, не запрашивает данные психологического обследования по диагностическим методикам, а сразу идет к диагностическому заключению и называет диагноз.

Таблица 1. Недопустимые ответы испытуемых (типичный протокол).

Table 1. Unacceptable responses from subjects (typical protocol).

№ задач	Феноменология	Гипотез запрошено	Методик запрошено	Количество причин в диагнозе/диагнозах	Количество диагнозов	Время решения задачи
1	0,3	3	0	3	2	21,1
2	0	0	0	0	1	1,6
3	0	0	0	0	1	3,1
4	0	0	0	0	1	0,7
5	0	0	0	0	1	2,1
6	0	0	0	0	1	4,1
7	0	0	0	0	1	0,6
8	0	0	0	0	1	1,6
9	0	0	0	0	1	0,6
10	0	0	0	0	1	0,7
11	0	0	0	0	1	0,3
12	0	0	0	0	1	0,5
13	0	0	0	0	1	0,4
14	0	0	0	0	1	0,5
15	0	0	0	0	1	0,6
16	0	0	0	0	1	2,2

Из 53 протокола 11 оказались недостоверными. Это означает, что от общего количества протоколов 21 % оказались недостоверными, т.е. каждый пятый протокол оказался недостоверным.

Таблица 2. Результаты оценки различий решения диагностических задач в группах магистров и бакалавров по критерию Манна-Уитни (общее время решения в минутах).

Table 2. The results of the evaluation of differences in solving diagnostic problems in the groups of masters and bachelors according to the Mann-Whitney criterion (total solution time in minutes).

№	магистры	Ранг 1	бакалавры	Ранг 2
1	382	33	287	21
2	101	2	222	11
3	321	23	333	26
4	348	29	241	17
5	492	39	331	24
6	202	8	227	14
7	248	18	206	9
8	171	5	332	25
9	400	35	336	27
10	415	36	221	10
11	294	22	224	12
12	337	28	390	34
13	379	32	881	42
14	225	13	475	38
15	193	6	587	41
16	229	15	430	37
17	254	19	99	1
18	260	20	352	31
19			349	30
20			516	40
21			166	4
22			195	7
23			236	16
24			114	3
Суммы:		383		520

52

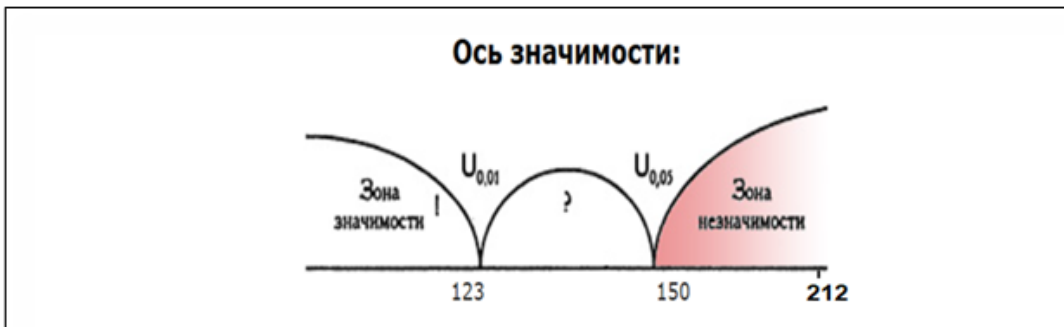
Результат: $U_{\text{эм}} = 212$

Критические значения

$U_{\text{кр}}$	
$p \leq 0.01$	$p \leq 0.05$
123	150

Рисунок 1. Полученные эмпирические значение $U_{эмп}$ (212) находится в зоне незначимости.

Figure 1. The empirical value of $U_{эмп}$ (212) is in the zone of insignificance.

3. Результаты формирования диагностического мышления в группе магистров и бакалавров

Результаты решения диагностических задач и формирования диагностического мышления представлены в таблице 2.

Поскольку статистическое различие U критерия ($U_{эмп}$) больше критического ($U_{кр}$), то принимается нулевая гипотеза об отсутствии статистически значимых различий.

Вывод: для отклонения нулевой гипотезы о равенстве по показателю время решения диагностических задач испытуемыми сравниваемых групп магистров ($n=18$) и бакалавров ($n = 24$) достаточных аргументов не получено. Из этого следует, что два дополнительных года обучения в магистратуре и полученные в процессе освоения образовательной программы магистратуры универсальные, общепрофессиональные и профессиональные компетенции не оказывает влияние на успешность решения диагностических задач (статистически значимых различий по времени решения диагностических задач между магистрами и бакалаврами не обнаружено, $p > 0.05$).

Учитывая, что в образовательной программе магистратуры не было курса психодиагностики, а у бакалавров он был, из отсутствия статистической значимости между двумя группами испытуемых, решавшими одни и те же диагностические задачи, вытекает еще одно важное следствие. Оно состоит в том, что традиционный курс психодиагностики не обеспечивает преимущества в решении причинных диагностических задач и что для успешного решения диагностических задач необходимо особое содержание.

4. Результаты формирования диагностического мышления в подгруппах магистров, имеющих и не имеющих базовое образование

В подгруппу с профильным входили магистры, имеющие педагогическое, психологическое, психолого-педагогическое образование, а в подгруппу с непрофильным образованием - экономисты, дизайнеры и т.п. Результаты решения диагностических задач и формирования диагностического мышления представлены в таблице 3.

Поскольку статистическое различие U критерия ($U_{эмп}$) больше критического ($U_{кр}$), то принимается нулевая гипотеза об отсутствии статистически значимых различий.

Вывод: для отклонения нулевой гипотезы о равенстве по показателю время решения диагностических задач испытуемыми сравниваемых подгрупп магистров, имеющих базовое образование ($n=12$) и магистров, не имеющих его ($n = 6$) достаточных аргументов не получено.

Из (отсутствия различий между двумя подгруппами испытуемых) этого вытекает ряд следствий:

1) базовое образование в подгруппе магистров с базовым образованием,

включающее не только универсальные и общепрофессиональные, но и профессиональные компетенции, не оказывает влияния на успешность решения диагностических задач и на формирование диагностического мышления (статистически значимых различий по времени решения диагностических задач между магистрами и бакалаврами не обнаружено, $p > 0.05$).

2) магистры, имеющие базовое образование и изучавшие курс психодиагностики как составную часть основной профессиональной образовательной программы высшего образования бакалавриата, не получили преимуществ в решении причинных диагностических задач и формировании диагностического мышления будущих педагогов-психологов.

3) среди универсальных и общепрофессиональных компетенций базового образования бакалавриата часть повторяется в образовательной программе магистратуры. Однако и это обстоятельство не дает преимуществ в решении диагностических задач и формировании диагностического мышления.

Таблица 3. Результаты оценки различий решения диагностических задач в подгруппах магистров, имеющих и не имеющих базовое образование, по критерию Манна-Уитни (общее время решения в минутах).
Table 3. Results of evaluation of differences in solving diagnostic problems in subgroups of masters with and without basic education, according to the Mann-Whitney criterion (total solution time in minutes).

№	Магистры, имеющие базовое образование	Ранг 1	Магистры, не имеющие базового образования	Ранг 2
1	382	15	379	14
2	101	1	225	5
3	321	11	193	3
4	348	13	229	6
5	492	18	254	8
6	202	4	260	9
7	248	7		
8	171	2		
9	400	16		
10	415	17		
11	294	10		
12	337	12		
Суммы:		126		45

54

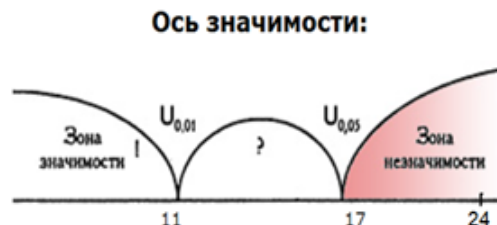
Результат: $U_{эм} = 24$

Критические значения

$U_{кр}$	
$p \leq 0.01$	$p \leq 0.05$
11	17

Рисунок 2. Полученные эмпирические значение $U_{эм}$ (24) находится в зоне незначимости.

Figure 2. The empirical value of U_{emv} (24) is in the zone of insignificance.

4) из отсутствия статистически значимых различий между подгруппами магистров, имеющими и не имеющими базовое образование, вытекает вывод, что для успешного решения психодиагностических задач и формирования диагностического мышления необходимо особое содержание.

ВЫВОДЫ

1. Приобретенные в бакалавриате и магистратуре по направлению 44.02.01 "Психолого-педагогическое образование" компетенции не формируют наиболее сложную форму диагностического мышления педагога-психолога, реализуемую при решении причинных диагностических задач. Эта форма является наиболее репрезентативной. Она интересна и перспективна для изучения психологических закономерностей функционирования и формирования мышления. Она важна также для совершенствования диагностической практики на научной основе.

2. Наличие традиционного курса психодиагностики в образовательной программе бакалавриата по указанному направлению подготовки также не создает условия для формирования диагностического мышления.

3. Названные выше компетенции и курс психодиагностики не дают необходимого результата, потому что формирование диагностического мышления предполагает наличие особого содержания, которое отсутствует в традиционных курсах психодиагностики и фрагментарно представлено в современной научной психодиагностике.

4. Автоматизированная компьютерная система с элементами искусственного интеллекта «PsyCase», моделирующая реальные случаи из консультативной диагностической практики психолога, является инструментом для регистрации объективных показателей решения психодиагностических задач бакалаврами и магистрами и средством изучения психологических закономерностей решения диагностических задач и формирования диагностического мышления.

5. При формировании диагностического мышления проблемным методом путем решения серии задач-кейсов в диалоге с АКС в цифровой среде бакалавры и магистры используют четыре когнитивные стратегии - ориентация на условия задачи, формальный перебор, свернутая схема, недопустимые стратегии.

6. Между двумя группами обучающихся на начальном этапе формирования (с первой по седьмую задачу) статистически значимых различий в используемых стратегиях не обнаружено.

7. Использование когнитивных стратегий при решении причинных диагностических задач служит эмпирическим подтверждением существования диагностического компонента психодиагностики.

8. Наличие недопустимых стратегий является одной из особенностей решения диагностических задач в цифровой среде, поскольку оно может проходить как очно, так и дистанционно. В последнем случае преподаватель не имеет возможности контролировать самостоятельность решения задач и использование интернета обучающимися для поиска ответа.

9. При решении диагностических задач и формировании диагностического мышления особо опасными являются недопустимые стратегии. Они являются таковыми не только по этическим соображениям, но и потому что полученная в автоматизированных протоколах информация оказывается недостоверной, непригодной и даже бесполезной для использования как в практических целях (психологическое сопровождение, психологическая помощь обследуемому), так и для изучения психологических закономерностей формирования диагностического мышления педагога-психолога.

10. Теоретическая значимость проведенного исследования состоит в эм-

пирическом подтверждении центрального положения теории решения диагностических задач, согласно которому предметом психодиагностики является не только мышление психолога-разработчика диагностических методик, но, прежде всего, мыслительная диагностическая деятельность практического психолога (педагога-психолога) и ее стратегии.

11. Практическая значимость результатов проведенного исследования состоит в возможности использования его результатов для формирования диагностического мышления специалистов, выполняющих психодиагностическую (психологов, педагогов-психологов, педагогов), а также для повышения достоверности регистрируемых в автоматическом режиме объективных показателей протоколов при решении диагностических задач с помощью АКС путем создания фильтров для исключения из недостоверных ответов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ануфриев А.Ф. Практическая психодиагностика: монография / А.Ф. Ануфриев. - Москва : Спутник+, 2017. - 199 с. ISBN 978-5-9973-4343-9
2. Ануфриев, А. Ф. Концептуальная модель диагностического мышления педагога-психолога / А. Ф. Ануфриев // Диагностическое мышление педагога-психолога : сб. научных трудов. – М. : ООО «Изд-во «Спутник+», 2021. – С. 5-22. – EDN SSDHZG.
3. Ануфриев, А.Ф. Распознавание как репродуктивная и эвристическая деятельность психолога / А. Ф. Ануфриев // Научное мнение. - 2025. - № 1-2. - С. 34-41.
4. Ануфриев, А.Ф. Разработка и использование веб-приложения автоматизированной системы обучающих кейсов по психодиагностике / А. Ф. Ануфриев, В.И. Чмель // Психология обучения. - 2023. - № 02. - С. 44-53.
5. Автоматизированная компьютерная система «PsyCase» (тренажер для развития диагностического мышления психологов, педагогов-психологов и других специалистов, осуществляющих психодиагностическую деятельность) / А.Ф. Ануфриев, М.В. Феррапонтова, В.И. Чмель. – URL : <https://psy.su/psyche/projects/3125/> (дата обращения : 14.04.2025).
6. Войтко, В.И. О некоторых основных понятиях психодиагностики / В.И. Войтко, Ю.З. Гильбух // Вопросы психологии. - 1976. - № 4. - С. 16 -30.
7. Гильбух, Ю.З. Психодиагностика в школе / Ю.З. Гильбух. - М.: Просвещение, 1989. - № 4. - 79 с.
8. Дворникова, Т.А. Психологические факторы развития учебных стратегий студентов : диссертация кандидата психологических наук по специальности 19.00.07 – педагогическая психология / Татьяна Анатольевна Дворникова. - Санкт-Петербург, 2017. - 214 с.
9. Костромина С.Н. Современная психодиагностика: система основных понятий / С.Н. Костромина; С.-Петербург. гос. ун-т. - Санкт-Петербург : Изд-во СПбГУ, 2006. – 140 с.
10. Костромина, С.Н. Психология диагностической деятельности в образовании: монография / С. Н. Костромина ; Санкт-Петербургский гос. ун-т, фак. психологии. - СПб : Наука, 2007. — 487 с. ISBN 978-5-02-025220-2.
11. Махонин, В.А. Стратегическое мышление и стратегический анализ: подходы к пониманию терминов / В. А. Махонин // Военная мысль. – 2018. – № 5. – С. 48-56.
12. Нарциссова, С.Ю. Когнитивная модель и когнитивные стратегии / С.Ю. Нарциссова // Наука и современность. - 2010. - № 6-1. - URL: elibrary_21066000_26867806.pdf (дата обращения: 09.05.2024).
13. Павлов, Д.Н. Когнитивные стратегии обозначения формы объектов в русском и английском языках: диссертация кандидата филологических наук по специальности 10.02.19 / Дмитрий Николаевич Павлов. – Орел, 2007. – 237 с.
14. Петленко, В.П. Философские основы теории клинической медицины / В.П. Петленко, А.Н. Сененко // Военно-медицинский журнал – 1981. - № 2. – С.13-18.
15. Психологический словарь / Р.С. Немов. – М.: Гуманитар.изд.центр. ВЛАДОС, 2007. – 560 с. ISBN 978-5-691-01515-1.
16. Роговин М.С. Логическая и психологическая структура диагноза / М.С. Рогозин // Психологические проблемы рационализации деятельности. - Ярославль, 1979. – С. 5–27.
17. Старостин, А.М. Стратегия и стратегирование: когнитивный и деятельностный ракурсы анализа / А.М. Старостин // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. - 2022. - № 7 (146). - С.124-129

18. Урванцев, Л.П. Экспериментальные исследования диагностического мышления / Л.П. Урванцев, И.П. Толочко // Психологические проблемы рационализации деятельности. - Ярославль, 1987. - С.35-41.

19. Федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования - бакалавриат по направлению подготовки 44.03.02 психолого-педагогическое образование // ГАРАНТ.RU : информационно-правовой портал. – URL : Приложение. Федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования - бакалавриат по направлению подготовки 44.03.02 Психолого-педагогическое образование. Приказ Министерства образования и науки РФ от 22.02.2018 N 122 "Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта высшего образования - бакалавриат по направлению подготовки 44.03.02 Психолого-педагогическое образование" (с изменениями и дополнениями) | ГАРАНТ (дата обращения : 22.04.2025).

20. Федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования - магистратура по направлению подготовки 44.03.02 психолого-педагогическое образование // ГАРАНТ.RU : информационно-правовой портал. – URL : <https://base.garant.ru/71896296/53f89421bb-daf741eb2d1ecc4ddb4c33/> (дата обращения : 22.04.2025).

Получена: 29.04.2025 г.

Принята к публикации: 04.03.2026 г.

FORMATION OF DIAGNOSTIC THINKING AMONG BACHELORS AND MASTERS IN A DIGITAL ENVIRONMENT

© Alexander F. Anufriev, Manizha R. Rakhmatova

Alexander F. Anufriev – Doctor of Psychology, Professor, Professor of the Department of Labor Psychology and Psychological Counseling, Moscow Pedagogical State University
e-mail: af.anufriev@mpgu.org

Manizha R. Rakhmatova – Student, Moscow Pedagogical State University
e-mail: rakhmatovamanizha@yandex.ru
Address: 119435, Moscow, Malaya Pirogovskaya str., 1, Russian Federation

ABSTRACT

Relevance. The article analyzes the mandatory requirements of the Federal State Educational Standard for the implementation of bachelor's and master's degree programs for a teacher-psychologist, and the universal and general professional competencies formed by him. It is noted that these educational programs determine the level of development of systemic and critical thinking and, at the same time, may not have a significant impact on the formation of diagnostic thinking and, in particular, on its most complex form, implemented by a teacher-psychologist in solving causal diagnostic tasks.

Purpose. Identification of the features of the formation of diagnostic thinking among masters and bachelors in the digital environment.

Materials and methods. Theoretical analysis of scientific literature, ACS (automated computer system) PsyCase, a problematic method of forming diagnostic thinking by solving a series of diagnostic tasks in dialogue with ACS in a digital environment, Mann-Whitney statistical criterion for processing empirical research data.

Results. When forming diagnostic thinking by the problem method, it was found that bachelors and masters use such cognitive strategies as orientation to the conditions of the task, formal search, a collapsed scheme, and unacceptable strategies. The latter make the information received in automated protocols unreliable and useless. When forming diagnostic thinking in these two groups of students, there were no statistically significant differences, despite the fact that the bachelor's degree program has a psychodiagnostics course, while the masters do not. It has also been established that there are no statistically significant differences between masters with and without basic education.

Conclusions. In this regard, it is concluded that. Most likely, diagnostic thinking has a special content that is currently not adequately represented in the education system.

KEYWORDS: systems thinking; critical thinking; diagnostic thinking; automated computer system; educational psychologist; unacceptable cognitive strategies; federal state educational standard.

Conflict of interests. The authors declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

REFERENCES

1. Anufriev A.F. Practical psychodiagnostics [Text] : monograph / Moscow : Sputnik+, 2017. - 199 p. ISBN 978-5-9973-4343-9
2. Anufriev, A. F. Conceptual model of diagnostic thinking of a teacher-psychologist / A. F. Anufriev // Diagnostic thinking of a teacher-psychologist : Collection of scientific papers. – Moscow : Sputnik+ Publishing House, LLC, 2021. – pp. 5-22. – EDN SSDHZG.
3. Anufriev A.F. Recognition as a reproductive and heuristic activity of a psychologist printed // Scientific opinion. 2025. No. 1-2. pp. 34-41.
4. Anufriev A.F., Chmel V.I. Development and use of a web application of an automated system of training cases on psychodiagnostics // Psychology of learning. No. 02. 2023. pp. 44-53
5. Automated computer system "PsyCase" (a simulator for the development of diagnostic thinking of psychologists, educational psychologists and other specialists engaged in psychodiagnostics activities). Authors: Anufriev Alexander Fedorovich, Ferapontova Maria Vyacheslavovna, Chmel Viktor Ivanovich <https://psy.su/psyche/projects/3125/>
6. Voitko, V.I., Gilbukh, Yu.Z. About some basic concepts of psychodiagnostics // Questions of psychology. 1976. No. 4. pp. 16 -30.
7. Gilbukh Yu.Z. Psychodiagnostics at school, Moscow, 1989, No. 4, 79 p.

8. Dvornikova T.A. Psychological factors in the development of students' educational strategies : dissertation ... Candidate of Psychological Sciences : 19.00.07 / Dvornikova Tatiana Anatolyevna; [Place of defense: St. Petersburg State University]. - Saint Petersburg, 2017. - 214 p
9. Kostromina S.N. Investigation of the process of solving diagnostic problems by a practical psychologist : dissertation of the candidate. Psychological Sciences: 19.00.01. - Moscow, 1997. - 251 p.
10. Kostromina S.N. Structural and functional organization of psychodiagnostic activity of educational specialists : dissertation ... Doctor of Psychological Sciences : 19.00.07 / [Place of defense: St. Petersburg State University]. - St. Petersburg, 2008. - 508 p.
11. Makhonin V.A. Strategic thinking and strategic analysis: approaches to understanding terms / V. A. Makhonin // Military thought. - 2018. – No. 5. – pp. 48-56
12. Narcissova S. Y. Cognitive model and cognitive strategies // Science and modernity. 2010. No.6-1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kognitivnaya-model-i-kognitivnye-strategii> (date of access: 05/09/2024).
13. Pavlov D.N. Cognitive strategies for designating the shape of objects in Russian and English. Dissertation of the Candidate of Philological Sciences. – Orel, 2007. - 237s.
14. Petlenko V.P., Senenko A.N. Philosophical foundations of the theory of clinical medicine // Military Medical Journal – 1981 - №2. – pp.13-18.
15. Psychological dictionary /R.S. Nemov. – M.: Humanitarian publishing center. VLADOS, 2007. 560 pp.419 ISBN 978-5-691-01515-1.
16. Rogovin M.S. The logical and psychological structure of diagnosis // psychological problems of rationalization of activity. Yaroslavl, 1979. pp.5-27.
17. Starostin A.M. Strategy and strategizing: cognitive and activity perspectives of analysis // Science and education: economy and economics; entrepreneurship; law and management. 2022. No. 7 (146). pp.124-129
18. Urvantsev L.P., Tolochko I.P. Experimental studies of diagnostic thinking // Psychological problems of rationalization of activity. Yaroslavl, 1987. pp.35-41.
19. Federal State educational standard of higher education - bachelor's degree in the field of training 44.03.02 psychological and pedagogical education. Moscow, 2018
20. Federal State educational standard of higher education - master's degree in the field of training 44.03.02 psychological and pedagogical education. Moscow, 2018

Received: 29.04.2025

Accepted: 04.03.2026

DOI: 10.21626/j-chr/2026-1(46)/5
УДК: 159.9.072

Педагогическая психология

ВЗАИМОСВЯЗЬ КОНФЛИКТНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ И КРЕАТИВНОСТИ У РУКОВОДИТЕЛЕЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ С РАЗНЫМ СТАЖЕМ УПРАВЛЕНЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

© М. М. Кашапов, К.С. Зайцев

Кашапов М.М. – доктор психологических наук, Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова
e-mail: smk007@bk.ru

Зайцев К.С. – аспирант, Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова
e-mail: kochtzytsev@gmail.com

Адрес: 150003, г. Ярославль, ул. Советская, 14, Российская Федерация

60

АННОТАЦИЯ

Актуальность. Обобщены результаты эмпирического исследования взаимосвязи конфликтной компетентности и креативного компонента в профессиональной деятельности руководителей образовательных учреждений с малым и большим стажем работы.

Целью работы является выявление взаимосвязи конфликтной компетентности и креативности у руководителей образовательных учреждений с разным стажем управленческой деятельности.

Материалы и методы. Применялись следующие психодиагностические методики: опросник «Конфликтная компетентность» (М.В. Башкин, В.А. Горшкова, А.М. Воскресенский); «Опросник способностей творческой личности» (О.А. Шляпникова, М.М. Кашапов); тест «Креативность» (Н.Ф. Вишнякова); методика диагностики ресурсности профессионального мышления (для профессий социномического типа) (И.В. Серафимович, Е.А. Медведева, Н.В. Сурина). В исследовании использовались методики, направленные на оценку уровня конфликтной компетентности (стратегии поведения в конфликте, эмоциональная саморегуляция, коммуникативные навыки) и креативности (гибкость мышления, оригинальность решений, способность к инновациям). Исследование проводилось в течение 2023 – 2025 гг. на базе образовательных учреждений Российской Федерации – частных и государственных. В качестве испытуемых выступили 140 руководителей образовательных организаций в возрасте от 30 до 62 лет (Мвозраст = 44,5 лет).

Результаты исследования. Особое внимание уделено оценке влияния конфликтной компетентности и креативности на эффективность разрешения конфликтов посредством реализации когнитивных, регулятивных, творческих, мотивационных процессов. Структурированы ключевые теоретические конструкты, формирующие концептуальный аппарат исследования, а также обоснованы используемые диагностические критерии и эмпирические индикаторы изучаемого феномена. Установлена статистически значимая корреляция между изучаемыми параметрами, что свидетельствует о важности развития обоих компонентов для повышения эффективности разрешения конфликтов в контексте управления образовательным учреждением.

Выводы. Полученные данные могут быть использованы в программах профессиональной подготовки и повышения квалификации руководителей образовательных организаций для оптимизации управленческих процессов и создания благоприятного психологического климата в педагогических коллективах.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: конфликт; конфликтная компетентность; креативность; креативный компонент; компоненты конфликтной компетентности.

Конфликт интересов. Авторы декларируют отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Актуальность исследования обусловлена динамичными изменениями в системе образования, которые предъявляют повышенные требования к управленческим кадрам. В современных условиях эффективность руководства во многом определяется способностью конструктивно разрешать конфликты и применять нестандартные подходы в управленческих решениях. Исследование взаимосвязи конфликтной компетентности и креативности в управленческой деятельности следует рассматривать не как самоцель, а в качестве основы решения проблемы повышения эффективности коммуникации, в которой важную роль играет конструктивная конфликтность. Она характеризуется направленностью личности на позитивное разрешение конфликта. Изменение представлений о конфликтах выразилось, утверждает Н.В. Гришина, в появлении понятия «конструктивный конфликт», которое является развитием теоретических идей относительно созидательного потенциала конфликта и его позитивных функций и имеет статус теоретического конструкта. Актуальным является развитие этих представлений в понятии «конструктивная конфликтность», означающем особую диалогическую форму взаимодействия участников конфликта, которая обеспечивается наличием у них конфликтной компетентности как навыков эффективного поведения и установок на конструктивное взаимодействие [4, с. 26].

Рассмотрение взаимосвязи конфликтной компетентности и креативности можно условно разделить на следующие части: во-первых, понимание психологической природы конфликта [2; 5; 7; 10; 11; 16; 19]; во-вторых, исследование психологической структуры конфликтной компетентности [8; 12]; в-третьих, психотехнологии в процессе обучения оптимальным способам разрешения ситуаций с дисфункциональным содержанием [3; 9; 20]; в-четвертых, выявление ресурсных характеристик конструктивной конфликтности и творческого мышления, способствующих видению новых возможностей в процессе разрешения конфликта [8; 15; 17]; в-пятых, управления конфликтом [1; 6; 13; 14; 18].

Эмпирическое исследование креативной составляющей конфликтной компетентности субъектов управленческой деятельности в системе образования предполагает строгую концептуализацию базовых понятий и методологическую обоснованность исследовательского подхода. Это объясняется тем, что креативность в контексте конфликтного взаимодействия представляет собой сложный, многоаспектный феномен, его операционализация предполагает интеграцию подходов из психологии управления, конфликтологии и психологии творчества. В связи с этим в качестве базовых рассматриваются следующие категории: конфликтная компетентность, креативность в управлении, нестандартное решение конфликтов, а также структурные и функциональные взаимосвязи базовых компонентов конфликтной компетентности. Конкретизация данных индикаторов позволит в перспективе перейти к разработке методического инструментария, необходимого для исследования конструктивной конфликтности, психологическую основу которой составляет взаимосвязь конфликтной компетентности и креативности.

Цель - исследовать взаимосвязь конфликтной компетентности и креативности у руководителей образовательных учреждений с разным стажем управленческой деятельности.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

Исследование основано на теоретическом анализе научной литературы,

посвящённой проблематике конфликтной компетентности и творческого профессионального мышления. Применены следующие методы:

1. Анализ и обобщение источников по тематике конфликтологии, конфликтной компетентности, психологии профессионального мышления и творческого мышления;
2. Сравнительно-сопоставительный анализ концепций конфликтной компетентности;
3. Качественный анализ примеров проявления творческого профессионального мышления и креативности в управленческой практике.

Задачи.

1. Проанализировать специфику проявления конфликтной компетентности и креативности у руководителей образовательных учреждений.
2. Установить влияние управленческого стажа на развитие конфликтной компетентности и креативности.
3. Выявить уровень конфликтной компетентности у руководителей образовательных учреждений с разным стажем управленческой деятельности.
4. Установить статистически значимые различия в проявлении конфликтной компетентности и креативности в зависимости от стажа.

ОПИСАНИЕ ХОДА ИССЛЕДОВАНИЯ

Исследование осуществлялось в период с 2023 по 2025 год в соответствии с утвержденным научным протоколом, включавшим последовательную реализацию следующих этапов:

1. Разработку методологического дизайна исследования
2. Сбор эмпирических данных
3. Статистическую обработку полученных результатов
4. Содержательную интерпретацию выявленных закономерностей

Эмпирическая база исследования представлена образовательными организациями Российской Федерации различных форм собственности (государственные и частные учреждения). Выборку составили 140 руководителей образовательных учреждений, отобранных методом целевой выборки. Возрастной диапазон респондентов - от 30 до 62 лет, что обеспечивает репрезентативность данных относительно генеральной совокупности руководителей в системе образования.

Использовалась однофакторная схема планирования, так, межгрупповым фактором выступила принадлежность испытуемых к группам:

- в группу I вошли испытуемые, которые имеют низкий стаж (от 1 до 5 лет);
- в группу II – испытуемые, которые имеют высокий стаж (от 6 до 14 лет);
- в группу III – испытуемые, которые работают в государственных образовательных организациях;
- в группу IV – испытуемые, которые работают в частных образовательных организациях.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Результаты предшествующих этапов исследования продемонстрировали наличие статистически значимых корреляционных взаимосвязей между показателями креативного потенциала и структурными компонентами конфликтной компетентности ($p < 0,05$). Проверка соответствия эмпирического распределения нормальному закону с использованием критерия Колмогорова-Смирнова подтвердила допустимость применения параметрических методов статистического анализа ($p > 0,05$).

В рамках текущего аналитического этапа осуществляется верификация част-

ной исследовательской гипотезы о существовании значимых межгрупповых различий по уровню развития креативности как интегрального компонента конфликтной компетентности между подгруппами респондентов, дифференцированных по критерию продолжительности управленческого стажа.

Для верификации данной гипотезы был применен параметрический метод однофакторного дисперсионного анализа (ANOVA), выбор которого обусловлен: подтвержденной нормальностью распределения данных; наличием двух независимых групп сравнения; необходимостью оценки взаимосвязи стажного фактора на исследуемые показатели.

Как свидетельствуют данные, представленные в таблице 1, между исследуемыми стажными группами обнаружены статистически значимые различия ($p < 0,05$) по изучаемым психологическим параметрам. Полученные результаты F-критерия Фишера подтверждают наличие существенных различий в выраженности анализируемых показателей между стажными группами, что позволяет сделать вывод о дифференцированности психологического профиля

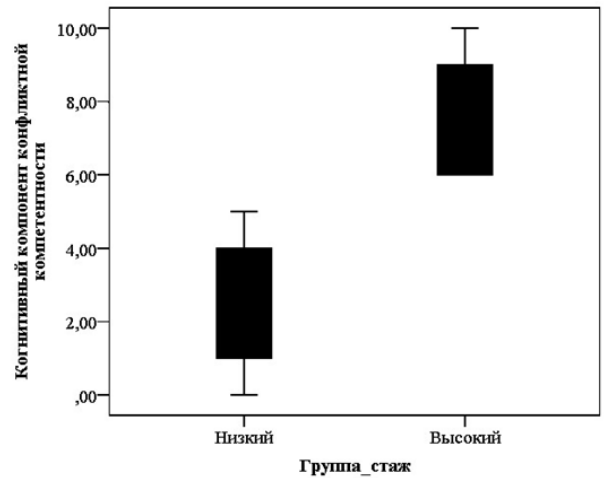
Таблица 1. Результаты дисперсионного анализа в исследуемых группах руководителей.

Table 1. The results of the variance analysis in the studied groups of managers

№ п/п	Психологические особенности конфликтной компетентности руководителей образовательных организаций	F-критерий, уровень значимости
1.	Когнитивный компонент конфликтной компетентности	F=376,23; p<0,00
2.	Мотивационный компонент конфликтной компетентности	F=7,83; p<0,01
3.	Регулятивный компонент конфликтной компетентности	F=1011,35; p<0,00
4.	Эмоциональный элемент регулятивного компонента конфликтной компетентности	F=576,42; p<0,00
5.	Волевой элемент регулятивного компонента конфликтной компетентности	F=797,97; p<0,00
6.	Рефлексивный элемент регулятивного компонента конфликтной компетентности	F=132,64; p<0,00
7.	Способности творческой личности	F=570,70; p<0,00
8.	Творческое мышление	F=259,34; p<0,00
9.	Любознательность	F= 87,65; p<0,00
10.	Оригинальность	F=97,13; p<0,00
11.	Воображение	F=94,92; p<0,00
12.	Интуиция	F=187,84; p<0,00
13.	Эмоциональность, эмпатия	F=277,40; p<0,00
14.	Юмор	F=195,66; p<0,00
15.	Творческое отношение к профессии	F=57,34; p<0,00
18.	Эмоционально-креативный компонент ресурсности мышления	F=702,05; p<0,00
21.	Мотивационно-целевой компонент ресурсности мышления	F=902,83; p<0,00
24.	Личностно-ценностный компонент ресурсности мышления	F=863,04; p<0,00
27.	Коммуникативный подкомпонент коммуникативного и конструктивно-конфликтного компонента ресурсности мышления	F=812,24; p<0,00
28.	Когнитивно-рефлексивный компонент ресурсности мышления	F=432,61; p<0,00
30.	Рефлексивный подкомпонент когнитивно-рефлексивный компонент ресурсности мышления	F= 889,24; p<0,00
31.	Общий показатель ресурсности профессионального мышления	F=465,84; p<0,00

Рисунок 1. Достоверность различий по параметру когнитивный компонент конфликтной компетентности в исследуемых стажных группах.

Figure 1. The reliability of differences in the parameter cognitive component of conflict competence in the study age groups.

руководителей в зависимости от стажа.

Проведенный дисперсионный анализ выявил неоднородность выборки по всем исследуемым параметрам. Наиболее выраженные межгрупповые различия выявлены по всем структурным компонентам конфликтной компетентности: когнитивному, регулятивному, волевому, эмоциональному и мотивационному ($p < 0,01$).

1. Обнаружены различия по параметру когнитивный компонент конфликтной компетентности ($F=376,23$, $p < 0,01$). У руководителей образовательных организаций с малым стажем показатели когнитивного компонента конфликтной компетентности существенно ниже, чем у их коллег с большим стажем (рис.1).

Результаты исследования когнитивного компонента конфликтной компетентности как способности анализировать конфликтные ситуации, прогнозировать их развитие и выбирать оптимальные стратегии взаимодействия свидетельствуют о том, что данный компонент формируется и совершенствуется в процессе профессиональной деятельности, поскольку требует не только теоретических знаний, но и практического опыта разрешения конфликтов.

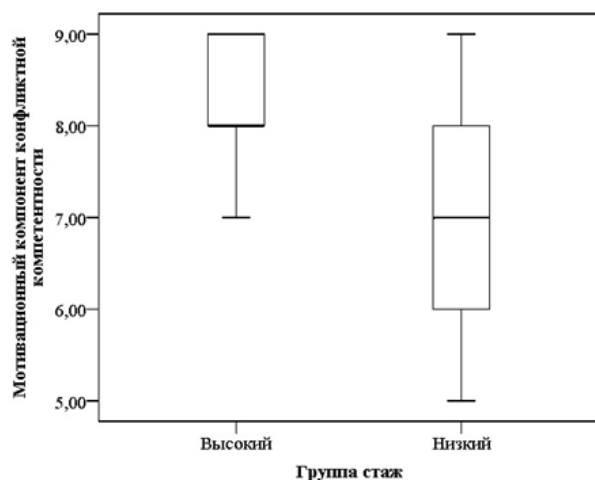
Также стоит отметить, что полученные данные согласуются с положениями Н.В. Гришиной, согласно которым изменение целей участников конфликта в направлении усиления их сотрудничества считается решающим фактором эффективного разрешения конфликтов [4].

2. Показатели мотивационного компонента конфликтной компетентности также выше у руководителей с высоким стажем работы по сравнению с руководителями с низким стажем ($F=7,83$; $p < 0,01$) (рис. 2).

Данный результат свидетельствует о том, что с увеличением стажа формируется устойчивая мотивационная направленность на продуктивное преодоление конфликтов как важной составляющей профессиональной деятельности. Мотивационный компонент включает не только осознание необходимости разрешения конфликтов, но и внутреннюю готовность к этому процессу. У опытных руководителей эта готовность становится устойчивой профессиональной установкой. Следовательно, рассмотрение конфликта как осознанного препятствия в достижении целей совместной деятельности раскрывает новые возможности для позитивного сотрудничества. Именно профессиональный опыт способствует формированию более зрелой мотивационной структуры, где конструктивное разрешение конфликтов воспринимается как естественная часть управленческой деятельности и условие организационного развития.

Рисунок 2. Достоверность различий по параметру мотивационный компонент конфликтной компетентности в исследуемых стажных группах.

Figure 1. The reliability of differences in the parameter of the motivational component of conflict competence in the probation groups studied.

Показатели регулятивного ($F=1011,35$; $p<0,00$), волевого ($F=797,97$; $p<0,00$), эмоционального ($F=576,42$; $p<0,00$) и рефлексивного ($F=132,64$; $p<0,00$) компонентов конфликтной компетентности также выше у руководителей с высоким стажем работы по сравнению с руководителями с низким стажем. Регулятивный компонент конфликтной компетентности положительно связан с творческими способностями личности ($r = ,839$; $p \leq 0,01$), творческим мышлением ($r = ,798$; $p \leq 0,01$), оригинальностью ($r = ,603$; $p \leq 0,01$), воображением ($r = ,623$; $p \leq 0,01$), интуицией ($r = ,769$; $p \leq 0,01$). Выявленные корреляции свидетельствуют о том, что эффективная саморегуляция в конфликтных ситуациях опосредована развитостью креативных характеристик мышления. В культурно-исторической перспективе это можно объяснить тем, что высшие формы регуляции поведения, как отмечал Л. С. Выготский, формируются через интериоризацию социальных взаимодействий и опосредуются знаковыми системами, что создает основу для гибкого и нестандартного реагирования в сложных профессиональных ситуациях.

Особого внимания заслуживают выраженные связи регулятивного компонента конфликтной компетентности с компонентами ресурсности мышления: эмоциональным компонентом ресурсности мышления ($r = ,874$; $p=0,01$), мотивационно-целевым компонентом ($r = ,884$; $p \leq 0,01$), личностно-ценностным ($r = ,867$; $p \leq 0,01$), коммуникативным и конструктивно-конфликтным компонентом ресурсности мышления ($r = ,878$; $p \leq 0,01$), когнитивно-рефлексивным компонентом ($r = ,863$; $p \leq 0,01$), общим показателем ресурсности ($r = ,931$; $p \leq 0,01$). Обнаруженные взаимосвязи можно объяснить системной организацией профессионального мышления руководителя, где регулятивные процессы тесно интегрированы с мотивационными, ценностными и когнитивными составляющими. Высокий общий показатель корреляции с ресурсностью мышления указывает на то, что способность к саморегуляции в конфликтах является производной от общего уровня развития профессионального мышления.

Следовательно, способность к саморегуляции в конфликте зависит от уровня творческих способностей, компонентов креативности и ресурсности мышления, чем выше саморегуляция, тем выше развиты компоненты креативности и ресурсности мышления. При этом обнаружены и парадоксальные отрицательные связи регулятивного компонента конфликтной компетентности с любознательностью ($r = - ,583$; $p \leq 0,01$), эмпатией ($r = -,731$; $p \leq 0,01$), юмором ($r = -,706$; $p \leq 0,01$), творческим отношением к профессии ($r = -,551$; $p \leq 0,01$). Получается,

что, чем выше развиты данные личностные качества, тем ниже способность к саморегуляции в конфликте. Можно предположить проявление в этом случае компенсаторного механизма: высокий уровень развития указанных качеств компенсирует необходимость проявления волевых усилий субъекта.

Учитывая системную организацию профессионального мышления руководителей, можно отметить, что ключевые компетенции управленцев формируются преимущественно под влиянием универсальных требований профессиональной среды, а не специфики организационно-правовой формы учреждения.

Ядро профессиональных управленческих качеств складывается из инвариантных компонентов, необходимых для эффективного руководства независимо от типа организации. Полученные нами данные подтверждают этот тезис, демонстрируя, что:

- креативный компонент конфликтной компетентности развивается как универсальная профессиональная характеристика, в равной степени необходимая руководителям разных типов образовательных учреждений;
- тип учреждения не является дифференцирующим фактором для уровня развития ключевых управленческих компетенций;
- профессиональная подготовка руководителей в системе образования обеспечивает формирование сходного набора компетенций, что подтверждается отсутствием значимых различий между исследуемыми группами.

Особый интерес представляет тот факт, что даже в условиях формальных различий в системах управления государственными и частными учреждениями, психологические механизмы профессиональной деятельности руководителей сохраняют существенное сходство. В данной тенденции проявляется доминирование содержательных аспектов деятельности над формально-организационными в формировании профессионального мышления.

Полученные результаты имеют важное практическое значение для системы подготовки управленческих кадров в образовании. Перспективность заключается в возможности разработки унифицированных программ развития конфликтной компетентности, применимых для руководителей различных типов образовательных организаций.

ВЫВОДЫ

Проведенный сравнительный анализ выявил статистически значимые различия ($p < 0,05$) между группами руководителей с различным профессиональным стажем. Полученные данные позволяют констатировать, что субъекты управленческой деятельности с большим опытом работы демонстрируют:

1. Более системное понимание генезиса и динамики конфликтных процессов;
2. Сформированный репертуар эффективных стратегий управления конфликтами;
3. Развитые когнитивные схемы интерпретации конфликтных ситуаций;
4. Высокий уровень мотивационной готовности к конструктивному разрешению противоречий.

Установлено, что существуют многочисленные взаимосвязи между конфликтной компетентностью руководителей различного стажа работы, а также руководителей частных и государственных организаций с компонентами креативности и ресурсности мышления.

Исследование показало, что опытные руководители (со стажем более 6 лет) более успешно совладают с конфликтами, чем их менее опытные коллеги. Это проявляется в следующих характеристиках:

1. Понимание конфликтов.

- лучше разбираются в причинах конфликтов;
- быстрее находят эффективные решения.
- 2. Эмоциональный контроль.
- лучше управляют своими эмоциями в сложных ситуациях;
- сохраняют спокойствие под давлением.
- 3. Настойчивость.
- дольше и упорнее работают над решением проблем;
- не отступают перед трудностями.

Эти различия объясняются профессиональным опытом - чем дольше человек работает руководителем, тем лучше он осваивает навыки управления конфликтами. Полученные данные подтверждают, что способность эффективно разрешать конфликты развивается с опытом, если он адекватно отрефлексирован.

Выводы:

1. Проведенный теоретический анализ показал, что конфликтная компетентность руководителей образовательных учреждений представляет собой сложное, многокомпонентное образование, включающее когнитивные, эмоциональные, поведенческие и креативные компоненты. Ее развитие способствует повышению эффективности управленческой деятельности, созданию благоприятного психологического климата в коллективе и минимизации деструктивных последствий конфликтов в образовательной среде.

2. Установлено, что существуют многочисленные взаимосвязи между конфликтной компетентностью руководителей различного стажа работы, а также руководителей частных и государственных организаций с компонентами креативности и ресурсности мышления. Структура этих связей демонстрирует определенное сходство во всех исследуемых группах.

3. Выявлено, что между руководителями с разным стажем работы наблюдаются существенные различия. Это объясняется тем, что опытные руководители демонстрируют более глубокие знания о природе конфликта и методах его управления, обладают сформированными когнитивными установками и более высокой мотивацией на разрешение конфликтных ситуаций. Им присущи развитые навыки саморегуляции, выраженные волевые качества.

4. Несмотря на выявленные различия в личностных детерминантах и структурной организации качеств у руководителей частных и государственных образовательных учреждений, креативный компонент конфликтной компетентности является универсальным для всех групп. Его наличие не зависит от типа управляемого учреждения. Уровень выраженности данного компонента определяется не типологическими различиями в структуре личности, а индивидуальными вариациями в степени выраженности отдельных факторов и общей организованности личностной структуры.

ЛИТЕРАТУРА

1. Андреев, В.И. Основы педагогической конфликтологии / В.И. Андреев. - М.: Просвещение, 2003. - 579 с.
2. Анцупов, А.Я. Конфликтология / А.Я. Анцупов, А.И. Шипилов. 8-е изд., испр. и доп. - М.: Питер, 2023. - 561 с.
3. Белинская, А. Б. Педагогическая конфликтология: учебное пособие для вузов / А.Б. Белинская. 2-е изд. - М.: Юрайт, 2024. - 206 с.
4. Гришина, Н.В. Изменения в научном дискурсе конфликта: к понятию конструктивной конфликтности / Н.В. Гришина // Психология конструктивной конфликтности личности: монография; под ред. проф. А.В. Карпова, проф. М.М. Кашапова. - Ярославль: ИПК «Индиго», 2013. - С. 11-26.
5. Емельянов, С.М. Конфликтология : учебник и практикум для вузов / С.М. Емельянов. - 6-е изд., перераб. и доп. - М. : Изд-во Юрайт, 2024. - 317 с.
6. Казначеев, А.В. Специфика управления конфликтами в образовательном учреждении /

А.В. Казначеев // Технопарк универсальных педагогических компетенций: сб. материалов II Всерос. науч.-прак. конф. (Чебоксары, 12 ноября 2024 г.). – Чебоксары : ООО «Издательский дом «Среда», 2024. – С. 22-24.

7. Кашапов, М.М. Психология конфликта: учебник и практикум / М.М. Кашапов, Ю.С. Филатова // Сер. 76 Высшее образование. – 3-е изд., пер. и доп.. – М.: Юрайт, 2024. – 216 с.

8. Кашапов, М.М. Ресурсные характеристики конструктивной конфликтности и мышления в деятельности сотрудников коммерческих и образовательных организаций/ М.М. Кашапов // Современное состояние и перспективы развития психологии труда и организационной психологии: сб материалов IV Междунар. науч.-прак. конф. (Москва, 17-18 октября 2024 г.). – М.: Институт психологии РАН, 2024. – С. 297-314. – URL : elibrary.ru/download/elibrary_80495053_28372933.pdf (дата обращения : 22.09.2025)

9. Кашапов, М.М. Особенности формирования конфликтной компетентности / М.М. Кашапов, Ю.С. Филатова // Актуальные проблемы совершенствования высшего образования: тезисы докладов XVI Всерос. науч.-методической конф. (Ярославль, 28-29 марта 2024 г.). – Ярославль: ООО «Филигрань», 2024. – С. 222-225. – URL : elibrary.ru/download/elibrary_65114012_98401162.pdf (дата обращения : 22.09.2025)

10. Кох, И.А. Конфликтология. Теория и практика управления конфликтами: учебное пособие для вузов / И.А. Кох. – 2-е изд., перераб. и доп. – СПб: Лань, 2024. – 196 с.

11. Леонов, Н. И. Конфликтология: общая и прикладная / Н.И. Леонов. – М.: Юрайт, 2024. – 396 с.

12. Нижегородцева, Н.В. Теоретическая модель психологической структуры конфликтной компетентности / Н.В. Нижегородцева, А.В. Прудникова // Ярославский педагогический вестник. – 2022. – № 5 (128). – С. 152-160. – URL : [Ярославский_педагогический_вестник_№5_2022.pdf](http://yoslavskiy_pedagogicheskiy_vestnik_n5_2022.pdf) (дата обращения : 22.09.2025)

13. Пазухина, С.В. Управление педагогическим коллективом в современной общеобразовательной школе в рамках реализации ФГОС: учебное пособие / С.В. Пазухина. – М.-Берлин: Директ-Медиа, 2016. – 175 с.

14. Романова, И.А. Управление конфликтами и стрессами в организации: монография / И.А. Романова, Н.И. Лаас, Е.В. Гурова. – М.: Русайнс, 2022. – 252 с.

15. Слободчикова, Ю.В. Психологические стратегии решения конфликтов в управлении организацией / Ю.В. Слободчикова, И.В. Семчук // Проблемы современного образования. – М.: МПГУ. – 2021. – № 6. – 278 с. — URL: <https://rucont.ru/efd/727169> (дата обращения: 08.08.2025)

16. Столяренко, Л.Д. Конфликтология: учебник / Л.Д. Столяренко, С.И. Самыгин, М.А. Васьков. – Ростов-на-Дону: Феникс, 2025. – 298 с.

17. Хасан, Б. И. Конструктивная психология конфликта: учебное пособие для вузов / Б.И. Хасан. – 2-е изд., стер. – М.: Изд-во Юрайт, 2024. – 204 с.

18. Черкасская, Г.В. Управление конфликтами: учебник и практикум для вузов / Г.В. Черкасская, М.Л. Бадхен. – 4-е изд., перераб. и доп. – М.: Юрайт, 2024. – 249 с.

19. Чернова, Г.Р. Конфликтология: учебное пособие для вузов / Г.Р. Чернова, М. В. Сергеева, А. А. Беляева. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Юрайт, 2024. – 200 с.

20. Щербакова, О.И. Психотехнологии в процессе обучения конфликтологии / О.И. Щербакова // Конфликтология XXI века. Пути и средства укрепления мира: материалы Третьего Санкт-Петербургского Междунар. Конгресса конфликтологов (Санкт-Петербург, 15-16 ноября 2019 г.). – СПб: Изд-во: Фонд развития конфликтологии, 2019. – С. 406-408. – URL : [Конфликтология XXI века. Пути и средства укрепления мира](http://conflictology XXI века. Пути и средства укрепления мира) (дата обращения : 22.09.2025)

Получена: 12.01.2026 г.

Принята к публикации: 14.03.2026 г.

THE INFLUENCE OF PROFESSIONAL EXPERIENCE ON CREATIVITY IN THE CONFLICT COMPETENCE OF EDUCATIONAL INSTITUTION MANAGERS

© Mergalas M. Kashapov, Konstantin S. Zaytsev

Mergalas M. Kashapov – Doctor of Psychology, Demidov Yaroslavl State University

Konstantin S. Zaitsev – PhD student, Demidov Yaroslavl State University

Address: 150003, Yaroslavl, Sovetskaya str., 14, Russian Federation

ABSTRACT

Relevance. The article presents an analysis of an empirical study aimed at exploring the relationship between conflict competence and the creative component in the professional activities of educational institution leaders with both limited and extensive work experience. The relevance of the study is driven by dynamic changes in the education system, which impose higher demands on managerial personnel. In modern conditions, leadership effectiveness is largely determined by the ability to constructively resolve conflicts and apply unconventional approaches in managerial decision-making.

Purpose of the study is to identify the nature and degree of the relationship between conflict competence and creativity among novice leaders and those with extensive managerial experience. Special attention is given to assessing their impact on the effectiveness of managerial activities through cognitive, regulatory, creative, and motivational processes. The study employed psychodiagnostic methods aimed at evaluating the level of conflict competence (conflict behavior strategies, emotional self-regulation, communication skills) and creativity (cognitive flexibility, originality of solutions, capacity for innovation).

Results. The results revealed a statistically significant correlation between the studied parameters, highlighting the importance of developing both components to enhance management effectiveness in educational institutions. The practical significance of the study lies in the development of recommendations for integrating conflict competence and creative thinking training into professional development and advanced training programs for educational leaders. The obtained data can be used to optimize managerial processes and foster a positive psychological climate within teaching staff.

KEYWORDS: conflict; conflict competence; creativity; creative component; components of conflict competence.

Conflict of interests. The authors declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

REFERENCES

1. Andreev V.I. Fundamentals of Pedagogical Conflictology. M.: Enlightenment, 2003. 579 p.
2. Antsupov A.Ya., Shipilov A.I. Conflictology. 8th ed., corrected and additional. Moscow: Peter, 2023. 561 p.
3. Belinskaya, A. B. Pedagogical Conflictology: textbook manual for universities. 2nd ed. M.: Yurayt, 2024. 206 p.
4. Grishina N.V. Changes in the scientific discourse of conflict: to the concept of constructive conflictness // Psychology of constructive personality conflictness. Monograph / Ed. by prof. A.V. Karpov, prof. M.M. Kashapov. Yaroslavl: IPK "Indigo", 2013. P. 11-26.
5. Emelyanov S.M. Conflictology: textbook and workshop for universities. 6th ed., revised and additional. Moscow: Yurayt Publishing House, 2024. 317 p.
6. Kaznacheev A.V. Specifics of conflict management in an educational institution. In the collection: Technopark of Universal Pedagogical Competencies. Materials of the II All-Russian Scientific and Practical Conference. Cheboksary, 2024. P. 22-24.
7. Kashapov M.M., Filatova Yu.S. Psychology of Conflict. Textbook and workshop / Ser. 76 Higher Education. (3rd ed., revised and additional) Moscow, 2024.
8. Kashapov M.M. Resource characteristics of constructive conflictness and thinking in the activities of employees of commercial and educational organizations. In the collection: Current state and prospects for the development of labor psychology and organizational psychology. Materials of the IV International Scientific and Practical Conference. Moscow, 2024. P. 297-314.
9. Kashapov M.M., Filatova Yu.S. Features of the formation of conflict competence. In the book: Actual problems of improving higher education. Abstracts of the XVI All-Russian Scientific and Methodological Conference. Yaroslavl, 2024. P. 222-225.

10. Kokh I.A. Conflictology. Theory and practice of conflict management: textbook manual for universities. 2nd ed., revised and additional. St. Petersburg: Lan, 2024. 196 p.
11. Leonov N. I. Conflictology: general and applied. M.: Yurayt. 2024. 396 p.
12. Nizhegorodtseva N.V., Prudnikova A.V. Theoretical model of the psychological structure of conflict competence // Yaroslavl Pedagogical Bulletin. 2022 No. 5 (128). P. 152-160. <http://dx.doi.org/10.20323/1813-145X-2022-5-128-152-160>
13. Pazukhina S.V. Management of the teaching staff in a modern comprehensive school within the framework of the implementation of the Federal State Educational Standard: textbook manual. M.-Berlin: Direct-Media, 2016. 175 p.
14. Romanova I.A., Laas N.I., Gurova E.V. Management of conflicts and stresses in the organization: monograph. M.: Rusains, 2022. 252 p.
15. Slobodchikova Yu.V., Semchuk I.V. Psychological strategies for solving conflicts in organization management // Problems of modern education. Moscow: MSPU. 2021. No. 6. 278 p. — URL: <https://rucont.ru/efd/727169> (date of access: 08.08.2025)
16. Stolyarenko L.D., Samygin S.I., Vaskov M.A. Conflictology: textbook. Rostov-on-Don: Phoenix, 2025. 298 p.
17. Khasan B. I. Constructive psychology of conflict: textbook manual for universities. 2nd ed., stereotypical. Moscow: Yurayt Publishing House, 2024. 204 p.
18. Cherkasskaya G.V., Badkhen M.L. Conflict Management: textbook and workshop for universities. 4th ed., revised and additional. M.: Yurayt, 2024. 249 p.
19. Chernova G.R., Sergeeva M. V., Belyaeva A. A. Conflictology: textbook manual for universities. 3rd ed., revised and additional. M.: Yurayt, 2024. 200 p.
20. Shcherbakova O.I. Psychotechnologies in the process of teaching conflictology. In the book: Conflictology of the XXI century. Ways and means of strengthening peace. Materials of the Third St. Petersburg International Congress of Conflictologists. 2019. P. 406-408.

DOI: 10.21626/j-chr/2026-1(46)/6
УДК: 159.9

Педагогическая психология

СУБЪЕКТИВНОЕ БЛАГОПОЛУЧИЕ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ КОЛЛЕДЖА И СТУДЕНТОВ, ОБУЧАЮЩИХСЯ НА ПЕДАГОГИЧЕСКИХ СПЕЦИАЛЬНОСТЯХ

71

© Н.С. Ли

Ли Н.С. – аспирант, Московский педагогический государственный университет
e-mail: kaf_ptpsk@mpgu.su
Адрес: 127051, Москва, Малый Сухаревский переулок, д. 6, Российская Федерация

АННОТАЦИЯ

Актуальность. В образовательной системе на сегодняшний день происходят большие изменения, которые ведут к модернизации всего образовательного процесса. Эти перемены затрагивают как преподавателей колледжей, так и студентов, обучающихся на педагогических специальностях. Все участники образовательного процесса стараются адаптироваться к новым условиям и реализовать свои возможности, однако, это требует особых усилий, что сказывается на субъективном благополучии.

Цель исследования. Рассмотреть субъективное благополучие обучающихся на педагогических специальностях и преподавателей в колледже. Провести анализ уровней субъективного благополучия между всеми членами образовательного процесса, чтобы сравнить одинаково ли его влияние.

Материалы и методы. Для исследования субъективного благополучия преподавателей и студентов педагогических специальностей была использована методика диагностики субъективного благополучия личности Р.М. Шамионова, Т.В. Бесковой. Также был применён математико-статистический анализ U-критерий Манна-Уитни для установления различий между независимыми выборками по уровню субъективного благополучия.

Результаты и обсуждение. Был выявлен средний уровень субъективного благополучия испытуемых. По результатам математико-статистического анализа не выявлено значимых различий уровней субъективного благополучия между обучающимися и преподавателями.

Выводы. Полученные результаты позволяют сделать вывод о том, что образовательная система одинаково влияет на субъективное благополучие всех его участников. Отношение к учёбе, работе и успешность процесса обучения зависит от внутреннего самоощущения и самореализации как преподавателей, так и самих студентов, обучающихся на педагогических специальностях.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: преподаватели; студенты; педагогические специальности; субъективное благополучие; обучающиеся в колледже.

Конфликт интересов. Авторы декларируют отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

В современном мире модернизация системы образования оказывает особое воздействие, как на студентов педагогических специальностей, так и на уже действующих преподавателей. Государственные программы ориентированы на комплексное изменение в образовании, что сказывается, например, на преобразовании методик преподавания, системы оценивания знаний, технического оснащения.

Сегодня существуют пять основных аспектов усовершенствования образовательной сферы:

1. Содержательный аспект, направленный на улучшение качества образования в дошкольных, школьных, средне-профессиональных и высших учреждениях;
2. Экономический аспект, отвечающий за эффективное использование организационно-экономических инструментов функционирования образовательной системы;
3. Управленческий аспект, предлагающий эффективные координацию, планированию и контроль образовательной деятельности;
4. Нормативно-правовой аспект – создание актуальных стандартов, правил, отражающих права и обязанности всех участников образовательного процесса;
5. Социальный аспект нацелен на поддержание положительного профессионального статуса преподавателя, оказание поддержки со стороны государства и общества [7].

Роль преподавателя, в связи с модернизацией образования, также на сегодняшний день является многогранной. Современный педагог должен быть хорошим организатором деятельности обучающихся, воспитателем, активным участником взаимодействия с родителями, коллегами, администрацией, исследователем, консультантом по вопросам образования, просветителем и искусным преподавателем [5]. Таким образом, преподавателю необходимо постоянно обновлять своё портфолио: проходить различные обучения, искать новые подходы и методы преподавания [4]. Внедрение в образовательный процесс цифровых технологий предполагает совершенствование планирования и написания учебных программ и использования информационно-коммуникационных технологий для соответствия нового уровня [8].

Модернизация образования включает цифровизацию всего образовательного процесса, постоянное совершенствование педагогических технологий. Таким образом, это обеспечивает необходимость повышения собственной профессиональной компетентности современным преподавателям в процессе всей своей деятельности. Студентам педагогических специальностей также приходится обучаться, приобретать необходимые компетенции в постоянно меняющихся условиях. Особенности получаемой профессии предполагают умение оперативно реагировать на перемены, возникающие в педагогической деятельности, реализовывать инновационные педагогические технологии [12].

Инновационные введения в образовательный процесс представляют также ряд возможностей для всех его участников: использование цифровых технологий, в частности искусственного интеллекта, для получения и преобразования необходимой информации. Однако стоит отметить, что такая привилегия даёт возможность получить только подсказку, на чём стоит заострить внимание и может быть лишь основой для углублённых знаний человека [1].

Вот почему профессиональное педагогическое развитие включают внешнюю сторону – знания и навыки, и внутреннюю, отражающие качественные

изменения личности, постоянное саморазвитие и самосовершенствование [2].

Современные требования, диктуемые изменениями в образовательной сфере, влияют на развитие таких личностных качеств, как самостоятельность, инициативность, наблюдаемость. У преподавателей и студентов педагогических специальностей происходит переосмысление не только собственной профессиональной деятельности, но и себя, своих возможностей, что сказывается на образовательном процессе [9].

Потому проблема субъективного благополучия всех участников образовательной среды является значимой сегодня.

Важными компонентами субъективного благополучия в профессиональной деятельности выступают:

- удовлетворение потребностей, соблюдение принципов, убеждений профессиональной деятельностью;
- формирование устойчивости в различных ситуациях и целенаправленной активности благодаря удовлетворённости собственной профессиональной активности, влияющей на настроение и внутренние переживания личности;
- соответствие отношений внутри коллектива, стиля руководства, престижности занимаемого социального положения, заработка потребностям субъекта;
- положительная оценка и принятие индивидом норм и правил профессиональной деятельности;
- высокая степень значимости результатов собственной работы, мотивация совершенствовать свои навыки [6].

Поскольку стремительно меняющаяся система образования активизирует адаптацию преподавателей и студентов педагогических специальностей, создаёт необходимость соответствовать современному стандарту и образу преподавателя, стремиться к постоянному росту и самосовершенствованию в профессии, это находит своё отражение на самоощущении и субъективном благополучии личности в профессиональной деятельности.

Субъективное благополучие преподавателей отражается на качестве и эффективности взаимодействия со студентами педагогических специальностей, что, главным образом, отражается на субъективном благополучии самих обучающихся.

Степень удовлетворённости собой и своей работой, ощущение осмысленности, удовлетворённость своими потребностями воздействуют на эмоциональный фон преподавателя, который оказывает влияние на обучающихся, например, через моделирование эмоционального состояния. Субъективное благополучие также сказывается на ресурсах личности к обучению и труду [13].

Таким образом, актуальность проведённого исследования обусловлена тем, что субъективное благополучие преподавателей и студентов педагогических специальностей представляет основу для развития и самореализации, стабильного эмоционального состояния, что сказывается на качестве образовательного процесса. Однако современные условия, в которых происходит образовательный процесс, негативно сказываются на субъективном благополучии его участников [3].

Цель исследования. Рассмотреть субъективное благополучие обучающихся на педагогических специальностях и преподавателей в колледже и провести сравнительный анализ уровней субъективного благополучия между всеми членами образовательно процесса.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

Для рассмотрения субъективного благополучия преподавателей и студентов педагогических специальностей нами была выбрана методика диагностики

субъективного благополучия личности Р.М. Шамионова, Т.В. Бесковой [11]. В качестве гипотезы исследования выступило предположение о том, что существует взаимосвязь между субъективным благополучием всех участников образовательного процесса, значит оно должно быть на одинаковом уровне, как у обучающихся, так и у преподавателей. Потому мы использовали математико-статистический анализ U-критерий Манна-Уитни для установления различий между независимыми выборками по уровню субъективного благополучия.

Выборку исследования составили 49 человек, из которых 20 преподавателей и 29 студентов педагогических специальностей 4 курса московского городского открытого колледжа. Гендерный состав выборки представляет 12 % мужчин и 88 % женщин.

Методика диагностики субъективного благополучия личности Р.М. Шамионова, Т.В. Бесковой включает в себя всего 5 шкал:

- эмоциональное благополучие отражает общий эмоциональный фон субъекта, степень его положительности;
- экзистенциально-деятельностное благополучие – активность личности относительно поставленных целей;
- гедоническое благополучие – базовые потребности личности и степень их удовлетворённости;
- социально-нормативное благополучие подразумевает соответствие действий субъекта его социальным принципам, нравственности;
- эго-благополучие представляет уверенность человека в себе, своём поведении, благоприятное отношение к себе [10].

74

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Полученные результаты были поделены на основе среднего арифметического показателя по каждой шкале и разделены на высокий, средний, низкий уровни.

По 1 шкале «Эмоциональное благополучие» у 8 % респондентов высокий уровень, но у преобладающего большинства как студентов, так и преподавателей средний уровень – 76 %, что говорит о непостоянстве положительных эмоций и трудности в управлении ими. 16 % имеют низкий уровень по данной шкале.

По 2 шкале «Экзистенциально-деятельностное благополучие» также преобладает средний уровень – 61 %, что говорит о готовности опрошенных прилагать энергию, но отсутствие достаточной мотивации и дисциплины, терпения для завершения целей. 18 % испытуемых имеют высокий уровень по данной шкале, 21 % - низкий.

По 3 шкале «Гедоническое благополучие» 20 % опрошенных показали высокий уровень, 53 % средний уровень и 27 % низкий уровень. Большинство ответов респондентов показало неудовлетворённость уровнем комфорта.

По шкале 4 «Социально-нормативное благополучие» получились следующие результаты: 21 % – высокий уровень, 71 % – средний, 8 % – низкий уровень. У испытуемых в интериоризированном виде ценности и нравственные ориентиры соответствуют их действиям.

По шкале 5 «Эго-благополучие» наибольшее число респондентов имеют средний уровень – 86 %, что отражает их относительно самопринятие; только 4 % показали высокий уровень, а у 10 % – низкий уровень.

На рисунке 1 представлена общая картина субъективного благополучия испытуемых.

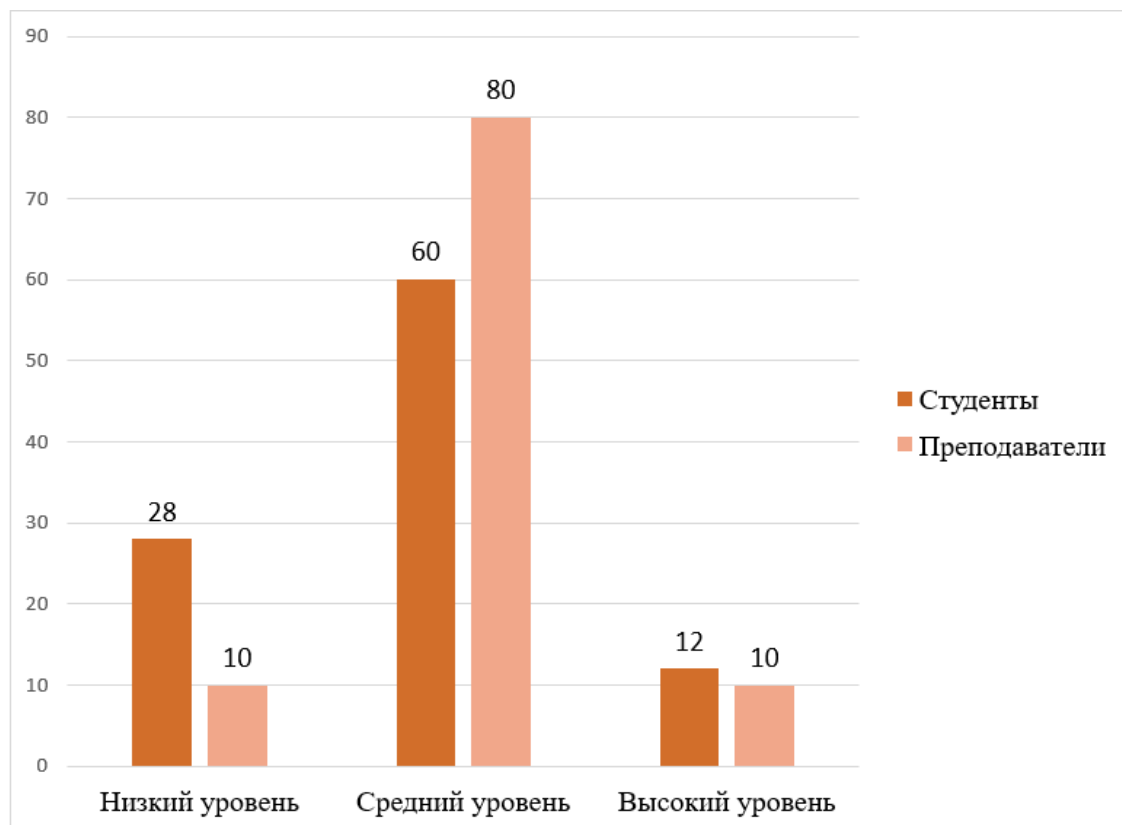

Рисунок 1. Результаты по методике диагностики субъективного благополучия Шамионова Р.М., Бесковой Т.В.

Figure 1. Results of the method of diagnosing subjective well-being by Shamionov R.M., Beskova T.V.

Полученные результаты диагностики показывают умеренную удовлетворённость на настоящий момент собственным комфортом испытуемых и относительные баланс между позитивными и отрицательными эмоциями и саморегуляцию.

При помощи непараметрического критерия U Манна-Уитни был совершён поиск значимых различий между двумя независимыми выборками, по оценке субъективного благополучия.

Между обучающимися и преподавателями не выявлено значимых различий субъективного благополучия по шкалам «Эмоциональное благополучие» ($r_s = 0,886$), «Экзистенциально-деятельностное благополучие» ($r_s = 0,984$), «Гедоническое благополучие» ($r_s = 0,050$), «Эго-благополучие» ($r_s = 0,192$).

По шкале «Социально-нормативное благополучие» были обнаружены значимые различия ($r_s = 0,001$).

ВЫВОДЫ

Исходя из полученных данных можно сделать вывод, что образовательная система действительно одинаково сказывается на субъективном благополучии всех его участников. Самоощущение и стремление к самореализации и преподавателей, и студентов зависят от того, как протекает образовательный процесс и как к нему адаптированы все его участники, как они себя могут проявить, какие результаты получить в итоге. Результаты исследования показали, что на данный момент преподаватели и обучающиеся не имеют особых эмоциональных трудностей, адекватно оценивают себя и окружающих, но недостаточно удовлетворены жизнью и имеют относительно позитивный настрой на профессиональную деятельность. Для решения задачи поднятия

субъективного благополучия студентов, обучающихся на педагогических специальностях, необходимо разработать и апробировать психолого-педагогической программу.

ЛИТЕРАТУРА

1. Веряев, А. А. Цифровизация образования или цифровизация в образовании? / А. А. Веряев // Непрерывное профессиональное образование: теория и практика : сб. материалов XI Междунар. науч.-прак. конф. (Новосибирск, 07–08 апреля 2022 г.). – Новосибирск: Сибирский государственный университет путей сообщения, 2022. – С. 132-137. – EDN KUYNAA.
2. Викулина, Е. А. Модернизация образования и её влияние на педагогические кадры / Е. А. Викулина // Профессиональная ориентация. – 2025. – № 9. – С. 62-66. – EDN LEQSFU.
3. Ефремкина, И. Н. Субъективное благополучие педагога как условие качества образования в контексте проблемы устойчивого развития / И. Н. Ефремкина // Международный научно-исследовательский журнал. – 2021. – № 12-3(114). – С. 148-150. – DOI 10.23670/IRJ.2021.114.12.107. – EDN JTZMVI.
4. Жилушкина, Н. С. Модернизация Российской системы образования и учитель / Н. С. Жилушкина // Глобализация науки: проблемы и перспективы : сб. статей Междунар. науч.-прак. конф. (Уфа, 07 февраля 2014 г.); отв. ред. А.А. Сукиасян. Том 1. – Уфа: Башкирский государственный университет, 2014. – С. 27-28. – EDN SCPIX.
5. Котова, И. Б., Шиянов Е.Н. Педагог: профессия и личность / И. Б. Котова, Е.Н. Шиянов. – Ростов-на-Дону, 2007. – 234 с.
6. Лысова, Е. А. Анализ подходов к понятию удовлетворенности трудом / Е. А. Лысова // Бюллетень науки и практики. – 2017. – № 12(25). – С. 558-563.
7. Попкова, Т. Д. Содержательные аспекты модернизации образования (модификация стандартов) // Гуманизм и пути развития российского образования : коллективная монография; отв. редактор И.А. Бирич. – М. : Изд. дом «Русская философия», 2023. – С. 37-55.
8. Трегубова, Т. М. Профессиональное развитие педагога в условиях цифровизации образования / Т. М. Трегубова, Л. А. Шибанкова, А. С. Кац // Высшая школа: научные исследования : сб. материалов Межвузовского научного конгресса (Москва, 07 февраля 2020 г.). Том 1. – М.: Инфинити, 2020. – С. 31-37. – EDN SEDIFW.
9. Худякова, Т. Л. Психологическое благополучие и удовлетворенность педагогов СОШ основными характеристиками взаимодействия в образовательной среде / Т. Л. Худякова, В. Р. Петросянц, Ю. В. Клепач // Андреевские чтения. Социальная психология в современном обществе : сб. материалов Междунар. науч. конф., посвящ. 100-летию со дня рождения академика РАО Г.М. Андреевой (Москва, 20–21 июня 2024 г.). – М.: Изд-во Московского университета, 2025. – С. 178-180. – DOI 10.55959/andreeva.conf.2024.049. – EDN TPLVON.
10. Шамионов, Р.М. Критерии субъективного благополучия личности: социокультурная детерминация / Р.М. Шамионов // Известия Саратовского университета. 2015. – Том 4, №3. – С. 213-218.
11. Шамионов, Р. М. Методика диагностики субъективного благополучия личности / Р.М. Шамионов, Т.В. Бескова // Психологические исследования. - 2018. - № 60. – С. 5. – URL : <http://psystudy.ru> (дата обращения: 15.11.2025)
12. Шаршов, И. А. Система подготовки педагогических кадров в условиях модернизации образования: проблема оценивания эффективности / И. А. Шаршов, Л. Н. Макарова // Психолого-педагогический журнал Гаудеамус. – 2004. – Т. 1, № 5. – С. 56-63. – EDN QZIFRX.
13. Morris, C. A., Denham, S. A., Bassett, H. H., Curby, T. W. Relations among Teachers' Emotion Socialization Beliefs and Practices, and Preschoolers' Emotional Competence. *Early Education and Development*, 24(7), 979-999. 2013.

Получена: 12.02.2026 г.

Принята к публикации: 26.03.2026 г.

SUBJECTIVE WELL-BEING OF COLLEGE TEACHERS AND STUDENTS STUDYING IN PEDAGOGICAL SPECIALTIES

© Natalia O. Li

Natalia O. Li – PhD student, Moscow State Pedagogical University

Address: 127051, Moscow, Maly Sukharevsky Lane, 6, Russian Federation

ABSTRACT

Relevance. The education system is currently undergoing major changes, leading to the modernization of the entire educational process. These changes affect both college faculty and students studying teaching. All participants in the educational process are striving to adapt to the new conditions and realize their potential; however, this requires particular effort, which impacts subjective well-being.

Purpose. To examine the subjective well-being of students majoring in teaching and faculty at a college. To analyze the levels of subjective well-being across all participants in the educational process to compare whether its impact is equal.

Materials and Methods. To study the subjective well-being of teachers and students in pedagogical specialties, we used the subjective well-being assessment method developed by R.M. Shamionov and T.V. Beskova. We also used the Mann-Whitney U-test to determine differences in subjective well-being between independent samples.

Results. The average level of subjective well-being among the subjects was determined. The results of the mathematical and statistical analysis revealed no significant differences in the levels of subjective well-being between students and teachers.

Conclusions. The obtained results allow us to conclude that the educational system has a uniform impact on the subjective well-being of all its participants. Attitudes toward study, work, and the success of the learning process depend on the self-awareness and self-realization of both teachers and students studying pedagogical specialties.

KEYWORDS: teachers; students; pedagogical specialties; subjective well-being; college students.

Conflict of interests. The authors declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

REFERENCES

1. Veryaev, A. A. Digitalization of education or digitalization in education? / A. A. Veryaev // Continuous professional education: theory and practice: Proceedings of the XI International scientific and practical conference, Novosibirsk, April 7–8, 2022. – Novosibirsk: Siberian State Transport University, 2022. – P. 132–137. – EDN KUYHAA.
2. Vikulina, E. A. Modernization of education and its impact on teaching staff / E. A. Vikulina // Professional orientation. - 2025. - No. 9. - P. 62-66. - EDN LEQSFU.
3. Efremkina, I. N. Subjective well-being of a teacher as a condition for the quality of education in the context of the problem of sustainable development / I. N. Efremkina // International Research Journal. - 2021. - No. 12-3 (114). - P. 148-150. - DOI 10.23670 / IRJ.2021.114.12.107. - EDN JTZMVI.
4. Zhilushkina, N. S. Modernization of the Russian education system and the teacher / N. S. Zhilushkina // Globalization of science: problems and prospects: Collection of articles from the International scientific and practical conference, Ufa, February 7, 2014 / Editor-in-chief: A. A. Sukiasyan. Volume 1. - Ufa: Bashkir State University, 2014. - P. 27-28. - EDN SCPIX.
5. Kotova I. B., Shiyonov E. N. Teacher: profession and personality. - Rostov-on-Don, 2007. – 234 p.
6. Lysova, E. A. Analysis of approaches to the concept of job satisfaction / E. A. Lysova // Bulletin of Science and Practice. - 2017. - No. 12 (25). - P. 558-563.
7. Popkova T. D. Chapter 2. Substantive aspects of education modernization (modification of standards) // Humanism and the ways of development of Russian education: Collective monograph / Editor-in-chief I. A. Birich. - Moscow: Publishing house "Russian philosophy", 2023. - P. 37-55.
8. Tregubova, T. M. Professional development of a teacher in the context of digitalization of education / T. M. Tregubova, L. A. Shibankova, A. S. Katz // Higher school: scientific research: Proceedings of the Interuniversity Scientific Congress, Moscow, February 7, 2020. Volume 1. - Moscow: Infinity, 2020. - P. 31-37. - EDN SEDIFW.
9. Khudyakova, T. L. Psychological well-being and satisfaction of secondary school teachers with the main characteristics of interaction in the educational environment / T. L. Khudyakova, V. R.

Petrosyants, Yu. V. Klepach // Andreevsky readings. Social psychology in modern society: Collection of materials of the international scientific conference Dedicated to the 100th anniversary of the birth of Academician of the Russian Academy of Education Galina Mikhailovna Andreeva, Moscow, June 20–21, 2024. - Moscow: Moscow University Publishing House, 2025. - P. 178-180. - DOI 10.55959/andreeva.conf.2024.049. - EDN TPLVON.

10. Shamionov R.M. Criteria of subjective well-being of an individual: socio-cultural determination // Bulletin of the Saratov University. 2015. - Vol. 4, No. 3. - P. 213-218.

11. Shamionov, R. M. Beskova, T. V. Methodology for diagnosing subjective well-being of an individual // Psychological research, 2018. No. 60.

12. Sharshov, I. A. The system of training teaching staff in the context of education modernization: the problem of assessing effectiveness / I. A. Sharshov, L. N. Makarova // Psychological and pedagogical journal Gaudeamus. - 2004. - Vol. 1, No. 5. - Pp. 56-63. - EDN QZIFRX.

13. Morris, C. A., Denham, S. A., Bassett, H. H., Curby, T. W. Relations among Teachers' Emotion Socialization Beliefs and Practices, and Preschoolers' Emotional Competence. *Early Education and Development*, 24(7), 979-999. 2013.

Received: 12.02.2026

Accepted: 26.03.2026

DOI: 10.21626/j-chr/2026-1(46)/7
УДК: 614.2

Педагогическая психология

ПРОБЛЕМА НАРКОМАНИИ ГЛАЗАМИ СТУДЕНТОВ ПЕРИОДА ПАНДЕМИИ И ПОСТПАНДЕМИЙНОЙ РЕАЛЬНОСТИ

© В.И. Тимошилов, О.Е. Мамонова, А.О. Улинова

Тимошилов В.И. — доцент кафедры общественного здоровья, организации и экономики здравоохранения института непрерывного образования, кандидат медицинских наук, ФГБОУ ВО «Курский государственный медицинский университет» Минздрава России
E-mail: timoshilovvi@kursksmu.net

Мамонова О.Е. — студент, ФГБОУ ВО «Курский государственный медицинский университет» Минздрава России
E-mail: olia.mamonowa2002@yandex.ru

Улинова А.О. — студент, ФГБОУ ВО «Курский государственный медицинский университет» Минздрава России
E-mail: VasAnna00@mail.RU
Адрес: 305041, г. Курск, ул. К. Маркса, 3. Российская Федерация

79

АННОТАЦИЯ

Актуальность. Возрастная специфика наркологической заболеваемости за последнее десятилетие значительно трансформировалась, приобщение к злоупотреблению психоактивными веществами в школьном возрасте сменилось поражаемостью возрастной категории 18 – 24 лет, что соответствует студенчеству [1]. В клинической и правовой специфике проблемы при этом расширяется тенденция «контролируемого наркопотребления» - периодического немедицинского приема наркотических и психотропных веществ (НДВ) в малых дозах, основанного на мнимой безопасности такой наркотизации, являющейся заблуждением, при наличии в целом представления о вреде и опасности наркотиков [2, 3].

Цель исследования. Провести анализ динамики представлений и установок студентов Курской области относительно проблемы наркомании и мер ее профилактики за 2017–2023 гг. в контексте трех значимых периодов

Материалы и методы. Для исследования была использована авторская анкета с вопросами закрытого типа.

Результаты исследования. До пандемии (2017 г.) студенты естественнонаучных и медицинских направлений подготовки точнее оценивали вред немедицинского употребления наркотических веществ: 81,4±3,7% против 71,4±4,2% ($t=3,566$, $p\leq 0,01$). Основным заблуждением стала недооценка вреда разовых проб, в т.ч. «контролируемого» наркопотребления (актуально для 15,6±3,5% естественнонаучных и медицинских направлений и 25,2±4,0% студентов гуманитарного направления). Выявлена значимая разница, ошибочных представлений среди студентов, не обладающих профессиональными знаниями в данной области. ($t=3,610$, $p\leq 0,01$). Доля тех, кто считает угрозу НДВ надуманной и не актуальной, составила менее 3,5% в обеих подгруппах, при этом различие статистически незначимо ($t=0,341$, $p> 0,05$).

Выводы. С 2017 по 2021 год студенты естественно-научных и медицинских направлений лучше понимали риски немедицинского употребления наркотиков и возможности наркологии, что связано с их обучением. Пандемия COVID-19 привела к повышению осведомленности об опасностях наркотиков и роли наркологии среди будущих медиков и биологов. Однако после пандемии у студентов-медиков и естественников произошло снижение осведомленности.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: работающая молодежь; проблемы наркомании; студенты; мониторинг; профилактика.

Благодарности. Грант РНФ № 23-28-10301, <https://rscf.ru/project/23-28-10301/>

Конфликт интересов. Авторы декларируют об отсутствии явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Современная специфика наркологической заболеваемости характеризуется переходом от «омоложения» со снижением возраста приобщения к наркотически действующим веществам вплоть до 10–12 лет, которое имело место в 2000–2010 гг., к преимущественной поражаемости возрастной категории 18 – 24 лет, что соответствует периоду студенчества [1, 3]. Несмотря на снижение показателей общей и первичной заболеваемости, отражаемых в официальных статистических отчетах, более широкое распространение получают латентные с точки зрения и медицинской, и правоохранительной деятельности формы ситуационного и эпизодического употребления наркотически действующих веществ. Особо выделяется феномен «контролируемого наркопотребления» – немедицинского приема наркотических и психотропных веществ в малых дозах, с некоторой периодичностью, которое основано на заблуждении о мнимой безопасности такой наркотизации при наличии в целом представления о вреде и опасности наркотиков [8, 16].

Период 2014–2019 гг. характеризуется укреплением правовой и методической базы антинаркотической политики, развития межведомственных и междисциплинарных подходов к профилактической работе с молодежью, улучшением ее координации и повышением профессионального уровня организаторов [12]. На этом фоне происходит и рост осведомленности школьников и студентов о неблагоприятных последствиях употребления наркотически действующих веществ вне медицинских показаний [10], и снижение наркологической заболеваемости [3].

Во время активной фазы пандемии коронавируса 2020 – начала 2022 гг. возникает сразу несколько неблагоприятных тенденций. Профилактическая работа, классическим и наиболее массовым компонентом которой были очные мероприятия в организованных коллективах, оказывается в кризисе, связанном с необходимостью трансформации в телекоммуникационный формат. Социальные и психологические факторы риска наркопредрасположенности существенно обостряются, причем для студенческой молодежи в большей степени, чем для школьников. Несмотря на усиление контроля трансграничных перемещений и сокращение массовых мероприятий, снижение объемов незаконного оборота наркотиков имеет кратковременный характер, и уже к концу 2021 г. этот преступный рынок не только восстанавливается, но и обрастает более сложными для выявления и пресечения каналами наркотрафика и формами сбыта. При этом у ряда представителей поколения от 18 до 25–30 лет происходит акцентуация внимания на здоровьесбережении, что может рассматриваться и как фактор возможного нивелирования наркопредрасположенности [12, 17, 18]. Отечественные и зарубежные специалисты при этом высказывают настороженность и опасения по поводу возможного роста наркопотребления, но официальные статистические данные это не подтверждают из-за снижения выявляемости наркологических расстройств [15, 19, 20].

С начала – середины 2022 г. ситуация в сфере социально-психологических предпосылок наркопредрасположенности может рассматриваться как постковидная реальность. В это время ограничения на контакты и массовые мероприятия отменены, но информационный след пандемии в сознании населения сохраняется, понимание возможности возвращения к ограничительным мерам по-прежнему присутствует. Факторами массовой психологической травмы стали военные действия, мобилизация и террористическая опасность,

и они же – главные акценты информационного поля, составляющие основу материала, освещаемого в том числе в ущерб медико-социальным проблемам [2, 7, 9]. Таким образом, это время может быть охарактеризовано как период нового обострения психологической травматизации населения при изменении природы всеобщих угроз и восстановления возможностей для проведения профилактики после вынужденного 2-летнего спада, но в условиях прежнего дефицита внимания к ней в медиа-сфере.

Цель – изучить представления и установки студентов Курской области о проблеме наркомании и ее профилактике в динамике за 2017–2023 гг. на фоне 3 этапов значительных изменений медико-социальных условий в данный период, выделив специфику в зависимости от профиля обучения.

Материалы и методы исследования.

В 2017, 2021 и 2023 гг. последовательно реализованы 3 социологических исследования – проведены опросы в выборках студентов естественнонаучного профиля обучения и гуманитарного и технического профиля обучения; в выборках соблюдена количественная и качественная репрезентативность, обеспечена их сопоставимость по структуре. Применяемая в исследованиях анкета одобрена Экспертным советом при антинаркотической комиссии Курской области и представляет собой опросник на выражение согласия/несогласия с утверждениями, соответствующими либо объективным представлениям о проблеме наркомании и возможностях наркологии, либо типичным заблуждениям, выделенным в ходе анализа литературных данных и пробных исследований прошлых лет в форме интервью. Обработка данных основана на вычислении относительных величин (долей респондентов с определенной позицией) и их сравнении между подгруппами опрошенных и в динамике между сопоставимыми подгруппами разных лет по критерию Стьюдента.

Критерии включения: граждане РФ 18 – 24 лет, проходящие очное обучение в учреждении высшего или среднего профессионального образования Курской области с постоянным проживанием на территории региона.

Критерии исключения: несоответствие возрастным рамкам исследования, иностранное гражданство, заочное обучение, проживание вне территории Курской области 6 и более месяцев в течение двух лет, предшествующих проведению опроса, в т.ч. в связи с переводом на дистанционную форму обучения.

Условия проведения: исследование проведено на базе ФГБОУ ВО «Курский государственный медицинский университет» (включая медико-фармацевтический колледж), ФГБОУ ВО «Курский государственный университет», ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет» и Курского железнодорожного техникума в форме условно одномоментных исследований.

Во все годы кампании по сбору данных реализованы в условно одномоментной форме в течение апреля – мая при отсутствии в данный период событий, резко меняющих общественное мнение и медико-социальные условия.

Анкетирование реализовано с помощью открытого сервиса Яндекс Формы. Привлечение респондентов выполнялось посредством размещения информации об исследовании и ссылки на опросник в социальных сетях, электронной почтовой рассылки, распространения печатных листовок с информацией об опросе и QR-кодом ссылки на опросник на лекциях, занятиях, молодежных мероприятиях. Далее реализован контроль и отбор ответов с использованием выгрузки данных в формате *.xlsx с применением функций фильтров электронной таблицы согласно критериям включения и исключения по соответствующим вопросам.

По достижении целевых объемов выборок произведена статистическая обработка с использованием открытых онлайн-калькуляторов проекта medstatiastic.ru.

Данные 2017 г. рассматриваются как показатели, соответствующие допандемийному периоду и полученные на фоне реализации межведомственной модели профилактики наркопредрасположенности среди молодежи Курской области [12]. Показатели 2021 г. характеризуют ситуацию, которая складывалась на фоне пандемии коронавируса и пика ограничительных мероприятий и информационно-пропагандистских акцентов в борьбе с ней. Результаты опроса 2023 г. призваны иллюстрировать постпандемийную ситуацию на фоне сложной военно-политической и миграционной обстановки с учетом приграничного положения Курской области.

В исследованиях всех 3-х лет формировались выборки – подгруппы респондентов в зависимости от профиля обучения:

1. Получающие образование медицинского или биологического профиля – подгруппа «естественников» или «биомедиков» – выделена в связи с наличием у данных респондентов основ профессиональных знаний о наркотически действующих веществах за счет изучения соответствующих тем как части профессиональной подготовки.

2. Получающие образование гуманитарного и технического профиля – подгруппа «немедиков» или «гуманитариев» – обладающие преимущественно теми знаниями о проблеме наркомании, которые доносятся посредством профилактических мероприятий, средств массовой информации и тех занятий (валеология, безопасность жизнедеятельности), где наркотики рассматриваются в контексте здорового образа жизни и социальной проблематики, но не как объект профессионального внимания обучаемых.

Используемые выборки репрезентативны по возрасту, полу, месту жительства (город/село), уровню (ВУЗ/колледж) и году обучения.

Исследование основано на анализе долей респондентов, демонстрирующих согласие со следующими утверждениями:

- вред и опасность всякого немедицинского употребления наркотически действующих веществ (объективная позиция);
- допустимость разовых проб наркотически действующих веществ, безопасность эпизодической наркотизации, безвредность отдельных веществ («легких» наркотиков), допустимость систематического употребления психоактивных веществ из представлений о надуманности проблемы (заблуждения);
- длительность и сложность лечения наркозависимых и возможность эффекта только при твердом желании самого пациента преодолеть проблему (верная объективная позиция);
- полная невозможность излечения, легкость достижения стойкого отказа от употребления психоактивных веществ путем медицинских вмешательств (примеры заблуждений).

В соответствии с рекомендациями ЦНИИОИЗ Минздрава России [6] и результатами расчета объемов бесповторной выборки для уровня значимости $\alpha=95\%$ сервиса medstatistic.ru на основе методики К.А.Отдельновой для опросника с альтернативным распределением признаков (утверждение выбрано/не выбрано) и с учетом численности студентов Курской области порог достаточности числа наблюдений определен в 400 человек. Фактическая численность групп респондентов составляла от 436 человек («биомедики 2017 г.» до 1088 («гуманитарии» 2023 г.).

Обработка данных основана на вычислении относительных величин (долей респондентов с определенной позицией) и их доверительных интервалов с учетом вероятности ошибки $p \leq 0,05$. За каждый год выполнено сравнение сопоставимых показателей между профессиональными подгруппами, а для респондентов одного профиля обучения данные оценены в динамике между

три опроса. Сравнение относительных величин объективизировано математически применением t-критерия Стьюдента в связи с альтернативным типом распределения признаков.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

В допандемийном периоде (2017 г.) четко прослеживается преобладание объективного восприятия вреда и опасности всякого применения наркотически действующих веществ с целью изменения сознания без назначения врача; отмечается и выраженная закономерная профессиональная специфика: верно воспринимают эту проблему $81,4 \pm 3,7\%$ получающих медико-биологическое образование против $71,4 \pm 4,2\%$ обучающихся по гуманитарным и инженерным специальностям ($t=3,566$, $p \leq 0,01$) (рис. 1). Довольно широкое распространение при этом имеет недооценка опасности разовой или эпизодической наркотизации, заблуждение о наличии «безопасных доз», «щадящих режимов» - то, что в литературе получило название «контролируемого наркопотребления»; проблема эта затрагивала преимущественно гуманитариев и инженеров: $25,2 \pm 4,0\%$ против $15,6 \pm 3,5\%$ «биомедиков» ($t=3,610$, $p \leq 0,01$). Только порядка $3,5\%$ молодежи оценили наркотическую угрозу как надуманную, малораспространенную, или заявили о готовности употреблять наркотики, причем статистически значимых различий по профилю образования эта позиция не давала ($t=0,341$, $p > 0,05$).

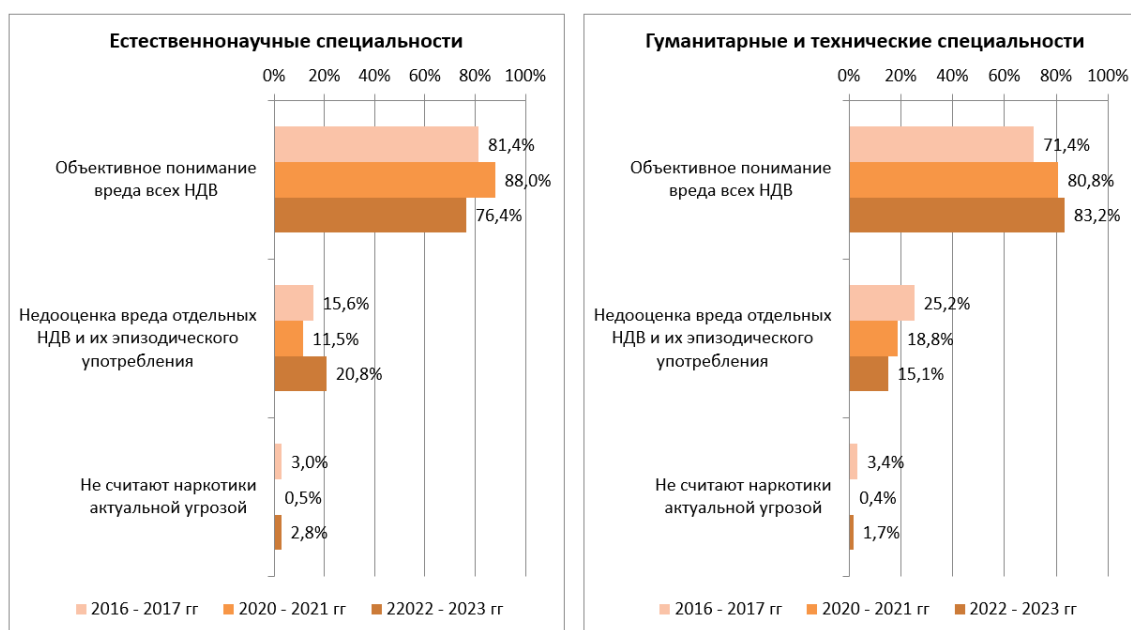

Рисунок 1. Изменение представлений студентов о вреде и опасности немедицинского потребления наркотически действующих веществ.

Figure 1. Changing students' perceptions of the dangers and dangers of non-medical use of narcotic substances.

На фоне психологической травматизации и пика ограничений, связанных с пандемией и мерами по борьбе с ней – в 2021 году – мы констатируем акцентуацию внимания на базовой антинаркотической установке: доля воспринимающих любую наркотизацию вне лечебных задач как однозначную угрозу увеличилась у обучающихся по медико-фармацевтическим и биологическим специальностям до $88 \pm 2,9\%$ ($t=2,803$, $p \leq 0,05$), по гуманитарным и инженерным – до $80,8 \pm 3,5\%$ ($t=3,434$, $p \leq 0,01$) (рис. 1). Роль профессиональных знаний при этом сохраняется, и перевес в пользу «биомедиков» по-прежнему статистически значим ($t=3,165$, $p \leq 0,01$).

Распространенность заблуждений, которые могут указывать и на недостаточ-

ную осведомленность о вреде наркотиков, и на склонность к их употреблению и даже наличие наркотического опыта, при этом снизилась по всем позициям. И если сокращение допускающих «контролируемое наркопотребление» биомедиков имело характер слабой тенденции (с $15,6 \pm 3,5\%$ до $11,5 \pm 2,8\%$; $t=1,830$, $p>0,05$), то у «гуманитариев» спад вполне статистически значим – с $25,2 \pm 4,0\%$ до $18,8 \pm 3,5$ ($t=2,401$, $p \leq 0,05$). Но самая главная тенденция – это сведение ответов о надуманности проблемы наркомании или прямых высказываний о лояльности к любым формам наркопотребления практически к единичным случаям на сотни респондентов (менее 0,5%).

В 2023 году ожидаемое закрепление позитивных антинаркотических тенденций произошло только среди получающих гуманитарное и техническое образование: доля объективно воспринимающих вред наркотиков и выражающих категорический отказ от их употребления составила $83,2 \pm 2,3\%$, показав тенденцию к дальнейшему росту после 2021 года, пусть и малозначимую ($t=1,146$, $p>0,05$). При этом среди них имела тенденция к сокращению готовности к разовым или эпизодическим «экспериментам» и «контролируемому наркопотреблению» (до $15,1 \pm 2,2\%$, $t=1,799$, $p>0,05$), но существенно выросла доля придерживающихся мнения о надуманности наркоугрозы (до $1,7 \pm 0,8\%$, $t=2,692$, $p \leq 0,05$).

Изменения, произошедшие в подгруппе «биомедиков», парадоксальны. Это снижение распространенности верных установок на категорический отказ от наркотиков на основе понимания их глобального вреда до $76,4 \pm 4,1\%$ ($t=4,609$, $p \leq 0,01$) (рис. 1), и на этом фоне – резкий, до $20,8 \pm 3,9\%$ ($t=3,832$, $p \leq 0,01$), рост фактического одобрения «контролируемого наркопотребления» с ложной уверенностью в его мнимой безопасности. Доля наиболее проблемных респондентов – убежденных в надуманности проблемы как таковой – тоже возросла до $2,8 \pm 1,6\%$ ($t=2,672$, $p \leq 0,05$).

Таким образом, в 2023 г. сложилась уникальная ситуация, противоречащая специфике профессиональных знаний молодежи: среди получающих образование в сфере медицины, фармации и биологии, изучающих наркотики и наркоманию как объект профессиональной деятельности распространенность объективной самооценки проблемы оказалась достоверно ниже, чем среди тех, чье гуманитарное или техническое образование предполагает получение знаний только на отдельных занятиях, из профилактических мероприятий и общедоступных источников ($t=2,887$, $p \leq 0,05$). При этом среди «биомедиков» достоверно больше распространилась установка на допустимость «контролируемого наркопотребления» ($20,8 \pm 3,9\%$ против до $15,1 \pm 2,2\%$ у «гуманитариев», $t=2,531$, $p \leq 0,05$).

В самооценке возможностей наркологии и перспектив медицинской помощи при употреблении психоактивных веществ объективной позиции в 2017 г. придерживались $71,8 \pm 4,3\%$ получающих естественно-научное образование и $67,7 \pm 4,3\%$ - гуманитарное и техническое (рис. 2). Разница между подгруппами – в виде малозначительного ($t=1,341$, $p>0,05$), но закономерного перевеса «биомедиков». Наиболее распространенным заблуждением в обеих группах было мнение о полной неизлечимости наркологических расстройств: его имели $17,7 \pm 3,7\%$ «естественников» и $21,3 \pm 3,8\%$ «гуманитариев». Профессиональные различия по этому показателю представлены статистически не значимым перевесом «непрофильной» группы ($t=1,366$, $p>0,05$). В том, что лечение практически всегда результативно и существенной проблемой не является, были уверены $10,6 \pm 2,9\%$ «естественников» и $11 \pm 2,9\%$ «гуманитариев» - различия и здесь не достоверны ($t=0,193$, $p>0,05$).

В период пандемии – в 2021 г. – распространенность верных представле-

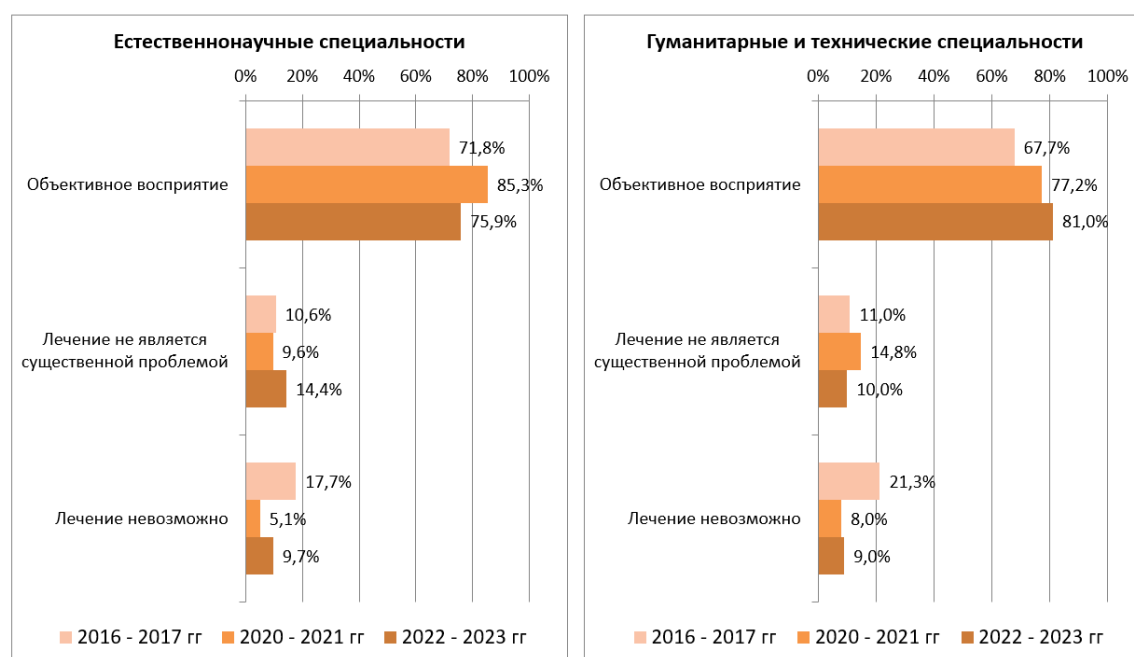

Рисунок 2. Изменения представлений студентов о возможностях наркологии
Figure 2. Changing students' perceptions of the dangers and dangers of non-medical use of narcotic substances.

ний о наркологической помощи достоверно возросла в обеих категориях студенчества: до $85,3 \pm 3,1\%$ у «естественников» ($t=5,066$, $p \leq 0,01$) и $77,2 \pm 3,8\%$ у «гуманитариев» ($t=3,313$, $p \leq 0,01$) (рис. 2). У получающих медицинское или биологическое образование этот рост был не только более значительным, но и привел к достоверному превышению распространенности объективных знаний и установок над гуманитарно-технической подгруппой ($t=3,313$, $p \leq 0,01$). Этот рост объективизации взглядов на возможности наркологии произошел за счет резкого сокращения не верящих в возможности медицины: до $5,1 \pm 1,9\%$ у «биомедиков» ($t=6,083$, $p \leq 0,01$) и $8 \pm 2,4\%$ ($t=5,903$, $p \leq 0,01$) у «гуманитариев». Несколько большая – на уровне статистически не значимой тенденции ($t=1,863$, $p > 0,05$) – распространенность этой позиции по-прежнему имеет место у получающих гуманитарное и техническое образование. Доля переоценивающих потенциал медицины у «естественников» незначительно снизилась – до $9,6 \pm 2,6\%$ ($t=0,508$, $p > 0,05$), у гуманитариев – малозначимо выросла до $14,8 \pm 3,2\%$ ($t=1,766$, $p > 0,05$). При этом сформировалась статистически значимая профессиональная специфика в виде достоверно большей распространенности избыточной веры в возможности наркологии у тех, кто профессиональных знаний о проблеме не получает ($t=2,531$, $p \leq 0,05$).

Ситуация постпандемийного 2023 г. в плане объективных представлений о наркологической помощи характеризуется достоверным снижением их распространенности в медико-биологической подкатегории до $75,9 \pm 4,2\%$ ($t=3,609$, $p \leq 0,01$) и пусть и незначительным, но ростом до $81 \pm 2,4\%$ среди «гуманитариев» ($t=1,711$, $p > 0,05$) (рис. 2). Доля воспринимающих лечение от наркотической зависимости и последствий злоупотребления психоактивными веществами как не связанного со значительными трудностями достоверно возросла среди получающих естественно-научное образование – до $14,4 \pm 3,4\%$ ($t=2,234$, $p \leq 0,05$) и снизилась в подгруппе «гуманитариев» до $10 \pm 1,8\%$ ($t=2,623$, $p \leq 0,05$); по встречаемости этой позиции сформировался значимый перевес «биомедиков» ($t=2,275$, $p \leq 0,05$). Распространенность полного неверия в перспективы лечения также достоверно возросла у «естественников» – до $9,7 \pm 2,9\%$ ($t=2,647$, $p \leq 0,05$), но среди получающих гуманитарное и техническое образование прирост до $9 \pm 1,7\%$ статистически не значим ($t=0,670$, $p > 0,05$). Различие между группами

по этому показателю в 2023 г. также незначительно ($t=0,417$, $p>0,05$).

ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ

С 2017 по 2021 гг. наблюдается в целом логичная и закономерная профессиональная специфика представлений студентов о наркотиках, наркомании и возможностях медицины в преодолении вредных последствий употребления наркотически действующих веществ: получающие образование естественнонаучного профиля, среди которых медики, достоверно чаще демонстрируют верные знания, объективную самооценку проблемы и установки на безопасное поведение с отказом от наркотиков. Принимая во внимание то, что массовая антинаркотическая пропаганда чаще всего имеет акцент на демонстрации тяжелых последствий длительного употребления наркотиков, инъекционного их применения, мы можем объяснить и низкие и сопоставимые показатели распространенности отрицания вреда наркотизации – 3–3,5% в 2017 г. и на уровне единичных случаев – до 0,5% – в 2021 г. Недостаток профессиональных знаний у «гуманитариев» и тот самый акцент на тяжелых формах наркомании в массово ведущейся антинаркотической пропаганде ведет к большей распространенности в этой подгруппе заблуждения о мнимой безопасности так называемых «легких» наркотиков либо разовых или эпизодических «проб» наркотически действующих веществ.

В научных работах и публицистике, посвященных нарко- и криминогенной ситуации в период пандемии, отмечался рост наркопреступности и обострение большого числа социально-психологических факторов риска наркотизации. Но в плане когнитивных факторов и поведенческих установок проведенное исследование указывает на возникновение массовой акцентуации внимания на теме здоровья и здоровьесбережения – объективизации взглядов молодежи и на наркотики, и на возможности наркологии. В обеих подгруппах респондентов в 2021 г. против 2017 г. достоверно возросла распространенность верных взглядов и установок при четкой тенденции на сокращение всех заблуждений о мнимой безопасности наркотиков; в оценках возможностей медицинской помощи при злоупотреблении ими рост уровня правильных представлений произошел за счет преодоления стереотипа о неизлечимости наркологических больных, а отсутствие профессиональных знаний стало даже фактором переоценки медицинского потенциала – укрепления веры в абсолютную и легкую излечимость наркоманий и токсикоманий. Рост объективности во взглядах и установках в большей степени произошел среди получающих естественнонаучное образование, что отмечено и в отношении других медико-социальных проблем [11]. Другие региональные исследования, охватившие и учащихся, и работающих, показали рост осуждающих взглядов на немедицинское употребление наркотических и психотропных веществ среди молодежи региона в целом [4]. Следовательно, эта тенденция является общей для пандемийного периода 2020–2021 гг.

Ситуация 2023 г. – периода постпандемийной реальности – выглядит менее предсказуемо, идя вразрез с привычными закономерностями.

Среди обучающихся по гуманитарным и техническим специальностям распространенность объективных представлений в отношении и наркотиков, и наркологической помощи продолжила тенденцию к росту; частота проявления всех видов заблуждений либо снизилась, либо изменилась незначительно.

При этом среди тех, кто получает образование естественнонаучного или медицинского профиля, существенно сократилась распространенность верного восприятия и опасности немедицинского приема наркотически действующих веществ, и возможностей лечения наркоманий и токсикоманий. У части моло-

дежи есть тенденция к переоценке сил и возможностей, которую можно хоть в какой-то мере объяснить «подъемом» за счет позитивного новостного фона успехов в борьбе с коронавирусом. А вот в плане самооценки опасности наркотизации тенденция крайне тревожная: здесь и снижение распространенности должных установок ниже допандемийного уровня, и рост опасных заблуждений о безвредности разового или эпизодического употребления наркотических и токсикоманических веществ, возможности принимать отдельные их виды без вреда для здоровья. Это напрямую противоречит и официальным позициям специалистов, и содержанию профессионального обучения подгруппы «биомедиков».

Проблема эта может оказаться как чисто региональной, так и всеобщей: снижение информированности о неблагоприятных последствиях контакта с наркотиками установлено и у студентов-медиков Кубани [14].

Объяснение этому явлению следует искать в междисциплинарной оценке социально-психологического фона политической и общественной ситуации 2022 – 2023 гг. на фоне специальной военной операции. Из работ этой тематики заслуживает внимания систематизированная экспертная оценка Института социально-политических исследований ФНИСЦ РАН: ее данные указывают на наибольшие риски возникновения социальных противоречий именно в тех слоях общества, которые представлены молодежью или с которыми молодежь контактирует: образование и наука, Интернет-активисты, деятели массовой культуры [5]. Но такие оценки могут указывать на риски обострения проблем, в том числе наркопредрасположенности, среди молодежи в целом, а наше исследование показывает парадоксальную профессиональную специфичность: значимое снижение осведомленности о вреде и опасности наркотиков, растущую недооценку вреда их эпизодического употребления среди получающих профильное по отношению к этим знаниям образование при укреплении объективных антинаркотических взглядов в неспецифической подгруппе.

Сокращение объемов и вынужденная реструктуризация профилактической работы в 2020 – 2022 гг., отступления от принципа доказательности эффекта при их реализации [12, 17] также сказались бы в виде отсроченного снижения осведомленности в 2022 – 2023 гг. на всей молодежи, но не исключительно на студентах естественно-научного профиля, как это произошло в действительности. Более того, в 2020 – 2021 гг. масштабы проведения мероприятий с ранее доказанным негативным эффектом выросли как раз среди «гуманитариев», у которых в 2023 г. вопреки этому выявлены положительные тренды осведомленности.

В поисках объяснений парадоксального «перекоса» в представлениях о вреде наркотиков у студентов медико-фармацевтических и биологических специальностей в 2023 г. мы провели параллель между этим явлением и снижением частоты упоминания учебного процесса как профилактического мероприятия. Типичный набор изучаемых дисциплин и содержание нормативных и учебно-методических материалов по ним свидетельствует о том, что занятия на такие темы в течение года должны присутствовать у как минимум 75-80% студентов, вошедших в подгруппу «биомедиков». В то же время, с 2017 по 2023 гг. частота указания учебного процесса как метода профилактики снизилась с 31,9% до 16,1% ($p \leq 0,01$) [13]. Следовательно, учебный процесс перестает восприниматься как изложение проблем, которые могут коснуться студентов лично, - это и может рассматриваться как фактор стирания профессиональной специфики в персональном восприятии медико-социальных проблем. В любом случае, полученные тенденции выглядят настораживающе, и результаты исследования указывают на необходимость проведения внеу-

рочных антинаркотических мероприятий независимо от профиля обучения, а также на целесообразность пересмотра доказательной базы в отношении эффективности конкретных их видов, форм и условий проведения.

ВЫВОДЫ

В течение 2017 – 2021 гг. распространенность объективных представлений о вреде немедицинского потребления наркотических и психотропных веществ и верной самооценки возможностей наркологии была выше у студентов, получающих естественно-научное и медицинское образование, что закономерно соответствует профилю получаемой подготовки.

Во время пандемии коронавируса произошел рост распространенности объективных самооценок опасности наркотиков и возможностей наркологии среди всех студентов, при этом у получающих медико-биологическое образование он был выражен в большей степени.

В постпандемийном периоде произошло сокращение распространенности объективных самооценок опасности наркотиков и возможностей наркологии у студентов естественно-научных и медицинских специальностей, объяснение которому найдено в снижении восприятия учебного процесса в качестве профилактической работы и недостаточном соотношении преподаваемого материала с угрозами собственному здоровью.

Получены основания для пересмотра доказательной базы в отношении эффективности конкретных видов, форм и условий проведения внеурочных антинаркотических мероприятий.

ЛИТЕРАТУРА

1. Деятельность наркологической службы Российской Федерации в 2018-2019 годах : Аналитический обзор / В. В. Киржанова, Н. И. Григорова, Е. Н. Бобков [и др.]. – Москва : ННЦ наркологии – филиал ФГБУ «НМИЦ ПН им. В.П. Сербского», Минздрава России, 2020. – 194 с.
2. Журавлев, А. Л. Анализ интереса населения к информации о пандемии коронавируса (на примере пользователей поисковых систем интернета) / А. Л. Журавлев, Д. А. Китова // Психологический журнал. – 2020. – Т. 41, № 4. – С. 5-18.
3. Киржанова, В. В. Наркоситуация в Российской Федерации в свете реализации государственной антинаркотической политики / В. В. Киржанова // Вопросы наркологии. – 2021. – № 10(205). – С. 5-37.
4. Липатов, В. А. Мониторинг мнения жителей Курской области о проблеме незаконного оборота наркотических веществ на территории региона (результаты социологического опроса) / В. А. Липатов, А. А. Денисов, А. А. Сосновская // Innova. – 2021. – № 1(22). – С. 12-19.
5. Мерзликин, Н. В. Социальная консолидация в контексте специальной военной операции (экспертная оценка) / Н. В. Мерзликин, А. В. Иванов // Наука. Культура. Общество. – 2022. – Т. 28, № 4. – С. 85-96.
6. Наркевич, А. Н. Методы определения минимально необходимого объема выборки в медицинских исследованиях / А. Н. Наркевич, К. А. Виноградов // Социальные аспекты здоровья населения. – 2019. – Т. 65, № 6. – С. 10.
7. Плотникова, М. А. Формирование новых социально-групповых общностей на территории муниципального образования с низкой инициативностью граждан в условиях проведения СВО / М. А. Плотникова // Наука. Культура. Общество. – 2023. – Т. 29, № 2. – С. 18-27.
8. Позднякова, М. Е. Новая наркоситуация в России / М. Е. Позднякова // Вестник Российского фонда фундаментальных исследований. Гуманитарные и общественные науки. – 2019. – № 2(95). – С. 77-89.
9. Позоян, О. Г. Образование в постковидную эпоху: тренды новой реальности / О. Г. Позоян // Вестник Института дружбы народов Кавказа (Теория экономики и управления народным хозяйством). Экономические науки. – 2021. – № 4(60). – С. 12-15.
10. Скворцова, Е. С. Характеристика и особенности употребления наркотических и токсикоманических веществ среди сельских подростков-школьников России в 2016-2017 гг. / Е. С. Скворцова // Современные проблемы здравоохранения и медицинской статистики. – 2020. – № 2. – С. 144-156.
11. Тимошилов, В. И. Анализ мнения студентов Курской области о проблеме инфекций,

передаваемых половым путем, в новых медико-социальных условиях пандемии коронавируса и ее последствий в зависимости от профиля обучения / В. И. Тимошилов, А. В. Бреусов // Современные проблемы здравоохранения и медицинской статистики. – 2023. – № 1. – С. 139-161.

12. Тимошилов, В. И. Наркологические расстройства среди молодежи Курской области в новых медико-социальных условиях: социально-демографические аспекты эпидемиологии и профилактики / В. И. Тимошилов. – Курск : Курский государственный медицинский университет, 2023. – 110 с.

13. Тимошилов, В. И. Особенности профилактики наркопредрасположенности среди студентов естественно-научных специальностей в условиях пандемии коронавируса / В. И. Тимошилов, Ю. С. Петрова // Научное содействие выявлению и профилактике наркопредрасположенности : Сборник научных трудов по материалам Всероссийской научно-практической конференции, Курск, 15 ноября 2022 года / Сост. В.И. Тимошилов, отв. ред. В.А. Липатов. – Курск: Курский государственный медицинский университет, 2022. – С. 38-41.

14. Усток, З. Х. Динамика отношений студентов-медиков к наркотикам, алкоголю и никотину / З. Х. Усток, Н. Н. Алименко // Сборник тезисов 84-ой межрегиональной научно-практической конференции с международным участием студенческого научного общества им. проф. Н.П. Пятницкого, Краснодар, 26–27 апреля 2023 года. – Краснодар: Кубанский государственный медицинский университет, 2023. – С. 909-911.

15. Федоров, А. В. 26 июня - Международный день борьбы со злоупотреблением наркотическими средствами и их незаконным оборотом / А. В. Федоров // Наркоконтроль. – 2020. – № 2. – С. 3-6.

16. Шульгина, Е. В. Сравнительный анализ феномена «контролируемого потребления» наркотиков на Западе и в России / Е. В. Шульгина // Вестник Забайкальского государственного университета. – 2019. – Т. 25, № 1. – С. 72-78.

17. Achmad Basari Eko, W. Efficiency of Interactive Learning Multimedia in Increasing Knowledge of the Dangers of Drug Abuse. Health Education and Health Promotion. 2021; Vol. 9, № 5 Special Issue: 481-485.

18. Ashwill, M. A. During the Covid-19 pandemic, do as the Vietnamese do VnExpress International. <https://e.vnexpress.net/news/perspectives/during-theCovid-19-pandemic-do-as-the-viet-namesedo-4072619.html>

19. Biswas S. Drug Abuse and Drug Trafficking: Non-Traditional Security Threats in Central Asia. Eurasian Crossroads. 2022; Vol. 3, No. 1. <https://doi.org/10.55269/eurcrossrd.3.010510022>.

20. Semyonova, V.A., Sabgaida, T.P., Zubko, A.V. Alcohol and drug abuse as a manifestation of social stress due to the COVID-19 pandemic. European Journal of Public Health. 2021; 31 (S3): 164009. <https://doi.org/10.1093/eurpub/ckab164.009>.

Получена: 20.12.2025 г.

Принята к публикации: 26.03.2026 г.

THE PROBLEM OF DRUG ADDICTION THROUGH THE EYES OF STUDENTS DURING THE PANDEMIC AND POST-PANDEMIC REALITY

© Vladimir I. Timoshilova, Olga E. Mamonova, Anna E. Ulinova

Vladimir I. Timoshilov — Associate Professor, Department of Public Health, Health Care Organization and Economics, Institute of Continuing Education, Candidate of Medical Sciences.
E-mail: timoshilovi@kursksmu.net

Olga E. Mamonova — student, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Kursk State Medical University» of the Ministry of Health of Russia
E-mail: olia.mamonowa2002@yandex.ru

Anna O. Ulinova — student, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Kursk State Medical University» of the Ministry of Health of Russia
E-mail: VasAnna00@mail.RU
Address: 305041, Kursk, K. Marx St., 3. Russian Federation

ABSTRACT

Relevance. The age specificity nature of drug addiction has changed significantly over the past decade, with the introduction of psychoactive substance abuse at school age being replaced by an incidence rate among the 18–24 age group, which corresponds to the student population [1]. In clinical and legal terms, there is a growing trend toward «controlled drug use»—the periodic non-medical use of narcotic and psychotropic substances (NPS) in small doses, based on the mistaken belief that such drug use is safe, despite the general awareness of the harm and danger of drugs [2, 3].

Purpose. To analyze the dynamics of the perceptions and attitudes of students in the Kursk region regarding the problem of drug addiction and measures for its prevention in 2017–2023 in the context of three significant periods.

Materials and methods. A proprietary questionnaire with closed-ended questions was used for the study.

Results. Before the pandemic (2017), students in the natural sciences and medical fields more accurately assessed the harm of non-medical use of narcotic substances: $81.4 \pm 3.7\%$ versus $71.4 \pm 4.2\%$ ($t=3.566$, $p \leq 0.01$). The main misconception was the underestimation of the harm of one-time trials, including «controlled» drug use (relevant for $15.6 \pm 3.5\%$ of natural science and medical students and $25.2 \pm 4.0\%$ of humanities students). A significant difference was found in misconceptions among students who did not have professional knowledge in this area ($t=3.610$, $p \leq 0.01$). The proportion of those who consider the threat of non-medical drug use to be far-fetched and irrelevant was less than 3.5% in both subgroups, with the difference being statistically insignificant ($t=0.341$, $p > 0.05$).

Conclusions. From 2017 to 2021, students of natural sciences and medicine had a better understanding of the risks of non-medical drug use and the capabilities of narcology, which is related to their education. The COVID-19 pandemic led to increased awareness of the dangers of drugs and the role of narcology among future medical professionals and biologists. However, after the pandemic, there was a decline in awareness among medical and natural science students.

KEYWORDS: working youth; drug addiction problems; students; monitoring; prevention.

Conflict of interests. The authors declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

REFERENCES

1. Deyatel'nost' narkologicheskoi sluzhby Rossiiskoi Federatsii v 2018-2019 godakh: Analiticheskii obzor / V.V. Kirzhanova, N.I. Grigor'eva, E.N. Bobkov. – Moskva: NNTS narkologii – filial FGBU «NMITS PN im. V.P. Serbskogo» Minzdrava Rossii. — 2020. – P. 194.
2. Zhuravlev, A.L. Attitude of residents of Russia to information on the coronavirus pandemic (on the example of users of the Internet search systems) / A.L. Zhuravlev, D.A. Kitova // Psikhologicheskii zhurnal. – 2020. – Vol. 4. – P. 5-18.
3. Kirzhanova, V.V. The drug situation in the Russian Federation in light of the implementation of the state anti-drug policy / V.V. Kirzhanova // Journal of addiction problems. – 2021. – Vol. 10(205).

– P. 5-37.

4. Lipatov, V.A. Monitoring the opinion of residents of the Kursk region on the problem of illegal drug trafficking in the region (results of a sociological survey) / V.A. Lipatov, A.A. Denisov, A.A. Sosnovskaya // *Innova*. – 2021. – Vol. 1. – P. 12-19.

5. Merzlikin, N.V. Social consolidation in the context of a special military operation (expert assessment) / N.V. Merzlikin, A.V. Ivanov // *Nauka. Kultura. Obshchestvo*. – 2022. – Vol. 4. – P. 85-96.

6. Narkevich, A.N. Methods for determining the minimum required sample size in medical research / A.N. Narkevich, K.A. Vinogradov // *Social aspects of population health [serial online]*. – 2019. – Vol. 6. – P. 10.

7. Plotnikova, M.A. Formation of new social-group communities on the territory of the municipality with low initiative citizens in conditions of conduction of SMO / M.A. Plotnikova // *Nauka. Kultura. Obshchestvo*. – 2023. – Vol. 2. – P. 18-27.

8. Pozdnyakova, M.E. New Drug Situation in Russia / M.E. Pozdnyakova // *Russian Foundation for Basic Research Journal. Humanities and social sciences*. – 2019. – Vol. 2(95). – P. 77-89.

9. Pozoyan, O.G. Education in the post-teen age: trends of the new reality / O.G. Pozoyan // *Bulletin peoples' friendship Institute of the Caucasus (The economy and national economy management). Economic sciences*. – 2021. – Vol. 4(60). – P. 12-15.

10. Skvortsova, E.S. Characteristics and features of use of drug and toxicomanic substances among rural teenagers of schoolchildren of Russia in 2016-2017 / E.S. Skvortsova // *Current problems of health care and medical statistics*. – 2020. – Vol. 2. – P. 144-156.

11. Timoshilov, V.I. Analysis of opinions of students of the Kursk region on the problem of sexually transmitted infections in the new medical and social conditions depending on the profile of training / V.I. Timoshilov, A.V. Breusov // *Sovremennyye problemy zdravookhraneniya i meditsinskoy statistiki*. – 2023. – Vol. 1. – P. 139-161.

12. Timoshilov, V.I. Narkologicheskie rasstroistva sredi molodezhi Kurskoi oblasti v novykh mediko-sotsial'nykh usloviyakh: sotsial'no-demograficheskie aspekty ehpidemiologii i profilaktiki / V.I. Timoshilov. – Kursk: Kurskii gosudarstvennyi meditsinskii universitet. — 2023. – P. 110.

13. Timoshilov, V.I. Osobennosti profilaktiki narkopredraspolozhennosti sredi studentov estestvenno-nauchnykh spetsial'nostei v usloviyakh pandemii koronavirusa / V.I. Timoshilov, Yu.S. Petrova // *Nauchnoe sodeistvie vyyavleniyu i profilaktike narkopredraspolozhennosti: Sbornik nauchnykh trudov po materialam Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii*. – Kursk. — 2022. – P. 38-41.

14. Ustok, Z.Kh. Dinamika otnoshenii studentov-medikov k narkotikam, alkogolyu i nikotinu / Z.Kh. Ustok, N.N. Alimenko // *Sbornik tezisov 84-oi mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem studencheskogo nauchnogo obshchestva im. prof. N.P. Pyatnitskogo*. – Krasnodar. — 2023. – P. 909-911.

15. Fedorov, A.V. June 26: The international day against drug abuse and illicit trafficking / A.V. Fedorov // *Narcocontrol*. – 2020. – Vol. 2. – P. 3-6.

16. Shulgina, E.V. Comparative analysis of the phenomenon «controlled consumption» of drugs on the West and in Russia / E.V. Shulgina // *Transbaikal State University Journal*. – 2019. – Vol. 1. – P. 72-78.

17. Achmad Basari Eko, W. Efficiency of Interactive Learning Multimedia in Increasing Knowledge of the Dangers of Drug Abuse / W. Achmad Basari Eko // *Health Education and Health Promotion*. – 2021. – Vol. 9, № 5 Special Issue. – P. 481-485.

18. Ashwill, M.A. During the Covid-19 pandemic, do as the Vietnamese do / M.A. Ashwill // *Vn-Express International*. – [Publication year missing].

19. Biswas, S. Drug Abuse and Drug Trafficking: Non-Traditional Security Threats in Central Asia / S. Biswas // *Eurasian Crossroads*. – 2022. – Vol. 3, № 1.

20. Semyonova, V.A. Alcohol and drug abuse as a manifestation of social stress due to the COVID-19 pandemic / V.A. Semyonova, T.P. Sabgaida, A.V. Zubko // *European Journal of Public Health*. – 2021. – Vol. 31(S3). – P. 164009.

Received: 20.12.2025

Accepted: 26.03.2026

DOI: 10.21626/j-chr/2026-1(46)/8
УДК: 159.944.4:378.183

Социальная психология

МОДИФИКАЦИЯ МЕТОДИКИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ВЫГОРАНИЯ К. МАСЛАЧ И С. ДЖЕКСОН (В АДАПТАЦИИ Н.Е. ВОДОПЬЯНОВОЙ) НА ВЫБОРКЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ОРИЕНТИРОВАННЫХ ВОЛОНТЕРОВ

© Л.Н. Молчанова, К.В. Касьянова

Молчанова Л.Н. – доктор психологических наук, профессор кафедры психологии здоровья и нейропсихологии, Курский государственный медицинский университет
e-mail: molchanowa.liuda@yandex.ru

Касьянова К. В. – ассистент кафедры психологии здоровья и нейропсихологии, Курский государственный медицинский университет
e-mail: sam.meteorit@yandex.ru
Адрес: 305000, г. Курск, ул. К. Маркса, 3, Российская Федерация

92

АННОТАЦИЯ

Актуальность. В виду нарастающей активности и многообразия волонтерского движения в мире существует необходимость в определении ряда психологических феноменов, связанных с их деятельностью, в частности, состояния выгорания. На сегодняшний день существует большое количество психологического инструментария для его диагностики у различных профессиональных групп, но нет учета особой специфики волонтерской деятельности. Выгорание как психическое явление является результатом нарушения сложной системы регуляции в деятельности субъекта. Под деятельностью в данном случае понимаем включенность волонтера в оказание помощи благополучателям в рамках профессионально-ориентированного взаимодействия.

Цель состоит в модификации методики диагностики профессионального выгорания К. Маслач, С.Е. Джексона (в адаптации Н.Е. Водопьяновой) для профессионально-ориентированных волонтеров.

Материалы и методы. Общий объем выборки составили 235 профессионально-ориентированных волонтеров от 19 до 26 лет со стажем деятельности 2-5 лет. Оценка теоретической структуры опросника осуществлялась в ходе проведения процедуры эксплораторного, ее эмпирическое подтверждение – конфирматорного факторного анализа, надежности по однородности ÷ критерия альфа Кронбаха, ретестовой надежности ÷ при повторном применении методики с помощью коэффициента корреляции Пирсона. Обработка полученных данных проводилась с использованием статистических программ Jamovi версии 2.6.44, StatSoft STATISTICA 10.

Результаты исследования. Модифицированный опросник позволяет оценить степень выраженности профессионального выгорания профессионально-ориентированных волонтеров и прогнозировать развитие эмоциональной нестабильности и профессионального неблагополучия, а также снижение уровня мотивации и трудоспособности. По результатам эксплораторного факторного анализа выявлено три шкалы. Полученные по отдельным показателям данные свидетельствуют о высокой ретестовой надежности методики (0,812). Подтверждена высокая надежность шкал по однородности ($\alpha = 0,74$).

Выводы. Опросник соответствует основным психометрическим требованиям, имеет предсказуемые связи, подтверждающие разработанный теоретический конструкт, обладает оптимальной надежностью и валидностью.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: профессиональное выгорание; профессионально-ориентированное волонтерство; психодиагностика; эмоциональное истощение; деперсонализация; редукция волонтерских достижений.

Конфликт интересов. Авторы декларируют об отсутствии явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Первая версия опросника «Maslach Burnout Inventory» (MBI), разработанная К. Маслак и С.Е. Джексона получила свою популярность в 80-е годы 20 века. Большое количество исследований с его помощью позволило выявить выраженность состояния выгорания у специалистов различных профессий [1, 3]. Знание его феноменологии и генеза способствовало решению в тот период в основном ряда управленческих задач. Сейчас варианты адаптации данной методики позволяют детализировано изучить выгорание у специалистов в определенных профессиональных группах, что существенно повышает возможности профилактического потенциала и сохранение психического здоровья [2, 12].

Категория «burnout» («выгорание» или «сгорание», «перегорание»), является широко распространенной в российской психологической литературе. Современное понимание феномена выгорания сводится к множеству обозначений и интерпретаций, а также различных концепций относительно структуры, причин возникновения и процесса протекания [3,10].

В модифицированном варианте методики термин «профессиональное выгорание» понимается как результат нарушения сложной системы регуляции психического состояния [4, 5]. добровольцев как субъекта профессионально-ориентированной волонтерской деятельности, дезорганизации их профессионально-личностного развития (в рамках начального этапа профессионализации) [5, 24].

Часто профессиональное выгорание выступает производной нарушения баланса между ожиданием и реальностью и проявляется в виде эмоциональной усталости и опустошенности, негативизма по отношению к благополучателям и коллегам [11], пессимистического настроения относительно собственных результатов, потери творческой и познавательной активности в поиске решения сложных задач, психологической незащищенности [5, 8, 13]. Оно может включать социальные установки, снижающие уровень неопределенности результатов выполняемой трудовой деятельности [9, 18], а также копинг-стратегии деструктивного поведения, что находит отражение в изменении структуры и содержания волонтерской деятельности [15], оказывает отрицательное влияние на ее эффективность и качество выполнения, удовлетворенность самореализацией [21, 17].

Важно, что начальный период профессиональной адаптации предполагает осознание специалистом своей недостаточной компетентности. Для учета данного утверждения было решено добавить в выборку волонтеров со стажем деятельности 2-5 лет.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

В процедуре модификации методики «Профессионального выгорания» участвовали 235 профессионально-ориентированных волонтеров молодых волонтеров (19 - 26 лет; девушек – 155, юношей - 80) с опытом работы от 2 до 5 лет.

Для определения и подтверждения структуры опросника применяли эксплораторный и конфирматорный факторный анализ. Внутренняя согласованность оценена с помощью критерия альфа Кронбаха, ретестовая надежность - коэффициент корреляции Пирсона, а стандартизация шкал опросника - алгоритма нелинейной стандартизации. Математическая оценка данных реализована с помощью программного обеспечения Jamovi версии 2.6.44, StatSoft STATISTICA 10.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

Опросник представляет собой модификацию методики «Профессиональное выгорание» К. Маслач и С. Джексон (в адаптации Н.Е. Водопьяновой).

Проверка на нормальность распределения. Распределение показателей по шкалам «Эмоциональное истощение» ($W=0,98419$), «Деперсонализация» ($W=0,98678$) и «Редукция волонтерских достижений» ($W=0,97457$) соответствует нормальному (см. таблицу 1, рис. 1-3). В пользу симметричности распределения данных говорит совпадение средних значений и медиан, а значения асимметрии лежат в пределах от $-0,5$ до $0,5$.

Таблица 1. Описательная статистика показателей методики
Table 1. Descriptive statistics of methodology indicators

Показатель	M	Me	SD	Асимметрия	Стандартная ошибка асимметрии	Экссесс	Стандартная ошибка эксцесса
Эмоциональное истощение	24,46	24,0	7,26	0,412	0,114	-0,076	0,228
Деперсонализация	13,59	14,0	4,75	0,062	0,114	0,455	0,228
Редукция волонтерских достижений	32,29	33,0	7,06	-0,557	0,114	1,139	0,228
Общий уровень выгорания	70,34	71,0	12,00	-0,279	0,114	3,518	0,228

94

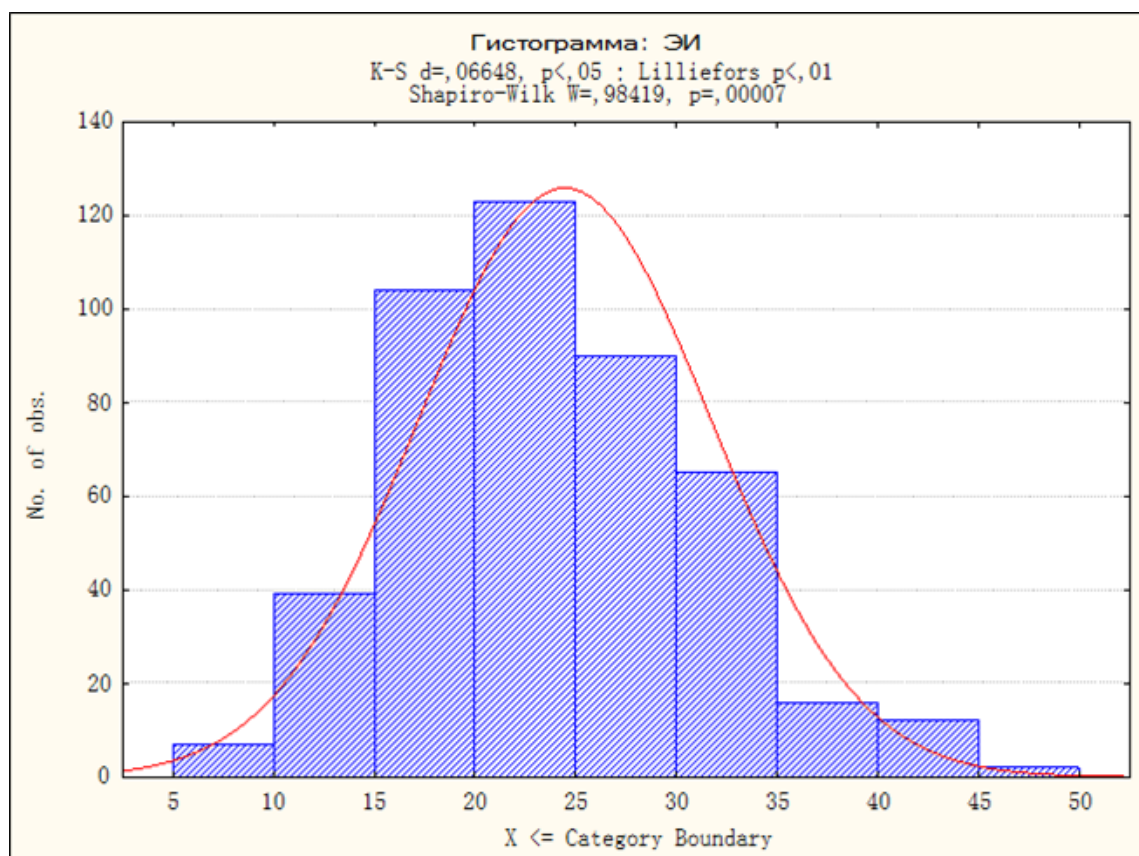

Рисунок 1. Гистограмма распределения показателей эмоционального истощения
Figure 1. Histogram of the distribution of indicators of emotional exhaustion

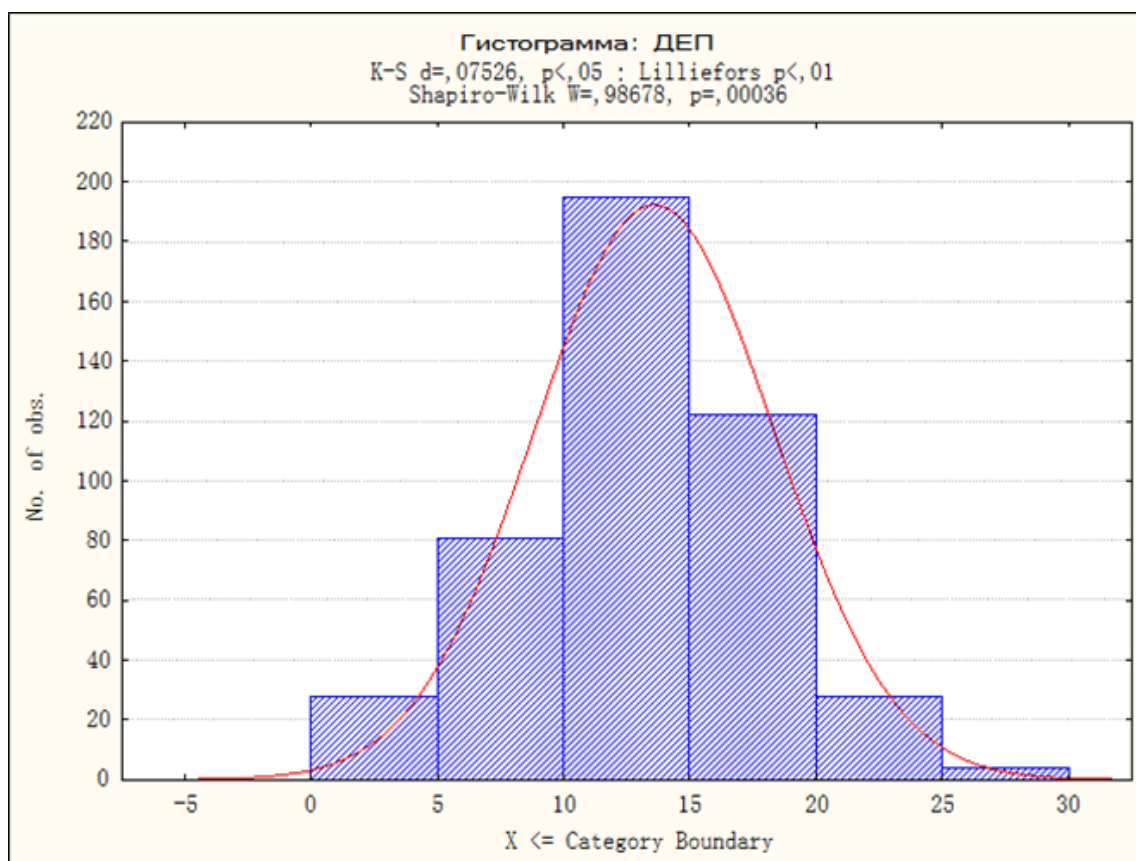

Рисунок 2. Гистограмма распределения показателей деперсонализации

Figure 2. Histogram of the distribution of depersonalization indicators

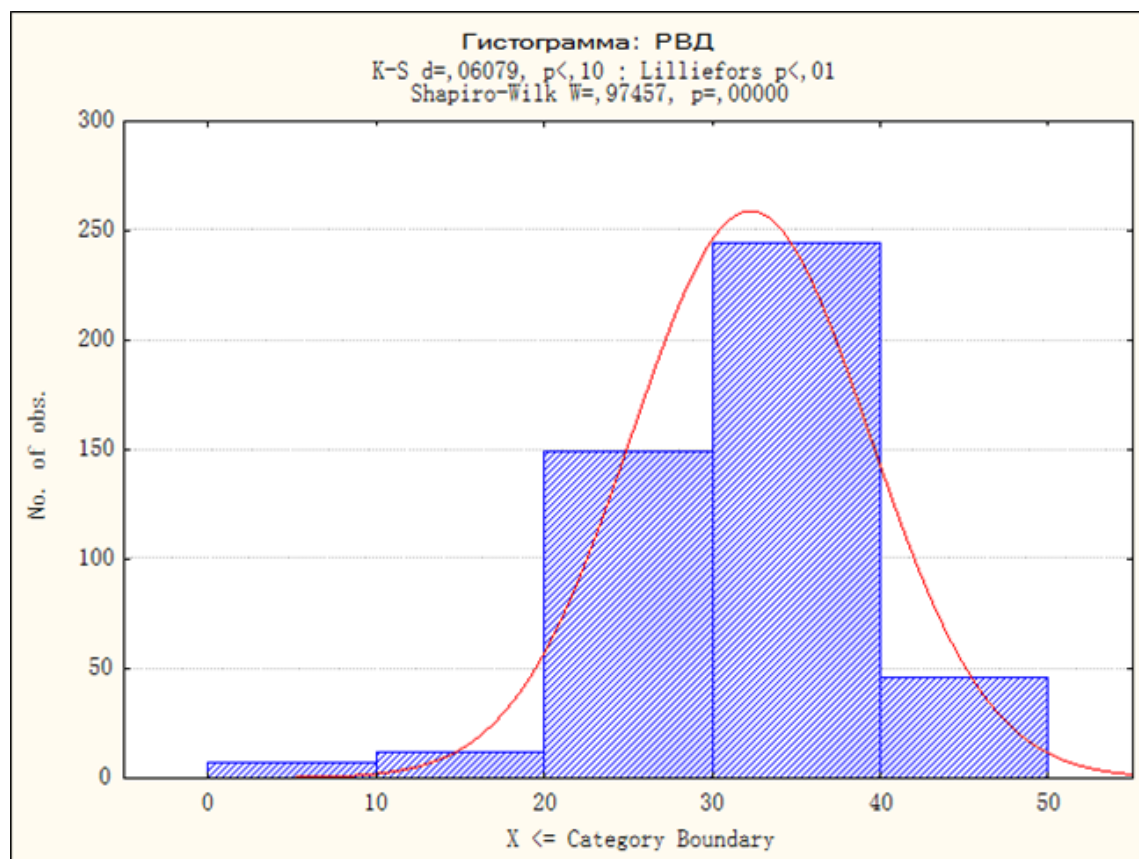

Рисунок 3. Гистограмма распределения показателей редукции волонтерских достижений

Figure 3. Histogram of the distribution of indicators of reduction of volunteer achievements

Таблица 2. Результаты эксплораторного факторного анализа
Table 2. The results of the exploratory factor analysis

Пункт опросника	Факторы		
	1 - «Редукция волонтерских достижений»	2 - «Деперсонализация»	3 - «Эмоциональное истощение»
1- Я чувствую себя эмоционально опустошенным(ой).	-	-	0,685
2- К концу рабочего дня я чувствую себя, как выжатый лимон.	-	-	0,646
3 - Я чувствую себя усталым(ой), когда встаю утром и должен(на) идти на мероприятие.	-	-	0,646
4 - Я хорошо понимаю, что чувствуют мои коллеги и подопечные, и использую это для более успешной коммуникации.	0,378	-	-
5- Я общаюсь с благополучателями только формально, без лишних эмоций, и стремлюсь свести время общение с ними до минимума.	-	0,453	-
6 -Я чувствую себя энергичным(ой) и эмоционально приподнятым(ой).	-	-	-0,421
7 -Я умею находить правильное решение в конфликтных ситуациях с благополучателями.	0,582	-	-
8- Я чувствую утнетенность и апатию.			0,466
9 - Я уверен(а), что моя работа нужна людям.	0,663		
10 -В последнее время я стал(а) более черствым(ой) и бесчувственным(ой) по отношению к проблемам подопечных.	-	0,676	-
11 -Как правило, окружающие меня люди слишком много требуют от меня. Они скорее утомляют, чем радуют меня.	-	0,545	-
12 -У меня много планов на будущее, и я верю в их осуществление.	0,696	-	-
13 -Я испытываю все больше жизненных разочарований в волонтерстве.	-	-	0,652
14 -Я чувствую равнодушие и потерю интереса ко многому, что радовало меня раньше.	-	-	0,546
15 -Я чувствую, что моя деятельность может приносить мне доход.		0,424	
16 -Мне хочется уединиться и отдохнуть от всего и от всех.			0,374
17 -Я легко могу создать атмосферу доброжелательности и оптимизма в отношениях с волонтерами и в отношениях с благополучателями.	0,625	-	-
18 -Я легко общаюсь с благополучателями и их родственниками независимо от их социального статуса и характера.	0,589	-	-
19 -У меня есть собственный распорядок дня.	0,419	-	-
20 -Я чувствую себя на пределе своих возможностей.	-	-	0,459
21 -Я чувствую, что многого еще смогу достичь в волонтерской деятельности.	0,523	-	-
22 -Я думаю, что не нужно для кого-либо сильно напрягаться.	-	0,593	-
Доля общей дисперсии, %	14,3	27,7	39,1

Примечание. Метод извлечения 'Минимальный остаток' использовался в сочетании с вращением «Облимин».

благополучателями, об используемых в реализации добровольческой деятельности стратегиях поведения. Эксплораторный факторный анализ позволил выделить три шкалы: «Эмоциональное истощение», «Деперсонализация» и «Редукция волонтерских достижений». Для оценки результатов предназначена шестибалльная шкала с вариабельностью ответов от 1 – «ВСЕГДА» до 6 – «НИКОГДА». О наличии высокого уровня выгорания волонтеров свидетельствуют высокая выраженность показателей шкал «Эмоциональное истощение» и «Деперсонализация» и низкая по шкале «Редукция волонтерских достижений». Следовательно, чем больше волонтер обесценивает свои достижения и компетентность, тем в меньшей степени он удовлетворен профессиональной и тем в большей степени подвержен выгоранию.

Кроме того, получены следующие показатели соответствия теоретической модели эмпирическим данным: величина критерия TL1 (Такера-Льюиса) [8] равная 0,903 при $\chi^2 = 280$, df (степеней свободы) = 168 и $p < 0,001$; тест Тест Бартлетта на сферичность указал на $\text{Chi-squared} = 381$, $df = 190$, $p < 0,001$; величина показателя КМО (меры адекватности выборки Кайзера-Мейера-Олкина; статистический показатель от 0 до 1), определяющая пригодность данных для факторного анализа, соответствует хорошему и отличному уровню (см. таблицу 3):

Таблица 3. Мера адекватности выборки, используемой в эксплораторном факторном анализе
Table 3. A measure of the adequacy of the sample used in the exploratory factor analysis

	КМО мера адекватности выборки	MSA
	Всеобъемлющий	0,842
1	Я чувствую себя эмоционально опустошенным(ой).	0,819
2	К концу рабочего дня я чувствую себя, как выжатый лимон	0,840
3	Я чувствую себя усталым(ой), когда встаю утром и должен(на) идти на мероприятие	0,870
4	Я хорошо понимаю, что чувствуют мои коллеги и подопечные, и использую это для более успешной коммуникации	0,713
5	Я общаюсь с благополучателями только формально, без лишних эмоций, и стремлюсь свести время общения с ними до минимума	0,870
6	Я чувствую себя энергичным(ой) и эмоционально приподнятым(ой)	0,836
7	Я умею находить правильное решение в конфликтных ситуациях с благополучателями	0,837
8	Я чувствую угнетенность и апатию	0,883
9	Я уверен(а), что моя работа нужна людям.	0,830
10	В последнее время я стал(а) более черствым(ой) и бесчувственным(ой) по отношению к проблемам подопечных	0,870
11	Как правило, окружающие меня люди слишком много требуют от меня. Они скорее утомляют, чем радуют меня	0,875
12	У меня много планов на будущее, и я верю в их осуществление	0,863
13	Я испытываю все больше жизненных разочарований в волонтерстве	0,811
14	Я чувствую равнодушие и потерю интереса ко многому, что радовало меня раньше	0,895
15	Я чувствую, что моя деятельность может приносить мне доход	0,734
16	Мне хочется уединиться и отдохнуть от всего и от всех	0,878
17	Я легко могу создать атмосферу доброжелательности и оптимизма в отношениях с волонтерами и в отношениях с благополучателями	0,758
18	Я легко общаюсь с благополучателями и их родственниками независимо от их социального статуса и характера	0,783
19	У меня есть собственный распорядок дня	0,751
20	Я чувствую себя на пределе своих возможностей	0,859
21	Я чувствую, что многого еще смогу достичь в волонтерской деятельности	0,890
22	Я думаю, что не нужно для кого-либо сильно напрягаться	0,839

Приведем данные конфирматорного факторного анализа, позволяющего оценить, насколько хорошо предложенная модель соответствует реальным данным, и формируют ли определенные переменные конкретные факторы. Как видно из таблицы 4, факторные нагрузки, отражающие силу и направление связи между наблюдаемыми переменными (индикаторами) и латентными

факторами, имеют значения как меньше 0,4 (слабая связь), так и $\geq 0,7$, что свидетельствует о том, что скрытый фактор объясняет более 50% дисперсии индикатора (высокая конвергентная валидность).

Таблица 4. Результаты конфирматорного факторного анализа

Table 4. The results of the confirmatory factor analysis

Фактор	Индикатор	Вес	SE	Z	p	Стандартная оценка
Эмоциональное истощение	1-Я чувствую себя эмоционально опустошенным(ой).	0,908	0,084	10,88	<0,001	0,701
	2- К концу рабочего дня я чувствую себя, как выжатый лимон.	0,727	0,077	9,50	<0,001	0,621
	3 - Я чувствую себя усталым(ой), когда встаю утром и должен(на) идти на мероприятие.	0,756	0,083	9,16	<0,001	0,593
	6 -Я чувствую себя энергичным(ой) и эмоционально приподнятым(ой).	-0,348	0,071	-4,94	<0,001	-0,328
	8- Я чувствую угнетенность и апатию.	0,966	0,079	12,25	<0,001	0,739
	13-Я испытываю все больше жизненных разочарований в волонтерстве.	0,689	0,078	8,86	<0,001	0,583
	14 -Я чувствую равнодушие и потерю интереса ко многому, что радовало меня раньше.	0,876	0,074	1,85	<0,001	0,708
	16 -Мне хочется уединиться и отдохнуть от всего и от всех.	0,608	0,074	8,17	<0,001	0,522
20 -Я чувствую себя на пределе своих возможностей.	0,599	0,077	7,81	<0,001	0,494	
Деперсонализация	5- Я общаюсь с благополучателями только формально, без лишних эмоций, и стремлюсь свести время общения с ними до минимума.	0,513	0,076	6,73	<0,001	0,463
	10 -В последнее время я стал(а) более черствым(ой) и бесчувственным(ой) по отношению к проблемам подопечных.	0,918	0,079	11,64	<0,001	0,736
	11-Как правило, окружающие меня люди слишком много требуют от меня. Они скорее утомляют, чем радуют меня.	0,778	0,079	9,84	<0,001	0,644
	15-Я чувствую, что моя деятельность может приносить мне доход.	0,156	0,097	1,61	0,107	0,117
	22-Я думаю, что не нужно для кого-либо сильно напрягаться.	0,561	0,079	7,14	<0,001	0,494
Редукция волонтерских достижений	4- Я хорошо понимаю, что чувствуют мои коллеги и подопечные, и использую это для более успешной коммуникации.	0,465	0,091	5,18	<0,001	0,375
	7-Я умею находить правильное решение в конфликтных ситуациях с благополучателями.	0,501	0,067	7,45	<0,001	0,526
	9 - Я уверен(а), что моя работа нужна людям.	0,670	0,074	9,02	<0,001	0,620
	12 -У меня много планов на будущее, и я верю в их осуществление.	0,712	0,077	9,23	<0,001	0,638
	17 -Я легко могу создать атмосферу доброжелательности и оптимизма в отношениях с волонтерами и в отношениях с благополучателями.	0,660	0,078	8,95	<0,001	0,614
	18-Я легко общаюсь с благополучателями и их родственниками независимо от их социального статуса и характера.	0,575	0,078	7,34	<0,001	0,521
	19-У меня есть собственный распорядок дня.	0,428	0,096	4,48	<0,001	0,319
	21 -Я чувствую, что многого еще смогу достичь в волонтерской деятельности.	0,757	0,089	8,47	<0,001	0,578

Следует отметить, что полученные результаты соответствия, такие, как: $\chi^2 = 381$, $df = 190$, $p < 0,001$, $CFI = 0,875$, $TLI = 0,848$, $SRMR = 0,0835$ часто на практике смягчаются и согласуются с величинами: $CFI \geq 0,90$, $TLI \geq 0,90$ и $SRMR \leq 0,08$ [19] и расцениваются как умеренное соответствие данных модели. Вопросы методики формируют конкретные факторы.

Стандартная оценка факторных ковариаций в конфирматорном факторном анализе [14] (см. таблицу 5; $< 0,85$ или $< 0,90$) свидетельствует о высокой дискриминантной валидности и подтверждает то, что факторы «Эмоциональное истощение», «Деперсонализация» и «Редукция волонтерских достижений» являются независимыми, что переменные, относящиеся к одному фактору, не имеют слишком сильной связи с другим фактором.

Таблица 5. Факторные ковариации в конфирматорном факторном анализе

Table 5. Factor covariances in confirmatory factor analysis

Факторные ковариации	Факторы	Вес	SE	Z	p	Стандартная оценка
Эмоциональное истощение	Эмоциональное истощение	1,000*				
	Деперсонализация	0,847	0,043	19,51	$< 0,001$	0,847
	Редукция волонтерских достижений	-0,255	0,078	-3,28	0,001	-0,255
Деперсонализация	Деперсонализация	1,000*				
	Редукция волонтерских достижений	-0,207	0,087	-2,39	0,017	-0,207
Редукция волонтерских достижений	Редукция волонтерских достижений	1,000*				

* фиксированный параметр

Основные характеристики методики ÷ показатели надёжности по однородности (*внутренняя согласованность*) и во времени (*ретестовая надёжность*). Внутренняя согласованность заданий теста оценивалась на той же выборке, что и анализ пунктов, путем вычисления значений коэффициента альфа Кронбаха [23]. Ее значения, представленные в таблице 6, свидетельствуют о высокой надёжности шкал по однородности:

Таблица 6. Результаты проверки внутренней согласованности тестовых вопросов

Table 6. The results of checking the internal consistency of the test questions

Номер вопроса	Mean	Var	Stdv.	Itm-Totl	Alpha
Вопрос 1	47,07	103,58	10,18	0,38	0,75
Вопрос 2	46,43	103,56	10,18	0,43	0,74
Вопрос 3	46,71	103,56	10,18	0,38	0,75
Вопрос 4	46,14	107,58	10,37	0,23	0,76
Вопрос 5	47,17	106,29	10,31	0,33	0,75
Вопрос 6	46,02	113,54	10,66	0,02	0,77
Вопрос 7	45,74	109,37	10,46	0,24	0,75
Вопрос 8	47,09	102,60	10,13	0,41	0,74
Вопрос 9	45,57	109,38	10,46	0,19	0,76
Вопрос 10	47,31	102,19	10,11	0,45	0,74
Вопрос 11	47,07	103,23	10,16	0,42	0,74
Вопрос 12	45,54	109,35	10,46	0,18	0,76
Вопрос 13	47,66	107,30	10,36	0,26	0,75
Вопрос 14	47,12	103,73	10,18	0,39	0,74
Вопрос 15	46,10	106,33	10,31	0,26	0,75
Вопрос 16	46,24	103,93	10,19	0,42	0,74
Вопрос 17	45,67	107,21	10,35	0,30	0,75
Вопрос 18	45,66	107,23	10,36	0,29	0,75
Вопрос 19	46,27	106,68	10,33	0,24	0,76
Вопрос 20	46,80	101,77	10,09	0,48	0,74
Вопрос 21	46,22	109,26	10,45	0,15	0,76
Вопрос 22	46,97	107,19	10,35	0,28	0,75

Ретестовая надежность определялась путем повторной реализации методики с участием первоначальной выборки волонтеров-медиков. Полученные по отдельным показателям данные свидетельствуют о высокой ретестовой надежности теста ($r=0,812$).

Для стандартизации шкал опросника использовался алгоритм нелинейной стандартизации, предложенной Н.Е. Водопьяновой, Е.С. Старченковой, А.Д. Наследовым [3] (см. таблицу 7).

Таблица 7. Оценки параметров выгорания

Table 7. Estimates of burnout parameters

	Стены	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
ЭИ	%	1,9	5,9	9,1	13,9	18,8	20,5	14,6	10,7	4,4	2,3
	СБ	<7	7-10	11-14	15-18	19-22	23-27	28-31	32-36	37-40	>40
Д	%	1,7	5,1	10,2	12,5	21,1	21,2	16,1	8,4	3,8	2,3
	СБ	0	1-2	3-4	5-6	7-8	9-12	13-15	16-18	19-20	>20
РВД	%	3,1	4,6	10,2	12,1	21,8	18,3	16,6	12,1	4,8	2,0
	СБ	>47	45-46	42-44	39-41	34-38	31-33	28-30	22-27	18-21	0-17

*ЭИ – эмоциональное истощение

*Д – деперсонализация

*РВД – редукция волонтерских достижений

*СБ – сырые баллы

Таким образом, модифицированная методика выгорания для профессионально-ориентированных волонтеров отвечает основным психометрическим требованиям [22], имеет предсказуемые связи, подтверждающие разработанный теоретический конструкт, обладает оптимальной надежностью и валидностью.

ВЫВОДЫ

На основе методики МВІ (К. Маслак, С.Е. Джексон) [16] была получена модифицированная методика диагностики выгорания волонтеров в условиях профессионально-ориентированной волонтерской деятельности. При этом профессиональное выгорание рассматривается как результат дезорганизации профессионально-личностного развития добровольцев, занимающихся профессионально-ориентированной волонтерской деятельностью (в рамках начального этапа профессионализации) [5; 24], как результат нарушения сложной системы регуляции субъекта деятельности [4; 5]. Его проявления характеризуются ухудшением качеством помощи, отсутствием адекватной оценки «ожидание-реальность», негативными установками по отношению к коллегам и подопечным, безразличием к собственным результатам, эмоциональной опустошенностью, профессиональным пресыщением и общим утомлением от надситуативной активности [5; 20].

Эмпирически доказано, что шкалы опросника соответствуют нормальному распределению. По результатам эксплораторного факторного анализа выявлена трехфакторная структура опросника с наибольшими факторными нагрузками, свидетельствующая о соответствии структуре состояния выгорания. Величины критериев соответствия (CFI, TLI, SRMR), полученные в ходе проведения конфирматорного факторного анализа, подтверждают предположение о существовании измеряемого теоретического конструкта - профессионального выгорания волонтеров, состоящего из элементов (шкал) «Эмоциональное истощение», «Деперсонализация» и «Редукция волонтерских достижений».

Полученные результаты продемонстрировали высокую надежность шкал и по однородности, и по времени. Коэффициент альфа Кронбаха составил 0,74, что соответствует высокой внутренней согласованности вопросов. Коэффициент корреляции Пирсона по отдельным показателям равен 0,812, что свидетельствуют о высокой ретестовой надежности опросника.

ЛИТЕРАТУРА

1. Водопьянова, Н.Е. Новая версия опросника профессионального выгорания для IT-специалистов / Н.Е. Водопьянова, Э.В. Патраков, Л.Г. Бугулиев // Перспективы науки и образования. - 2023. - № 6 (66). - С. 424-439. DOI: 10.32744/pse.2023.6.25
2. Водопьянова, Н.Е. Синдром выгорания. Диагностика и профилактика: практическое пособие / Н.Е. Водопьянова, Е.С. Старченкова. - 3 изд. - М: Изд-во Юрайт, 2019. - 299 с.
3. Водопьянова, Н.Е. Стандартизированный опросник «Профессиональное выгорание» для специалистов социомических профессий / Н.Е. Водопьянова, Е.С. Старченкова, А.Д. Наследов // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 12. Психология. Социология. Педагогика. - 2013. - № 4. - С. 17-27.
4. Молчанова, Л.Н. Особенности структурной организации социальных установок межличностного взаимодействия «выгорающих» волонтеров в условиях экстремизации профессионально-ориентированной добровольческой деятельности / Л.Н. Молчанова, К.В. Касьянова // Коллекция гуманитарных исследований. - 2025. - № 2 (43). - С. 16-29. DOI 10.21626/j-chr/2025-2(43)/2.
5. Молчанова, Л.Н. Социальные установки межличностного взаимодействия как факторы возникновения и преодоления профессионального выгорания у волонтеров-медиков в условиях профессионально ориентированной волонтерской деятельности / Л.Н. Молчанова, К.В. Касьянова // Перспективы науки и образования. - 2023. - № 3 (63). - С. 557-571. DOI 10.32744/pse.2023.3.33.
6. Наследов А.Н. IBM SPSS Statistics 20 и AMOS: профессиональный статистический анализ данных / А.Н. Наследов. - СПб. : Питер, 2013 – 416 с.
7. Argentero, P et al. Il burnout negli operatori sanitari volontari [Burnout in volunteer health workers]. Giornale italiano di medicina del lavoro ed ergonomia. 2006. vol. 28,3 Suppl 2, pp. 77-82.
8. Cai L., Chung S.W., Lee T. Incremental Model Fit Assessment in the Case of Categorical Data: Tucker-Lewis Index for Item Response Theory Modeling. Prev Sci 2023. №24, pp. 455-466. DOI: 10.1007/s11121-021-01253-4
9. Fontana, Maria Carolina Pedro et al. Burnout syndrome, extracurricular activities and social support among Brazilian internship medical students: a cross-sectional analysis. BMC medical education. 2020. vol. 20(1). p. 81. DOI:10.1186/s12909-020-01998-6
10. Gabassi, P. G., Cervai, S., Rozbowski, P., Semeraro, A., Gregori, D. Burnout syndrome in the helping professions. Psychological reports. 2002. 90(1). pp. 309-314. DOI: 10.2466/pr0.2002.90.1.309
11. Gulalp B, Karcioğlu O, Sari A, Koseoglu Z. Burnout: need help? J Occup Med Toxicol. 2008. Vol. 3 p.32. DOI: 10.1186/1745-6673-3-32.
12. Iserson KV. Burnout Syndrome: Global Medicine Volunteering as a Possible Treatment Strategy. J Emerg Med. 2018. 54(4). pp.516-521. DOI: 10.1016/j.jemermed.2017.12.062.
13. Leiter M.P., Maslach C. Latent burnout profiles: A new approach to understanding the burnout experience. Burnout Research. 2016. Vol. 3. P. 89-100. DOI: 10.1016/j.burn.2016.09.001
14. Li C.H. Confirmatory Factor Analysis with Ordinal Data: Comparing Robust Maximum Likelihood and Diagonally Weighted Least Squares. Behavior Research Methods. 2016. vol. 48, no 3, pp. 936-949. DOI: 10.3758/S13428-015-0619-7
15. Li J, Ge C, Li S. The Association of Volunteer Motivation and Thriving at Work of College Students During COVID-19: Job Burnout and Psychological Capital as Mediators. Front Public Health. 2022. №10. p. 923196. DOI: 10.3389/fpubh.2022.923196.
16. Maslach C., Jackson S.E. The Measurement of Experienced Burnout. Journal of Organizational Behavior. 1981. №2. С. 99-113. DOI: 10.1002/job.4030020205 Harrington D. Confirmatory factor analysis. Oxford : Oxford University Press. 2009. 122 с.
17. Maslanka H. Burnout, social support and AIDS volunteers. AIDS care. 1996. vol. 8(2). pp. 195-206. DOI:10.1080/09540129650125876
18. Metzger T, Nguyen N, Le H, Havo D, Ngo K, Lee S, Nguyen T, Nguyen Q, Tran L, Tong N, Le C, Dudovitz R. Does volunteering decrease burnout? Healthcare professional and student perspectives on burnout and volunteering. Front Public Health. 2024 . №12. p.1387494. DOI: 10.3389/fpubh.2024.1387494.
19. Nye C.D. Reviewer Resources: Confirmatory Factor Analysis. Organizational Research Methods. 2022. DOI: 10.1177/10944281221120541
20. Roberts F, Teague B, Lee J, Rushworth I. The Prevalence of Burnout and Secondary Traumatic Stress in Professionals and Volunteers Working With Forcibly Displaced People: A Systematic Review and Two Meta-Analyses. J Trauma Stress. 2021 34(4). pp. 773-785. DOI: 10.1002/jts.22659.
21. Shadid A, Shadid AM, Shadid A, Almutairi FE, Almotairi KE, Aldarwish T, Alzamil O, Alkholaiwi F, Khan SU. Stress, Burnout, and Associated Risk Factors in Medical Students. Cureus. 2020. 12(1)

p.e6633. DOI: 10.7759/cureus.6633.

22. Terwee C.B., Bot S.D., de Boer M.R., et al. Quality criteria were proposed for measurement properties of health status questionnaires // *Journal of Clinical Epidemiology*. 2007. Vol. 60 (1). P. 34–42. DOI: 10.1016/j.jclinepi.2006.03.012

23. Trizano-Hermosilla I., Alvarado J.M. Best alternatives to Cronbach's Alpha reliability in realistic conditions: Congeneric and asymmetrical measurements. *Frontiers in Psychology*. 2016. Vol. 7. P. 769. DOI: 10.3389/fpsyg.2016.00769

24. Wang J., Wang W., Laureys S., Di H. Burnout syndrome in healthcare professionals who care for patients with prolonged disorders of consciousness: a cross-sectional survey. *BMC health services research*. 2020. №20. DOI:10.1186/s12913-020 05694-5

Получена: 28.12.2025 г.

Принята к публикации: 26.03.2026 г.

MODIFICATION OF THE PROFESSIONAL BURNOUT METHODOLOGY BY K. MASLACH AND S. JACKSON (ADAPTED BY N.E. VODOPYANOVA) ON A SAMPLE OF PROFESSIONALLY ORIENTED VOLUNTEERS

© Lyudmila N. Molchanova, Kristina V. Kasyanova

Lyudmila N. Molchanova – Doctor of Psychology, Professor, Department of Psychology of Health and Neuropsychology, Kursk State Medical University
e-mail: molchanowa.liuda@yandex.ru

Kristina V. Kasyanova – Assistant Department of Health Psychology and Neuropsychology, Kursk State Medical University
e-mail: sam.meteorit@yandex.ru
Address: 305041, Kursk, K. Marx St., 3. Russian Federation

ABSTRACT

Relevance. Given the growing activity and diversity of the volunteer movement worldwide, there is a need to identify a number of psychological phenomena associated with their activities, particularly burnout. Currently, a large number of psychological tools exist for diagnosing burnout in various professional groups, but they do not take into account the specific characteristics of volunteer work. Burnout as a psychological phenomenon results from a disruption of the complex regulatory system within the individual's activity.

Purpose of the study is to modify the K. Maslach and S.E. Jackson method of diagnosing professional burnout (adapted by N.E. Vodopyanova) for professionally oriented volunteers.

Materials and methods. The total sample size consisted of 235 professionally oriented volunteers aged 19 to 26 with 2-5 years of experience. The questionnaire structure was determined using exploratory factor analysis and confirmed using confirmatory factor analysis. Internal consistency was assessed using Cronbach's alpha, and test-retest reliability was assessed using the Pearson correlation coefficient. The data were processed using Jamovi version 2.6.44 and StatSoft STATISTICA 10 statistical software.

Results. The modified questionnaire allows us to assess the severity of professional burnout in professionally oriented volunteers and to predict the development of emotional instability and professional distress, as well as a decrease in motivation and performance. Three scales were identified as a result of exploratory factor analysis. The data obtained for individual indicators indicate high test-retest reliability of the method (0,812). The reliability of the scales for homogeneity has been confirmed and is high ($\alpha = 0,74$).

Conclusions. The questionnaire meets the basic psychometric requirements, has predictable relationships confirming the developed theoretical construct, and has optimal reliability and validity.

KEYWORDS: professional burnout; professionally oriented volunteering; psychodiagnostics; emotional exhaustion; depersonalization; reduction in volunteer achievements.

Conflict of interests. The authors declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

REFERENCES

1. Vodopyanova, N.E. A new version of the professional burnout questionnaire for IT specialists / N.E. Vodopyanova, E.V. Patrakov, L.G. Buguliev // Perspectives of Science and Education. - 2023. - No. 6 (66). - pp. 424-439. DOI: 10.32744/pse.2023.6.25
2. Vodopyanova, N.E. Burnout syndrome. Diagnosis and prevention: A practical guide / N.E. Vodopyanova, E.S. Starchenkova. - 3rd ed. - Moscow: Yurait Publishing House, 2019. - 299 p.
3. Vodopyanova, N.E. Standardized questionnaire "Professional burnout" for specialists in socionomic professions / N.E. Vodopyanova, E.S. Starchenkova, A.D. Inheredov // Bulletin of St. Petersburg University. Episode 12. Psychology. Sociology. Pedagogy. - 2013. - No. 4. - pp. 17-27.
4. Molchanova, L.N. Features of the structural organization of social attitudes of interpersonal interaction of "burnout" volunteers in the context of extremism of professionally oriented volunteerism / L.N. Molchanova, K.V. Kasyanova // Collection of Humanitarian Studies. - 2025. - No. 2(43). - pp. 16-29. DOI 10.21626/j-chr/2025-2(43)/2.
5. Molchanova, L.N. Social attitudes of interpersonal interaction as factors of the emergence and overcoming of professional burnout among medical volunteers in the context of professionally oriented volunteer activity / L.N. Molchanova, K.V. Kasyanova // Perspectives of science and educa-

tion. - 2023. - No. 3 (63). - pp. 557-571. DOI 10.32744/pse.2023.3.33.

6. Hasledov A.N. IBM SPSS Statistics 20 and AMOS: professional statistical data analysis. – St. Petersburg : Peter, 2013 – 416 p.

7. Argentero, P et al. Il burnout negli operatori sanitari volontari [Burnout in volunteer health workers]. *Giornale italiano di medicina del lavoro ed ergonomia*. 2006. vol. 28,3 Suppl 2, pp. 77-82.

8. Cai L., Chung S.W., Lee T. Incremental Model Fit Assessment in the Case of Categorical Data: Tucker–Lewis Index for Item Response Theory Modeling. *Prev Sci* 2023. №24, pp. 455–466. DOI: 10.1007/s11121-021-01253-4

9. Fontana, Maria Carolina Pedro et al. Burnout syndrome, extracurricular activities and social support among Brazilian internship medical students: a cross-sectional analysis. *BMC medical education*. 2020. vol. 20(1). p. 81. DOI:10.1186/s12909-020-01998-6

10. Gabassi, P. G., Cervai, S., Rozbowsky, P., Semeraro, A., Gregori, D. Burnout syndrome in the helping professions. *Psychological reports*. 2002. 90(1). pp. 309–314. DOI: 10.2466/pr0.2002.90.1.309

11. Gulalp B, Karcioğlu O, Sari A, Koseoğlu Z. Burnout: need help? *J Occup Med Toxicol*. 2008. Vol. 3 p.32. DOI: 10.1186/1745-6673-3-32.

12. Iserson KV. Burnout Syndrome: Global Medicine Volunteering as a Possible Treatment Strategy. *J Emerg Med*. 2018. 54(4). pp.516-521. DOI: 10.1016/j.jemermed.2017.12.062.

13. Leiter M.P., Maslach C. Latent burnout profiles: A new approach to understanding the burnout experience. *Burnout Research*. 2016. Vol. 3. P. 89–100. DOI: 10.1016/j.burn.2016.09.001

14. Li C.H. Confirmatory Factor Analysis with Ordinal Data: Comparing Robust Maximum Likelihood and Diagonally Weighted Least Squares. *Behavior Research Methods*. 2016. vol. 48, no 3, pp. 936–949. DOI: 10.3758/S13428-015-0619-7

15. Li J, Ge C, Li S. The Association of Volunteer Motivation and Thriving at Work of College Students During COVID-19: Job Burnout and Psychological Capital as Mediators. *Front Public Health*. 2022. №10. p. 923196. DOI: 10.3389/fpubh.2022.923196.

16. Maslach C., Jackson S.E. The Measurement of Experienced Burnout. *Journal of Organizational Behavior*. 1981. №2. C. 99-113. DOI: 10.1002/job.4030020205 Harrington D. Confirmatory factor analysis. Oxford : Oxford University Press. 2009. 122 c.

17. Maslanka H. Burnout, social support and AIDS volunteers. *AIDS care*. 1996. vol. 8(2). pp. 195-206. DOI:10.1080/09540129650125876

18. Metzger T, Nguyen N, Le H, Havo D, Ngo K, Lee S, Nguyen T, Nguyen Q, Tran L, Tong N, Le C, Dudovitz R. Does volunteering decrease burnout? Healthcare professional and student perspectives on burnout and volunteering. *Front Public Health*. 2024 . №12. p.1387494. DOI: 10.3389/fpubh.2024.1387494.

19. Nye C.D. Reviewer Resources: Confirmatory Factor Analysis. *Organizational Research Methods*. 2022. DOI: 10.1177/10944281221120541

20. Roberts F, Teague B, Lee J, Rushworth I. The Prevalence of Burnout and Secondary Traumatic Stress in Professionals and Volunteers Working With Forcibly Displaced People: A Systematic Review and Two Meta-Analyses. *J Trauma Stress*. 2021 34(4). pp. 773-785. DOI: 10.1002/jts.22659.

21. Shadid A, Shadid AM, Shadid A, Almutairi FE, Almotairi KE, Aldarwish T, Alzamil O, Alkholaiwi F, Khan SU. Stress, Burnout, and Associated Risk Factors in Medical Students. *Cureus*. 2020. 12(1) p.e6633. DOI: 10.7759/cureus.6633.

22. Terwee C.B., Bot S.D., de Boer M.R., et al. Quality criteria were proposed for measurement properties of health status questionnaires // *Journal of Clinical Epidemiology*. 2007. Vol. 60 (1). P. 34–42. DOI: 10.1016/j.jclinepi.2006.03.012

23. Trizano-Hermosilla I., Alvarado J.M. Best alternatives to Cronbach’s Alpha reliability in realistic conditions: Congeneric and asymmetrical measurements. *Frontiers in Psychology*. 2016. Vol. 7. P. 769. DOI: 10.3389/fpsyg.2016.00769

24. Wang J., Wang W., Laureys S., Di H. Burnout syndrome in healthcare professionals who care for patients with prolonged disorders of consciousness: a cross-sectional survey. *BMC health services research*. 2020. №20. DOI:10.1186/s12913-020 05694-5

Received: 28.12.2025

Accepted: 26.03.2026

СТРАТЕГИИ ГЛАЗОДВИГАТЕЛЬНЫХ РЕАКЦИЙ ПРИ УЗНАВАНИИ РЕАЛИСТИЧНЫХ И СХЕМАТИЧНЫХ ИЗОБРАЖЕНИЙ ЛИЦ ЛЮДЕЙ У ПАЦИЕНТА С БОЛЕЗНЬЮ АЛЬЦГЕЙМЕРА: КЛИНИЧЕСКИЙ СЛУЧАЙ

© Е.А. Петраш, И.А. Сидоренко, А.А. Франко-Теньтюк

Петраш Е.А. - доктор психологических наук, доцент, профессор кафедры клинической психологии Института клинической психологии и социальной работы, Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Российский национальный исследовательский медицинский университет имени Н. И. Пирогова» Министерства здравоохранения Российской Федерации
e-mail: petrash@mail.ru

Сидоренко И.А. - ассистент кафедры клинической психологии Института клинической психологии и социальной работы, Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Российский национальный исследовательский медицинский университет имени Н. И. Пирогова» Министерства здравоохранения Российской Федерации
e-mail: sidorenko_ja@rsmu.ru

Франко-Теньтюк А.А. - психолог университетского психологического психологической помощи, Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Российский национальный исследовательский медицинский университет имени Н. И. Пирогова» Министерства здравоохранения Российской Федерации
e-mail: alex.1387@mail.ru

Адрес: 117513, г. Москва, ул. Островитянова, дом 1, строение 6, Российская Федерация

105

АННОТАЦИЯ

Актуальность. Болезнь Альцгеймера является распространенной формой нейродегенеративных заболеваний, приводящей к прогрессирующему когнитивному дефициту. Одним из перспективных неинвазивных методов диагностики когнитивных нарушений при различных нозологиях (нейродегенеративные заболевания, рассеянный склероз, шизофрения, расстройство аутистического спектра) является анализ глазодвигательных реакций. Особый интерес представляет изучение процессов социального познания, в частности, распознавания лиц, которое нарушено при болезни Альцгеймера, однако параметры глазодвигательных реакций при данной нозологии остаются малоизученными.

Цель исследования. Изучение особенностей стратегий глазодвигательных реакций при узнавании реалистичных и схематичных изображений лиц людей у пациентов с болезнью Альцгеймера.

Материалы и методы. Для изучения особенностей стратегий глазодвигательных реакций приведено клиническое наблюдение оценки стратегий при узнавании реалистичных и схематичных изображений лиц людей у пациента с поздней болезнью Альцгеймера. Экспериментальной методикой изучения стратегий глазодвигательных реакций при узнавании реалистичных и схематичных изображений лиц людей являлся набор реалистичных и схематичных изображений лиц людей, состоящий из 12 серий предъявления каждого типа изображения лиц людей. Глазодвигательные реакции регистрировались при помощи айтрекера «Очки pupil invisible».

Результаты. Стратегии переработки изображений лица качественно различаются в зависимости от типа стимула. Относительная сохранность продуктивности на схематичных стимулах достигается за счет компенсаторного перехода к сукцессивной стратегии и снижения когнитивной нагрузки (укорочение саккад).

Выводы. Были выявлены качественно различные стратегии глазодвигательных реакций при узнавании реалистичных и схематичных изображений лиц людей.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: параметры глазодвигательных реакций; окуломоторная активность; узнавание изображений лиц людей; нейродегенеративные заболевания; болезнь Альцгеймера.

Конфликт интересов. Авторы декларируют об отсутствии явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Сайт Всемирной организации здравоохранения опубликовал данные, что наиболее распространенной формой нейродегенеративных заболеваний является болезнь Альцгеймера (60-70% случаев). Одним из ведущих проявлений в клинической картине нейродегенеративных заболеваний являются нарушения когнитивной сферы. В год регистрируется от 8% до 15% легких когнитивных нарушений, которые впоследствии прогрессируют до деменции [19], что приобретает масштабы глобальной медико-социальной проблемы, последствия которой затрагивают не только самих пациентов, но и их ближнее окружение, а также систему здравоохранения в целом.

Диагностика когнитивной сферы, на сегодняшний день, активно развивается через анализ психофизиологических параметров, в частности, через параметры глазодвигательных реакций [5, 10]. Ходашинский И.А. с соавт. указывает, что «аномалии движения глаз являются признаком снижения когнитивных функций человека», позволяющие выявлять заболевание на ранних этапах [9]. Регистрация параметров глазодвигательных реакций является неинвазивной методикой [11], позволяющей оценить ряд когнитивных и регуляторных процессов: мнемические процессы, внимание и другие [4]. Результаты ряда исследований показали возможность оценки специфических нарушений глазодвигательной активности при наличии заболеваний: нейродегенеративных заболеваний (лобно-височная деменция, деменция с тельцами Леви, болезнь Альцгеймера, болезнь Паркинсона и др.) [13, 20]; рассеянный склероз [13, 15, 17, 18, 23], шизофрении [7, 12], аутизма [14, 16].

При болезни Альцгеймера пациенты демонстрируют большое количество ошибочных саккад (нарушение направления или точности саккады) в направлении доминантной мишени, причем большинство этих ошибок не поддается самокоррекции [21], а также отмечается нестабильность фиксации и саккад (что увеличивает латентный период и число ошибок); увеличенное число просаккад (саккада, направленная в сторону стимульного изображения по инструкции) на фоне коротких периодов фиксаций по мере усложнения зрительных стимулов; нарушения движения глаз [22].

Одним из наименее изученных, но крайне значимых аспектов социального познания у данной категории пациентов является узнавание лиц – базовая способность, обеспечивающая успешную коммуникацию и социальную адаптацию. Согласно Б. Баарсу и Н. Гейджу, восприятие лиц людей является организационной основой для социальной когнитивной деятельности [1], что является сложным и важным процессом психической деятельности субъекта. С человеческим лицом связаны такие феномены как идентичность личности, осознание себя как индивидуальности и многое другое [2]. Глазодвигательные реакции играют ключевую роль в процессе узнавания лиц, что определяет актуальность их изучения для понимания когнитивных процессов, связанных с восприятием визуальной информации в целом. Классические исследования в области изучения глазодвигательных реакций рассматривают паттерны фиксаций и саккад при распознавании лиц. Установлено, что люди склонны фиксировать взгляд на ключевых чертах лица, таких как глаза, нос и рот, что называется распределением фиксаций «по треугольнику» [3, 19], что позволяет быстро и эффективно идентифицировать и различать лица.

Целью данного исследования являлось изучение стратегий глазодвигательных реакций при узнавании реалистичных и схематичных изображений лиц людей у пациентов с болезнью Альцгеймера на примере клинического случая.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

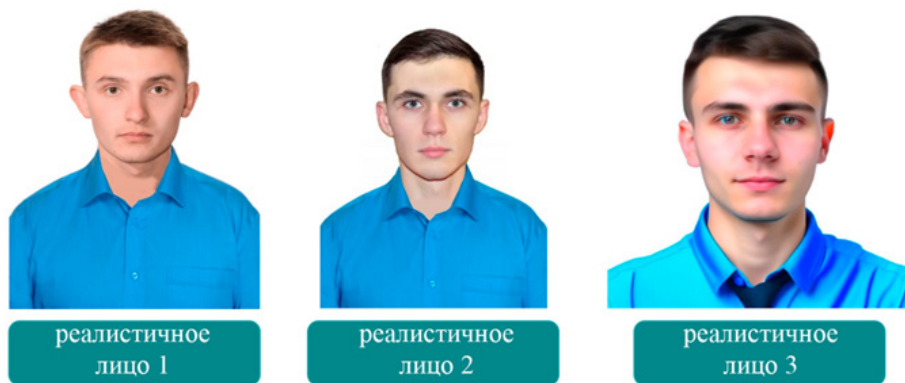
Наблюдение проведено в ФГБНУ Российский центр неврологии и нейронаук в июле 2025 г. На этапе планирования была проведена этическая экспертиза (протокол заседания ЛЭК РНИМУ им. Н.И. Пирогова №249 от 17 марта 2025 г.).

Первым этапом являлось изучение анамнестических данных с использованием архивного метода (анализ медицинской документации)

Вторым этапом являлось проведение краткого нейропсихологического обследования когнитивной сферы И.М. Тонконого (КНОКС) [8], на основании которого регистрировался уровень когнитивных нарушений пациента и выносилось решение относительно возможности дальнейшего участия испытуемого в исследовании.

Третьим этапом являлось проведение экспериментальной процедуры исследования узнавания реалистичных и схематичных изображений лиц людей.

Узнавание изображений лиц людей проводилось на основе авторского стимульного материала. Стимульный материал представлял собой набор распечатанных изображений лиц людей на белых листах бумаги формата А-3. Набор лиц состоял из 3 исходных реалистичных и схематичных изображений лиц людей (Рис. 1), которые затем вращались по часовой стрелке относительно

* авторский стимульный материал с информированным согласием на использование в научной деятельности

Рисунок 1. Исходные стимульные реалистичные и схематичные изображения лиц людей
Figure 1. The initial stimuli are realistic and schematic images of people's faces

вертикальной линии с шагом в 30°. сериях.

Для реалистичных изображений лиц людей было взято две фотографии людей мужского пола, давших разрешение для использования своих фотографий в исследовании. С помощью компьютерной программы, была создана единая одежда, в которой они представляются испытуемым (синяя рубашка, стерты имеющиеся дефекты лица). Третье лицо было получено путем смешения данных двух с помощью нейросети Kandinsky 3.1, также для третьего лица был добавлен галстук, как возможный дополнительный элемент фиксации и

идентификации. Стимульные схематичные лица были взяты в свободном доступе в сети интернет. Предъявление осуществлялось на расстоянии 1 метра от испытуемого в 12-ти сериях.

В экспериментальных сериях 1-9 участнику необходимо было запомнить лицо, предъявляемое ему на изображении (лицо предъявлялось с углом наклона в 0°). Затем, поочередно, предъявлялось 3 изображения лиц людей, имеющих определенный угол наклона (логика предъявления представлена на Рис. 2). В сериях 10-12 участнику сначала надо было запомнить стимульное лицо, предъявляющееся с углом наклона в 0° , а затем указать на него, если оно имеется среди представленных двух (логика предъявления представлена

108

Рисунок 2. Схема логики предъявления изображений лиц людей для экспериментальных серий 1 – 9
Figure 2. Logic diagram of the presentation of images of people's faces for experimental series 1-9

Рисунок 3. Схема логики предъявления изображений лиц людей для экспериментальных серий 10 – 12
Figure 3. Logic diagram of the presentation of images of people's faces for experimental series 10-12

на Рис. 3).

Последовательность задач при предъявлении реалистичных и схематичных изображений лиц людей является единообразной.

За верную идентификацию лица присуждался 1 балл, за ошибочную идентификацию – 0 баллов (дихотомическая шкала). Максимальное количество

баллов за узнавание реалистичных изображений лиц людей – 33. Каждое стимульное изображение предъявлялось до тех пор, пока испытуемый не был готов к следующему изображению лица.

Процедура оценки узнавания реалистичных и схематичных изображений лиц людей проводилась с использованием айтрекера очки pupil invisible с целью регистрации параметров глазодвигательной активности. Данный окулограф имеет две бинокулярные инфракрасные камеры и инфракрасные светодиоды, длиной волны 850 нм для захвата видео глаз. Датчики записывают ИК-видео с частотой 200 Гц [6].

Процедура индивидуального обследования составила, примерно, 40 минут.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

Согласно объективным данным медицинской карты, пациент П., женщина, 75 лет. Диагноз: G30.1 – поздняя болезнь Альцгеймера: умеренное когнитивное расстройство, преимущественно по амнестическому типу. Со слов пациентки – «была забывчива с детства». Семейный анамнез отягощен: у матери пациентки отмечались нарушения памяти после 70 лет (скончалась в 76 лет от онкологии), у старшей сестры после 75 лет развилась деменция, у средней сестры также отмечалось снижение памяти и эпизоды дезориентации в пространстве (в 80 лет). Результаты нейропсихологического тестирования приведены в Таблице 1.

Таблица 1. Результаты нейропсихологического тестирования пациента П., согласно данным медицинской карты

Table 1. The results of neuropsychological testing of patient P., according to the data of the medical record

Диагностическая методика	Результат	Примечание
MoCA	16/30 б.	ниже нормативных значений
ACE-R	66/100 б.	внимание и ориентация – 10/18, память – 10/26, речевая активность – 8/14, речь – 24/26, зрительно-пространственные функции – 14/16
MMSE	18/30 б.	умеренная деменция
NPI-Q	50/144 б.	бредовые идеи – 8 б.; депрессия – 5 б.; тревога – 9 б.; апатия/индифферентность – 10 б.; аномальная двигательная активность – 7 б.; нарушения аппетита и пищевого поведения – 11 б.

Примечание: б. – балл

ДНК-диагностика на определение наличия патологической экспансии в гене C9orf72 – не обнаружено; МРТ головного мозга (12.09.2024) – МРТ-данные соответствуют слабо выраженному уменьшению объема гиппокампа (MTA 2) и извилин теменных долей и задних отделов лобных долей с компенсаторным расширением прилежащих субарахноидальных пространств (Koe-dat 2) – при наличии клинических проявлений нельзя исключить дегенеративный процесс головного мозга. GCA2. Очаговые изменения в обоих полушариях большого мозга, вероятнее всего, сосудистого генеза. Формирующееся «пустое» турецкое седло.

Продуктивность узнавания реалистичных изображений лиц людей – 23 балла из 33, продуктивность узнавания схематичных изображений лиц людей – 25

Таблица 2. Результаты методики КНОКС пациента П.
Table 2. The results of the KNOX technique of patient P.

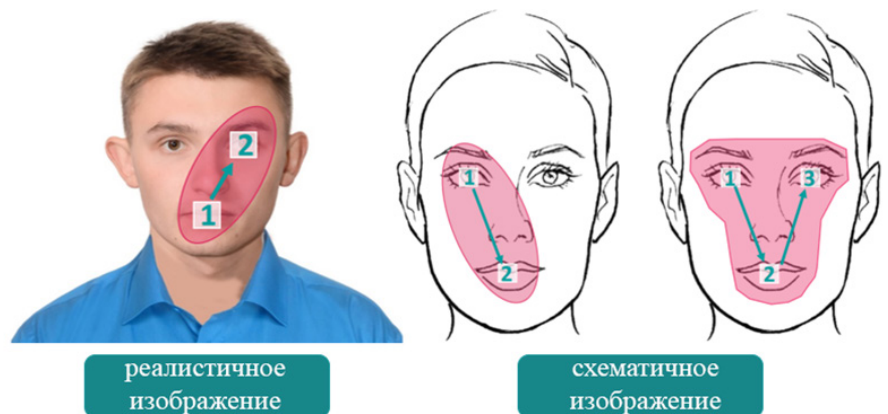
Показатель	Количественная оценка	Качественная оценка
Часть 1: переработка знакомой информации	4/15 б.	Средняя степень когнитивного дефекта. Результаты указывают на возможную локализацию поражения в лобных отделах и подкорковых структурах – низкая оценка субтестов набор последовательностей (0 баллов), рабочая память (0 баллов), нахождение сходства (1 балл), внимание (1 балл)
Часть 2: переработка новой информации	13/15 б.	
Примечание: б. – балл		

баллов из 33.

На основании полученных результатов, с учетом анализа саккадических трасс, у пациента были сформированы качественно различные стратегии обработки реалистичных и схематичных изображений лиц.

При идентификации реалистичных изображений лиц людей наблюдается наибольшее количество фиксаций на левой половине лица в области рта и левого глаза (Рис. 4), в то время как при идентификации схематичных изображений лиц выявляются два типа стратегий: наибольшее количество фиксаций регистрируется в правой половине лица в области глаза и рта или распределена по «треугольнику» [2] (правый глаз, рот, левый глаз) (Рис. 4). Это связано с особенностями когнитивной обработки зрительной информации различного уровня сложности и структурированности: восприятие реалистичного лица автоматизировано и основано на симультанности восприятия, при этом наиболее ключевыми зонами лица для идентификации выступает именно данная половина лица. Восприятие схематичного изображения лица основано на сукцессивном принципе обработки информации, так как эмоционально-семантическая насыщенность утрачивается и возникает необходимость в поэтапном и детальном анализе изображенных черт лица.

110

Примечание: красным выделена зона высокой фиксационной активности, цифрами обозначено расположение первых точек фиксаций.

Рисунок 4. Стратегия восприятия изображений лиц людей пациента П. с диагнозом G30.1 - поздняя болезнь Альцгеймера

Figure 4. The strategy of perceiving images of people's faces of patient P. with a diagnosis of G30.1 - late Alzheimer's disease

При узнавании реалистичных изображений лиц людей отмечаются затруднения в идентификации лица при углах поворота, относительно вертикальной оси по часовой стрелке в 90° и 210° .

Количественные показатели по параметрам глазодвигательных реакций при узнавании схематичного лица уменьшаются. Среднее количество фиксаций при узнавании схематичного изображения лица составляет 640 (при реалистичном – 661), средняя амплитуда саккад – 7,9 градусов (при реалистичном – 9,5 градусов), средняя скорость саккад – 3331,4 пикс/мс (при реалистичном – 3512,5 пикс/мс). Стратегия уменьшения числа фиксаций на фоне малого (по сравнению с реалистичными изображениями лиц людей) расстояния между ними улучшает продуктивность узнавания.

Укорочение саккад, меньший разброс фиксаций может быть попыткой снизить когнитивную нагрузку и сконцентрироваться на аналитическом сравнении. Относительно сохранная продуктивность на схематичных стимулах может указывать на то, что зрительно-пространственный анализ как функция страдает меньше, чем интегративные и мнестические процессы, необходимые для обработки сложных изображений реалистичных лиц.

ВЫВОДЫ

Проведенное исследование на примере клинического случая пациента П. с болезнью Альцгеймера было направлено на изучение особенностей глазодвигательных стратегий при узнавании реалистичных и схематичных изображений лиц. Актуальность работы обусловлена как высокой распространенностью нейродегенеративных заболеваний, так и поиском неинвазивных методов ранней диагностики когнитивных нарушений, среди которых анализ окуломоторных реакций занимает ведущее место.

Данный клинический случай наглядно демонстрирует, как анализ параметров глазодвигательной активности позволяет перейти от констатации когнитивного снижения к пониманию качественных особенностей когнитивной переработки информации и механизмов адаптации у конкретного пациента с нейродегенеративным заболеванием.

Результаты айтрекинга подтвердили наличие качественных различий в стратегиях обработки визуальной информации в зависимости от типа стимула. При восприятии реалистичных лиц у пациента регистрируется стратегия концентрации фиксаций на левой половине лица (область рта и левого глаза), что соответствует автоматизированному, симультанному способу обработки, характерному для целостного восприятия знакомых объектов. Однако снижение продуктивности узнавания (23 из 33 баллов) и специфические затруднения при идентификации лиц в ракурсах 90° и 210° свидетельствуют о дефиците интегративных процессов, необходимых для формирования устойчивого перцептивного эталона.

В противоположность этому, при работе со схематичными изображениями наблюдалась иная картина: при общем снижении количественных параметров глазодвигательной активности (меньшее число фиксаций, меньшая амплитуда и скорость саккад) продуктивность узнавания оказалась выше (25 из 33 баллов). Зафиксированные паттерны сканирования (правосторонний или «треугольный») отражают переход к сукцессивной, аналитической стратегии обработки, что является следствием необходимости поэлементного анализа при утрате эмоционально-семантической насыщенности стимула. Укорочение саккад и уменьшение разброса фиксаций в данном случае можно интерпретировать как компенсаторный механизм, направленный на снижение когнитивной нагрузки и концентрацию ресурсов на сравнении дискретных признаков.

Полученные данные позволяют уточнить представления о структуре когнитивного дефицита при болезни Альцгеймера. Относительная сохранность зрительно-пространственного анализа (подтвержденная результатами субтестов ACE-R и более высокой успешностью на схематичных стимулах) контрастирует с выраженными нарушениями мнестических и регуляторных функций, выявленными по шкалам КНОКС (дефицит рабочей памяти, внимания, последовательности действий). Это согласуется с данными о том, что при нейродегенеративном процессе первично страдают интегративные корковые функции, тогда как более элементарные сенсорные операции могут оставаться относительно интактными.

Таким образом, метод айтрекинга продемонстрировал высокую чувствительность к тонким изменениям когнитивных стратегий, не выявляемым при стандартном нейропсихологическом тестировании. Выявленные в ходе данного клинического наблюдения закономерности (смена стратегии сканирования в зависимости от сложности стимула, компенсаторное сужение зоны фиксации) могут рассматриваться как потенциальные окуломоторные маркеры когнитивного дефицита при болезни Альцгеймера.

ЛИТЕРАТУРА

1. Баарс, Б. Мозг, познание, разум: введение в когнитивные нейронауки / Б. Баарс, Н. Гейдж. – М. : БИНОМ, 2014. – 464 с.
2. Барабанщиков, В. А. Айтрекинг: Методы регистрации движений глаз в психологических исследованиях и практике / В. А. Барабанщиков, А. В. Жегалло. – М. : Когито-Центр, 2014. – 128 с.
3. Барабанщиков, В. А. Лицо человека как средство общения: междисциплинарный подход / В. А. Барабанщиков, А. А. Демидов, Д. А. Дивеев. – М. : Когито-Центр, 2012. – 348 с.
4. Никишина В.Б. и др. Влияние ориентационных характеристик изображения на распределение зрительных фиксаций при решении простых когнитивных задач / В. Б. Никишина, Е. А. Петраш, О. Ф. Природова [и др.]. // Вестник РГМУ. – 2022. – № 2. – С. 93-101.
5. Никишина В.Б. и др. Нормирование параметров глазодвигательных реакций при диагностике свойств внимания с использованием буквенного теста / Е.А. Петраш, Д.И. Симонова, А.А. Кузнецова, Т.В. Недуруева // Альманах Института коррекционной педагогики. Альманах №59 2025
6. Руководство пользователя Айтрекер очки PUPIL INVISIBLE. // Pupil Labs. – URL: <https://pupil-labs.com/>
7. Сухачевский И.С., Анисимов В.Н., Латанов А.В., Шмуклер А.Б. Глазодвигательные нарушения у больных шизофренией // Социальная и клиническая психиатрия. 2018. Т. 28. № 1. – С. 83-89.
8. Тонконогий И.М. Краткое нейропсихологическое обследование когнитивной сферы (КНОКС). М.: Когито-Центр, 2022. 69 С.
9. Ходашинский И.А. и др. Биометрические данные и методы машинного обучения в диагностике и мониторинге нейродегенеративных заболеваний: обзор / И.А. Ходашинский, К.С. Сарин, М.Б. Бардамова, М.О. Светлаков, А.О. Слёзкин, Н.П. Коришев // Компьютерная оптика 2022. № 6 (46). С. 988–1019
10. Шагина Е.Д. и др. Роль применения технологии айтрекинг в психодиагностике: систематический обзор / Е.Д. Шагина, С.А. Матвейчева, Ю.В. Нехаева, С.Е. Лукина, М.В. Шахов, И.Е. Кондратьев, А.А. Шишкин, Н.А. Демин // Психологический журнал. – 2025. – Т. 46. – № 1. С. 95-107.
11. Шанхоева, Д. М. Использование метода трекинга движения глаз для диагностики неврологических нарушений (обзор литературы) / Д. М. Шанхоева, Э. Ш. Самедова, П. П. Трегуб. // Вестник новых медицинских технологий. Электронное издание. – 2024. – № 5.
12. Швайко Д.А. и др. Взаимосвязь когнитивного статуса и параметров антисаккад у пациентов, страдающих шизофренией // Сибирский вестник психиатрии и наркологии. 2022. Т. 117. № 4. – С. 22-32.
13. Bijvank N.J.A. Diagnosing and quantifying a common deficit in multiple sclerosis: Internuclear ophthalmoplegia // Neurology. 2019. Т. 92. № 20.
14. Brenner LA, Turner KC, Müller RA. Eye movement and visual search: are there elementary abnormalities in autism? J Autism Dev Disord. 2007. 37(7):1289-309.

15. Dežmalj-Grbelja L. The value of blink reflex in early diagnosis of multiple sclerosis // *Acta Clin Croat.* 2021. 60(1):10-15.
16. Forbes EJ at all Oculomotor Function in Children and Adolescents with Autism, ADHD or Co-occurring Autism and ADHD. *J Autism Dev Disord.* 2025.
17. Gerardo, F. Abnormal eye movements increase as motor disabilities and cognitive impairments become more evident in Multiple Sclerosis: A novel eye-tracking study // *Multiple Sclerosis Journal - Experimental, Translational and Clinical.* 2024. T. 10. № 2.
18. Irene M. et. al. Oculomotor Performance Identifies Underlying Cognitive Deficits in Attention-Deficit/Hyperactivity Disorder // *Journal of the American Academy of Child & Adolescent Psychiatry.* 2009. T. 48. № 4. – С. 431-440.
19. Kanaparthi S. Facial Expression Recognition with Appearance Based Features of Facial Landmarks // *International Journal for Research in Applied Science & Engineering Technology.* 2021. 6 (9). P. 3343-3348
20. Koray K., Timothy L.H., Hatice E.B., Gülden A. Deficits in saccadic eye movements differ between subtypes of patients with mild cognitive impairment // *Journal of Clinical and Experimental Neuropsychology.* 2021. T. 43. № 2. – С. 187-198.
21. Opwonya J. et al. Inhibitory control of saccadic eye movements and cognitive impairment in mild cognitive impairment / J Opwonya, C. Wang, K.M. Jang, K. Lee, J.I. Kim, J.U Kim// *Frontiers in Aging Neuroscience.* 2022. (14). С. 1–12
22. Sekar, A. Detecting Abnormal Eye Movements in Patients with Neurodegenerative Diseases–Current Insights / A. Sekar, M T N Panouillères, D. Kaski. // *Eye and Brain.* – 2024. – № 16. – С. 3-16.
23. Zangemeister WH, Heesen C, Röhr D, Gold SM. Oculomotor Fatigue and Neuropsychological Assessments mirror Multiple Sclerosis Fatigue // *Eye Mov Res.* 2020. 13(4).

Получена: 06.03.2026 г.

Принята к публикации: 28.03.2026 г.

MODIFICATION OF THE PROFESSIONAL BURNOUT METHODOLOGY BY K. MASLACH AND S. JACKSON (ADAPTED BY N.E. VODOPYANOVA) ON A SAMPLE OF PROFESSIONALLY ORIENTED VOLUNTEERS

© Ekaterina A. Petrash, Ilia A. Sidorenko, Alexandra A. Franko-Tentiuk

Ekaterina A. Petrash - Doctor of Psychology, Associate Professor, Professor of the Department of Clinical Psychology at the Institute of Clinical Psychology and Social Work, N.I. Pirogov Russian National Research Medical University

e-mail: petrash@mail.ru

Ilia A. Sidorenko - Assistant of the Department of Clinical Psychology, Institute of Clinical Psychology and Social Work, N.I. Pirogov Russian National Research Medical University

e-mail: sidorenko_ia@rsmu.ru

Aleksandra A. Franko-Tentiuk - Psychologist within the University Psychological Assistance Center, N.I. Pirogov Russian National Research Medical University

e-mail: alex.1387@mail.ru

Address: 117513, Moscow, Ostrovityanova, Building 1, B. 6., Russian Federation

ABSTRACT

Relevance. Alzheimer's disease is the most common form of neurodegenerative disease, leading to progressive cognitive deficits. One promising noninvasive method for diagnosing cognitive impairment is oculomotor response analysis. Of particular interest is the study of social cognition processes, particularly face recognition, which is impaired in Alzheimer's disease. However, the parameters of oculomotor responses in this disease remain poorly understood.

Purpose: To study the characteristics of oculomotor response strategies in patients with Alzheimer's disease when recognizing realistic and schematic images of human faces.

Materials and Methods: A clinical case study assessment of the oculomotor response strategy for recognizing realistic and schematic images of human faces in a patient with late-onset Alzheimer's disease is presented.

Results: Facial image processing strategies qualitatively differ depending on the stimulus type. Relative preservation of the performance on schematic stimuli is achieved through a compensatory transition to a successive strategy and a reduction in cognitive load (shortened saccades).

Conclusions: qualitatively different strategies of oculomotor reactions were identified when recognizing realistic and schematic images of human faces.

KEYWORDS: oculomotor response parameters; oculomotor activity; facial recognition; neurodegenerative diseases; Alzheimer's disease.

Conflict of interests. The authors declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

REFERENCES

1. Baars, B. *Mozg, poznanije, razum: vvedeniye v kognitivnyye neyronauki* / B. Baars, N. Geydzh. – M. : BINOM, 2014. – 464 s.
2. Barabanshchikov, V. A. *Litso cheloveka kak sredstvo obshcheniya: mezhdistsiplinarnyy podkhod* / V. A. Barabanshchikov, A. A. Demidov, D. A. Diveyev. – M. : Kogito-Tsentr, 2012. – 348 s.
3. Barabanshchikov, V. A. *Aytreking: Metody registratsii dvizheniy glaz v psikhologicheskikh issledovaniyakh i praktike* / V. A. Barabanshchikov, A. V. Zhegallo. – M. : Kogito-Tsentr, 2014. – 128 s.
4. Nikishina V.B. i dr. *Vliyaniye oriyentatsionnykh kharakteristik izobrazheniya na raspredeleniye zritel'nykh fiksatsiy pri reshenii prostykh kognitivnykh zadach* / V. B. Nikishina, E. A. Petrash, O. F. Prirodova [i dr.]. // *Vestnik RGMU*. – 2022. – № 2. – S. 93-101.
5. Nikishina V.B. i dr. *Normirovaniye parametrov glazodvigatel'nykh reaktsiy pri diagnostike svoystv vnimaniya s ispol'zovaniyem bukvennogo testa* / E.A. Petrash, D.I. Simonova, A.A. Kuznetsova, T.V. Neduruyeva // *Al'manakh Instituta korrektsionnoy pedagogiki. Al'manakh №59 2025*
6. *Rukovodstvo pol'zovatelya Aytreker ochki PUPIL INVISIBLE*. // Pupil Labs. – URL: <https://pupil-labs.com/>
7. Suxachevskij I.S., Anisimov V.N., Latanov A.V., Shmukler A.B. *Glazodvigatel'ny'e narusheniya u*

bol'ny'x shizofreniej // Social'naya i klinicheskaya psixiatriya. 2018. T. 28. № 1. – S. 83-89.

8. Tonkonogiy I.M. Kratkoye neyropsikhologicheskoye obsledovaniye kognitivnoy sfery (KNOKS). M.: Kogito-Tsentr, 2022. 69 S.

9. Khodashinskiy I.A. i dr. Biometricheskiye dannyye i metody mashinnogo obucheniya v diagnostike i monitoringe neyrodegenerativnykh zabolevaniy: obzor / I.A. Khodashinskiy, K.S. Sarin, M.B. Bardamova, M.O. Svetlakov, A.O. Sléžkin, N.P. Koryshev // Komp'yuternaya optika 2022. № 6 (46). C. 988–1019

10. Shagina E.D. i dr. Rol' primeneniya tekhnologii aytreking v psikhodiagnostike: sistematicheskii obzor / E.D. Shagina, S.A. Matveycheva, YU.V. Nekhayeva, S.E. Lukina, M.V. Shakhov, I.E. Kondrat'yev, A.A. Shishkin, N.A. Demin // Psikhologicheskii zhurnal. – 2025. – T. 46. – № 1. C. 95-107.

11. Shankhoyeva, D. M. Ispol'zovaniye metoda trekinga dvizheniya glaz dlya diagnostiki nevrologicheskikh narusheniy (obzor literatury) / D. M. Shankhoyeva, E. SH. Samedova, P. P. Tregub. // Vestnik novykh meditsinskikh tekhnologiy. Elektronnoye izdaniye. – 2024. – № 5.

12. Shvajko D.A. i dr. Vzaimosvyaz' kognitivnogo statusa i parametrov antisakkad u pacientov, stradayushhix shizofreniej // Sibirskij vestnik psixiatrii i narkologii. 2022. T. 117. № 4. – S. 22-32.

13. Bijvank N.J.A. Diagnosing and quantifying a common deficit in multiple sclerosis: Internuclear ophthalmoplegia // Neurology. 2019. T. 92. № 20.

14. Brenner LA, Turner KC, Müller RA. Eye movement and visual search: are there elementary abnormalities in autism? J Autism Dev Disord. 2007. 37(7):1289-309.

15. Dežmalj-Grbelja L. The value of blink reflex in early diagnosis of multiple sclerosis // Acta Clin Croat. 2021. 60(1):10-15.

16. Forbes EJ at all Oculomotor Function in Children and Adolescents with Autism, ADHD or Co-occurring Autism and ADHD. J Autism Dev Disord. 2025.

17. Gerardo, F. Abnormal eye movements increase as motor disabilities and cognitive impairments become more evident in Multiple Sclerosis: A novel eye-tracking study // Multiple Sclerosis Journal - Experimental, Translational and Clinical. 2024. T. 10. № 2.

18. Irene M. et. al. Oculomotor Performance Identifies Underlying Cognitive Deficits in Attention-Deficit/Hyperactivity Disorder // Journal of the American Academy of Child & Adolescent Psychiatry. 2009. T. 48. № 4. – C. 431-440.

19. Kanaparthi S. Facial Expression Recognition with Appearance Based Features of Facial Landmarks // International Journal for Research in Applied Science & Engineering Technology. 2021. 6 (9). P. 3343-3348

20. Koray K., Timothy L.H., Hatice E.B., Gülden A. Deficits in saccadic eye movements differ between subtypes of patients with mild cognitive impairment // Journal of Clinical and Experimental Neuropsychology. 2021. T. 43. № 2. – C. 187-198.

21. Opwonya J. et al. Inhibitory control of saccadic eye movements and cognitive impairment in mild cognitive impairment / J Opwonya, C. Wang, K.M. Jang, K. Lee, J.I. Kim, J.U Kim// Frontiers in Aging Neuroscience. 2022. (14). C. 1–12

22. Sekar, A. Detecting Abnormal Eye Movements in Patients with Neurodegenerative Diseases–Current Insights / A. Sekar, M T N Panouillères, D. Kaski. // Eye and Brain. – 2024. – № 16. – C. 3-16.

23. Zangemeister WH, Heesen C, Röhr D, Gold SM. Oculomotor Fatigue and Neuropsychological Assessments mirror Multiple Sclerosis Fatigue // Eye Mov Res. 2020. 13(4).

Received: 06.03.2026

Accepted: 28.03.2026

DOI: 10.21626/j-chr/2026-1(46)/10
УДК: 159.9

Медицинская психология

СПЕЦИФИКА КОГНИТИВНЫХ ФУНКЦИЙ У ПАЦИЕНТОВ С САХАРНЫМ ДИАБЕТОМ 2 ТИПА В ЗАВИСИМОСТИ ОТ ДЛИТЕЛЬНОСТИ ЗАБОЛЕВАНИЯ

© А.А. Кузнецова, М.В. Акуленкова, А.Д. Козырева

Кузнецова А.А. - проректор по воспитательной работе, социальному развитию и связям с общественностью, заведующий кафедрой психологии здоровья и нейропсихологии Курский государственный медицинский университет
e-mail: Kuznetsova.a80@mail.ru

Акуленкова М.В. - медицинский психолог, ОБУЗ «Курская областная многопрофильная клиническая больница», ассистент кафедры психологии здоровья и нейропсихологии, Курский государственный медицинский университет

Козырева А.Д. – студент, Курский государственный медицинский университет
Адрес: 305000, г. Курск, ул. К. Маркса, 3, Российская Федерация

116

АННОТАЦИЯ

Актуальность. У лиц, страдающих сахарным диабетом второго типа, вероятность возникновения широкого спектра когнитивных нарушений, включая такие состояния, как сосудистая деменция и болезнь Альцгеймера, увеличивается в 1,5-2 раза по сравнению с общей популяцией. В связи с этим значительную роль приобретает изучение специфики когнитивных функций у пациентов с сахарным диабетом 2 типа в зависимости от длительности заболевания, с целью оказания комплексной специализированной помощи, направленной на терапию когнитивных расстройств.

Цель: оценить характер и динамику когнитивных нарушений у пациентов с сахарным диабетом 2 типа и провести их корреляцию с длительностью заболевания.

Материалы и методы: В исследование включены 103 пациента (возраст 50–70 лет) с СД2, разделенные на 4 группы по длительности заболевания: впервые выявленный (n=18), 1–5 лет (n=23), 5–10 лет (n=24), > 10 лет (n=38). Методы исследования: теоретический анализ литературы; психодиагностические методики (Montreal Cognitive Assessment (Монреальская шкала оценки когнитивных функций) (MoCA тест); Тест рисование часов; Таблицы Шульце; Установление последовательности событий (А.Н. Бернштейн); Исключение лишнего; Пересказ текста). Использовались методы описательной статистики, U-критерий Манна-Уитни, корреляционный и регрессионный анализ.

Результаты: Выявлено статистически значимое прогрессирующее снижение общего когнитивного статуса (по MoCA) по мере увеличения длительности СД2 ($p < 0,01$). Нарушения зрительно-конструктивных навыков и внимания выявлялись уже на ранних этапах. После 5 лет течения СД2 усугублялись нарушения внимания и речи, присоединялись дефициты памяти и логического мышления. При длительности заболевания > 10 лет формировался стойкий мультифункциональный когнитивный дефект. Корреляционный анализ показал сильную обратную связь между длительностью СД2 и общим баллом MoCA ($r = -0,70$; $p < 0,01$). Анализ корреляционных плеяд выявил специфику когнитивного профиля на разных стадиях: от изолированных нейродинамических нарушений к комплексному взаимовлиянию дефицитов.

Выводы: Длительность СД2 является значимым предиктором степени и характера когнитивной дисфункции. Полученные данные обосновывают необходимость динамического нейропсихологического мониторинга и разработки дифференцированных программ когнитивной реабилитации для пациентов с различной длительностью СД2.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: сахарный диабет; длительность заболевания; когнитивные нарушения; когнитивные функции; высшие психические функции.

Конфликт интересов. Авторы декларируют об отсутствии явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Международная Федерация Диабета в 2021 году зафиксировала, что количество пациентов с сахарным диабетом в возрасте от 20 до 79 лет достигло 537 млн. человек в мире. Данные показатели на 10–12 лет превышают прежние прогнозы прироста заболеваемости. Исходя из актуальных сведений, к 2045 г. ожидается, что этот показатель увеличится на 46%, 783 млн человек [17]. В России, согласно Федеральному регистру сахарного диабета на начало 2024 г. на диспансерном учете находятся 4,8 млн. человек с сахарным диабетом 2 типа [9], и, наряду с другими странами, продолжается рост темпов заболеваемости. Одной из ключевых опасностей сахарного диабета является существенное повышение риска преждевременной утраты трудоспособности, а также значительная вероятность летального исхода, обусловленного развитием сердечно-сосудистых осложнений [2].

Сахарный диабет 2 типа (СД2) представляет собой глобальную медико-социальную проблему. Помимо сердечно-сосудистых и микроангиопатических осложнений, СД2 признан весомым фактором риска развития когнитивных нарушений, вплоть до деменции. У пациентов с СД2 риск развития деменции, в целом, повышается примерно в 1.6 раза, при этом риск сосудистой деменции возрастает в 2–2.6 раза, а болезни Альцгеймера – в 1.5 раза [5]. Смертность среди пациентов с СД2 и сопутствующими когнитивными нарушениями значительно выше, чем среди пациентов без когнитивного дефицита. [1]. В последние годы исследователи все больше внимания уделяют когнитивным нарушениям, как одному из осложнений сахарного диабета 2 типа, наряду с сердечно-сосудистыми патологиями, нефропатией и поражениями сетчатки.

В связи с этим значительную роль приобретает изучение специфики когнитивных функций у пациентов с сахарным диабетом 2 типа в зависимости от длительности заболевания, с целью оказания комплексной специализированной помощи, направленной на терапию когнитивных расстройств.

Нейрокогнитивный профиль при СД2 характеризуется преимущественным поражением так называемых «передних» (фронтально-подкорковых) функций: страдают скорость обработки информации, устойчивость и переключаемость внимания, исполнительные функции (планирование, контроль). Эти нейродинамические нарушения могут опережать ухудшение памяти, которое часто носит вторичный характер. Патогенез когнитивной дисфункции многофакторен и включает хроническую гипергликемию, инсулинорезистентность мозга, церебральную микроангиопатию, окислительный стресс и системное воспаление. Последние данные нейровизуализационных исследований показывают, что СД2 ускоряет структурное старение мозга, приводя к более ранней и выраженной атрофии серого вещества, особенно в стриатуме и мозжечке.

Несмотря на установленную связь СД2 с когнитивным снижением, проблема детального изучения динамики и специфики когнитивного дефицита в прямой зависимости от длительности заболевания остается недостаточно исследованной. Большинство работ фиксируют наличие нарушений, но не прослеживают их поэтапное формирование.

Цель исследования: Оценить характер и динамику когнитивных нарушений у пациентов с сахарным диабетом 2 типа и провести их корреляцию с длительностью заболевания, а также разработать когнитивный тренинг для этой категории больных.

МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Группа теоретических методов (теоретико-методологический анализ, би-

блиометрический анализ, категориально-понятийный анализ); Группа эмпирических методов (анализ медицинской документации, клиническая беседа, нейропсихологическое обследование, психодиагностические методики: Montreal Cognitive Assessment (Монреальская шкала оценки когнитивных функций (MoCA тест) [3]; Тест рисование часов [4]; Таблицы Шульте [6]; Установление последовательности событий (А.Н. Бернштейн) [7]; Исключение лишнего [11]; Пересказ текста [10]); Методы обработки и интерпретации результатов, статистические методы исследования.

Исследование проходило в период с 14 апреля по 20 ноября 2025 года на базе ОБУЗ «Курская областная многопрофильная клиническая больница» в эндокринологическом отделении. В исследование включено 103 пациента с верифицированным диагнозом СД2 (код МКБ-10: E11), находившихся на стационарном лечении. Возраст участников — от 50 до 70 лет. Группы формировались на основе длительности заболевания (лет): группа 1 (n=18): впервые выявленный СД2; группа 2 (n=23): длительность СД2 от 1 до 5 лет; группа 3 (n=24): длительность СД2 от 5 до 10 лет; группа 4 (n=38): длительность СД2 более 10 лет.

Контролируемые переменные: пол, возраст, наличие тяжелой сопутствующей психиатрической патологии.

У пациентов, страдающих сахарным диабетом второго типа, выявляется специфический профиль когнитивных функций. Когнитивный профиль – соотношение сохраненных и нарушенных компонентов когнитивных процессов. Среди характерных проявлений отмечается замедление скорости протекания мыслительных процессов. Для решения интеллектуальных задач человеку требуется затрачивать заметно больше времени и усилий. Существенную роль в структуре когнитивных изменений играют также нарушения избирательности и устойчивости произвольного внимания – переход между стадиями деятельности осуществляется с трудом, а контроль легко теряется. Отмечаются сложности в мышлении: пациенты испытывают трудности с установлением логических связей между объектами или понятиями, а также с интерпретацией метафорических высказываний, таких как пословицы. Наряду с этим, развитие зрительно-пространственных затруднений и сниженная эффективность механизмов оперативной памяти создают дополнительные препятствия при работе с сложными задачами [12]. При этом долговременная память на события личной биографии, как правило, не претерпевает значимых изменений.

Когнитивные расстройства при сахарном диабете второго типа традиционно подразделяются на несколько уровней тяжести:

– Субъективные когнитивные изменения (СКН), когда пациенты начинают отмечать ухудшение памяти или других познавательных функций, однако стандартные нейропсихологические методики не выявляют отклонений. Несмотря на отсутствие явных объективных признаков, лица с подобными жалобами рассматриваются как группа риска дальнейшего ухудшения когнитивных функций.

– Недементные когнитивные нарушения. На этом этапе у больных выявляются выраженные, хотя и не критические, интеллектуальные дефициты, которые не нарушают способность к самостоятельной жизни. Такие трудности проявляются преимущественно в снижении концентрации, замедлении обработки поступающей информации и затруднениях при необходимости быстро менять направление мыслительной деятельности, однако базовые умения самообслуживания и решение бытовых задач сохраняются в полном объеме.

– В наиболее тяжёлых случаях формируется деменция, при которой нарушение высших функций головного мозга приводит к полной утрате самостоятельности и невозможности выполнения рутинных обязанностей. У пожилых

лиц с сахарным диабетом второго типа деменция, как правило, ассоциируется с выраженными изменениями мозгового кровообращения или возникает в сочетании с дегенеративными процессами, типичными для болезни Альцгеймера [13].

Влияние сахарного диабета на головной мозг подверглось изучению в 20-х гг. 20 века. Факт того, что сахарный диабет может приводить к когнитивным расстройствам был установлен W. Miles и H. Root в рамках концепции «центральной нейропатии» в 1922 г., приблизительно в то же время, когда был получен инсулин и определена его роль в развитии болезни [18].

Впервые определение «диабетическая энцефалопатия» было введено R. de Jong в середине XX века – в 1950 году [15]. Под этим термином подразумевали поражения головного мозга, формирующиеся на фоне острых и хронических нарушений обмена веществ и сосудистых патологий, что проявляется не только неврозоподобными симптомами, но и органическими расстройствами неврологического и вегетативного характера [8]. Результаты дальнейших исследований подтверждают, что у пациентов с сахарным диабетом могут отмечаться как морфологические, так и функциональные изменения различных мозговых структур. Медленное прогрессирование диабетической энцефалопатии приводит к тому, что клинические симптомы становятся заметными лишь в довольно поздние сроки поражения центральных отделов нервной системы. Для диэнцефальной формы этого состояния характерны как снижение когнитивных функций, так и структурные изменения головного мозга, выявляемые посредством магнитно-резонансной томографии [8].

Совокупность работ, появившихся в России и на мировом уровне, неоднократно подтверждала влияние сахарного диабета на динамику когнитивных процессов. Наиболее убедительные сведения имеются в отношении диабета второго типа: согласно данным метаанализа Sadanand и соавторов [19], показатели памяти, гибкости мышления и скорости обработки информации у группы с диабетом оказались значительно ниже, чем у лиц без этой патологии, при равном уровне образовательного статуса. Аналогичные выводы относительно управляющих функций были получены в обзоре данных Vincent и соавторов [20], где было выявлено снижение когнитивной гибкости, возможностей рабочей памяти, а также дефицит внимания и процессов торможения.

Различные исследования последних лет свидетельствуют о том, что чаще всего сахарный диабет приводит к лёгким или умеренным когнитивным расстройствам, хотя и не исключены тяжёлые формы. К примеру, в исследовании в США среди лиц с диабетом второго типа старше 60 лет частота лёгких когнитивных расстройств составила 20% у мужчин и 18% у женщин, что заметно выше по сравнению с общей популяцией соответствующего возраста (10–15%) [16]. Дополнительные данные из работ, проведённых среди пожилых и лиц старческого возраста с диабетом второго типа, показали, что без признаков когнитивных и эмоциональных нарушений осталась лишь треть обследованных [14].

По проведенному анализу публикационной активности в русскоязычной электронной библиотеке «eLIBRARY.RU» с глубиной 10 лет по ключевым словам «когнитивные функции» и «сахарный диабет 2 типа» было найдено 76 статей. Демонстрируется устойчивый интерес научного сообщества к проблеме когнитивных нарушений при сахарном диабете 2 типа на протяжении последнего десятилетия. Значительное количество статей в 2021-2022 гг. и наблюдаемый пик числа публикаций в 2023 году (15 работ) указывает на актуальность и активную исследовательскую фазу данной темы в современной отечественной науке. Основные исследования сосредоточены на изучении

патогенеза, клинических проявлений и диагностике когнитивных нарушений при сахарном диабете 2 типа, особенно в контексте коморбидных состояний (артериальная гипертензия, цереброваскулярные заболевания, ожирение). Значительная часть работ посвящена геронтологическому аспекту – влиянию диабета на когнитивные функции и развитие гериатрических синдромов у пожилых. Отдельным важным направлением является поиск и оценка терапевтических стратегий (фармакологических, реабилитационных) для коррекции когнитивного.

Таким образом, изучение динамики публикаций по тематике когнитивных функций при сахарном диабете 2 типа, позволило нам уточнить степень актуальности данной проблемы, обозначить основные тематические направления исследований.

На первом этапе проведено эмпирическое исследование специфики когнитивных функций у пациентов с сахарным диабетом 2 типа в зависимости от длительности заболевания.

Проведению нейропсихологического обследования предшествовала клиническая беседа, в ходе которой выявлялись особенности эмоционально-аффективной сферы, собирался анамнез и жалобы пациента.

Нами были рассмотрены средние значения по результатам в Montreal Cognitive Assessment (MoCa-тест) каждой экспериментальной группе (Рисунок 1).

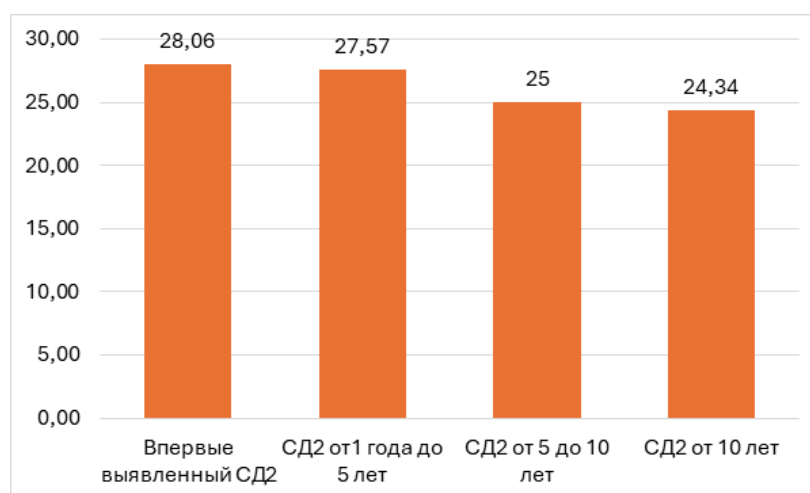

Рисунок 1. Гистограмма среднего значения MoCa-теста
Figure 1. Histogram of the average value of the MoCA test

С использованием попарного сравнения непараметрическим критерием U Манна-Уитни были обнаружены различия на высоком уровне статистической значимости ($p \leq 0,01$) между группами с впервые выявленным СД 2 и длительностью СД2 от 5 до 10 лет ($p = 0,000$), группой впервые выявленного СД2 и группой с длительностью СД 2 более 10 лет ($p = 0,000$), группой с длительностью СД2 от 1 года до 5 лет и группой с длительностью СД2 от 5 до 10 лет ($p = 0,000$), группой с длительностью СД2 от 1 года до 5 лет и группой с длительностью СД2 более 10 лет ($p = 0,000$). Что может свидетельствовать о медленном нарастании когнитивного снижения.

Результаты субтеста «Зрительно-конструктивные навыки» Монреальской шкалы оценки когнитивных функций представлены на рисунке 2.

Проведенный статистический анализ, попарное сравнение с помощью непараметрического критерия U Манна-Уитни выявил различия на высоком уровне статистической значимости ($p \leq 0,01$) между всеми группами: впервые выявленный СД2 и длительность СД2 от 1 года до 5 лет ($p = 0,0001$), впервые выявленный СД2 и длительность СД2 от 5 до 10 лет ($p = 0,000$), впервые вы-

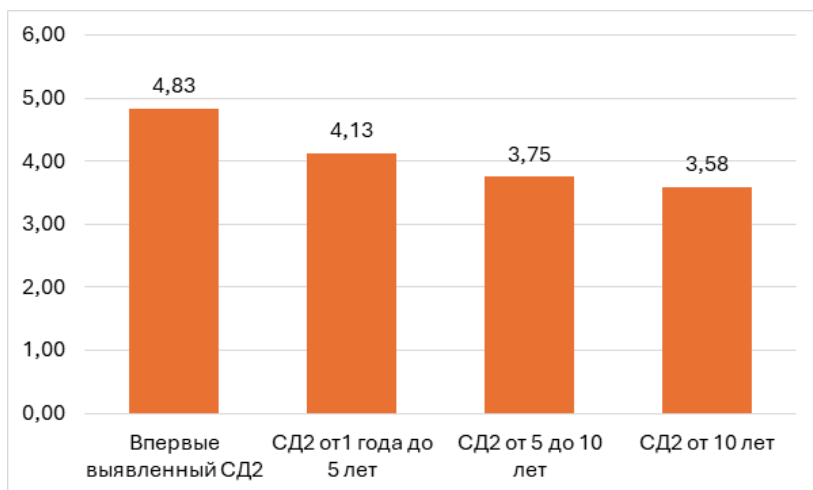

Рисунок 2. Гистограмма распределения средних значений по результатам субтеста МоСа-теста «Зрительно-конструктивные навыки»

Figure 2. A histogram of the distribution of average values based on the results of the MoCA subtest, the Visual-Constructive Skills test

явленный СД2 и длительность СД2 от 10 лет ($p = 0,000$), длительность СД2 от 1 года до 5 лет и длительность СД2 от 10 лет ($p = 0,007$).

Таким образом зрительно-конструктивные навыки ухудшаются с увеличением длительности сахарного диабета 2 типа.

Субтест «Называние» Монреальской шкалы оценки когнитивных функций у всех участников не вызвал трудностей.

Средние значения выполнения теста субтеста «Внимание» «Внимание» Монреальской шкалы оценки когнитивных функций представлены на рисунке 3.

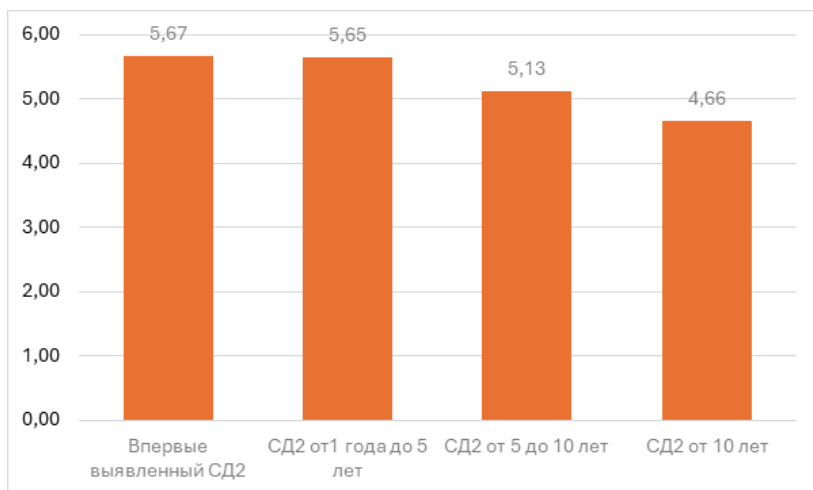

Рисунок 3. Гистограмма распределения средних значений по результатам субтеста МоСа-теста «Внимание»

Figure 3. Histogram of the distribution of average values based on the results of the MoCA Attention subtest

При статистической обработке с помощью попарного сравнения непараметрическим критерием U Манна-Уитни, различия в субтесте «Внимание» были обнаружены на высоком уровне статистической значимости ($p \leq 0,01$) между группами: впервые выявленный СД2 и длительность СД2 от 5 до 10 лет ($p = 0,002$), впервые выявленный СД2 и длительность СД2 от 10 лет ($p = 0,000$), длительность СД2 от 1 года до 5 лет и длительность СД2 от 5 до 10 лет ($p = 0,002$), длительность СД2 от 1 года до 5 лет и длительность СД2 от 10 лет ($p = 0,00002$). Статистически значимые различия ($p \leq 0,05$) обнаружены между группой с длительностью СД2 от 5 до 10 лет и длительностью СД2 от 10 лет ($p = 0,03$).

Таким образом, нарушения внимания, возникают и начинают усугубляться

после 5 лет течения сахарного диабета 2 типа.

Средние значения выполнения теста субтеста «Речь» Монреальской шкалы оценки когнитивных функций представлены на рисунке 4.

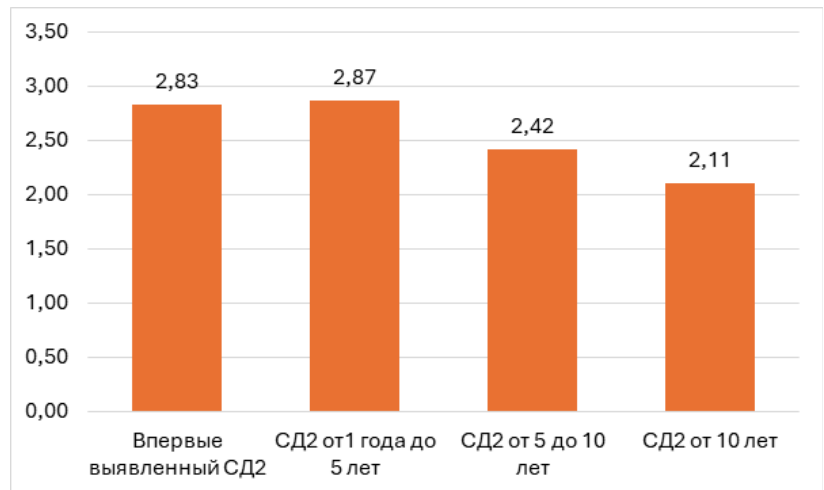

Рисунок 4. Гистограмма распределения средних значений по результатам субтеста МоСа-теста «Речь»
Figure 4. Histogram of the distribution of average values based on the results of the MoCA Speech subtest

По полученным данным был проведен статистический анализ, попарное сравнение с помощью непараметрического критерия U Манна-Уитни. Различия были обнаружены на высоком уровне статистической значимости ($p \leq 0,01$) между группами: впервые выявленный СД2 и длительность СД2 от 5 до 10 лет ($p = 0,007$), впервые выявленный СД2 и длительность СД2 от 10 лет ($p = 0,000$), длительность СД2 от 1 года до 5 лет и длительность СД2 от 5 до 10 лет ($p = 0,001$), длительность СД2 от 1 года до 5 лет и длительность СД2 от 10 лет ($p = 0,000$). Статистически значимые различия ($p \leq 0,05$) обнаружены между группой с длительностью СД2 от 5 до 10 лет и длительностью СД2 от 10 лет ($p = 0,02$).

Таким образом, нарушения речи в виде снижения беглости речи, словарного запаса, возникают и начинают усугубляться после 5 лет течения сахарного диабета 2 типа.

Средние значения выполнения теста субтеста «Абстракция» Монреальской шкалы оценки когнитивных функций представлены на рисунке 5.

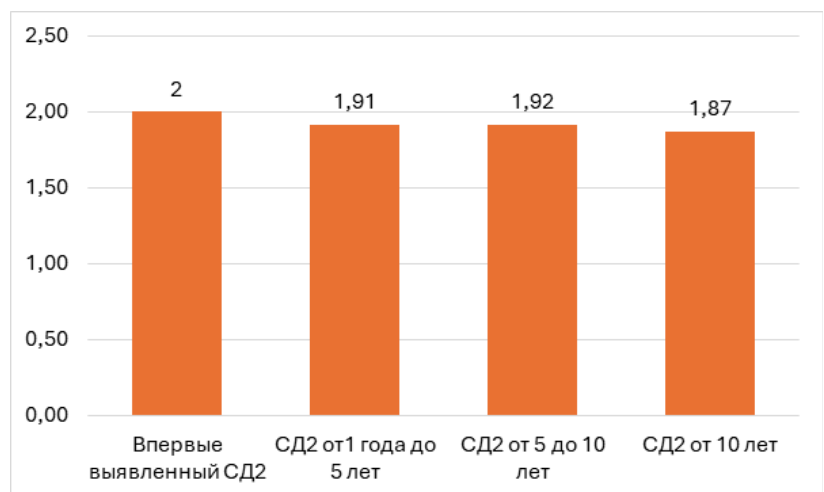

Рисунок 5. Гистограмма распределения средних значений по результатам субтеста МоСа-теста «Абстракция»
Figure 5. Histogram of the distribution of average values based on the results of the MoCA Speech subtest

При статистической обработке с помощью попарного сравнения непараметрическим критерием U Манна-Уитни статистически значимых различий в субтесте «Абстракция» не обнаружено ($p > 0,1$).

Средние значения выполнения теста субтеста «Отсроченное воспроизведе-

дение» Монреальской шкалы оценки когнитивных функций представлены на рисунке 6.

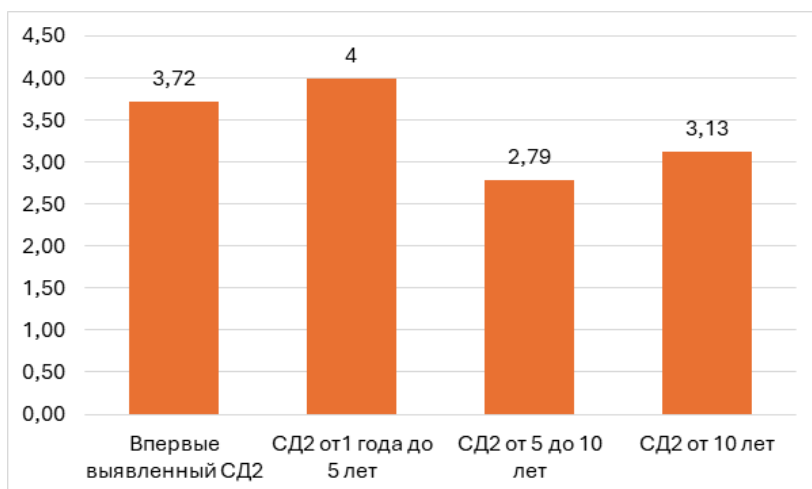

Рисунок 6. Гистограмма распределения средних значений по результатам субтеста МоСа-теста «Отсроченное воспроизведение»

Figure 6. Histogram of the distribution of average values based on the results of the MoCA-test "Delayed playback" subtest

Различия в субтесте «Отсроченное воспроизведение» были обнаружены на высоком уровне статистической значимости ($p \leq 0,01$) между группами: длительность СД2 от 1 года до 5 лет и длительность СД2 от 5 до 10 лет ($p = 0,0002$), длительность СД2 от 1 года до 5 лет и длительность СД2 от 10 лет ($p = 0,002$). Статистически значимые различия ($p \leq 0,05$) обнаружены между группой впервые выявленного СД2 и длительностью СД2 от 5 до 10 лет ($p = 0,02$).

Таким образом, нарушения памяти, начинают усугубляться после 5 лет течения диабета.

В субтесте «Ориентация» Монреальской шкалы оценки когнитивных функций все испытуемые получили одинаковое количество баллов.

Средние значения по результатам методики «Рисование часов» в каждой экспериментальной группе представлены на рисунке 7.

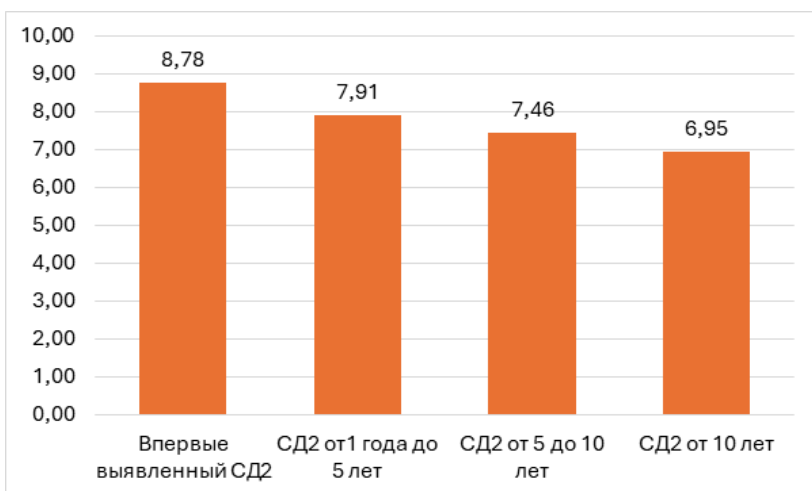

Рисунок 7. Гистограмма среднего значения методики «Рисование часов»

Figure 7. Histogram of the average value of the "Drawing the Clock" technique

Были обнаружены статистически значимые различия на высоком уровне статистической значимости ($p \leq 0,01$) между группами с впервые выявленным СД2 и длительностью СД2 от 1 года до 5 лет ($p = 0,003$), группой впервые выявленного СД2 и группой с длительностью СД2 от 5 до 10 лет ($p = 0,001$),

группой впервые выявленного СД2 и группой с длительностью СД2 более 10 лет ($p = 0,000$), группой с длительностью СД2 от 1 года до 5 лет и группой с длительностью СД2 более 10 лет ($p = 0,0009$).

Таким образом, нарушения в таких сферах как зрительно-пространственные навыки, исполнительные функции, внимание и концентрация, которые задействуются при выполнении методики «Рисование часов», усугубляются с увеличением длительности сахарного диабета 2 типа.

Среднее время в секундах выполнения проб методики «Таблицы Шульте» представлено на рисунке 8.

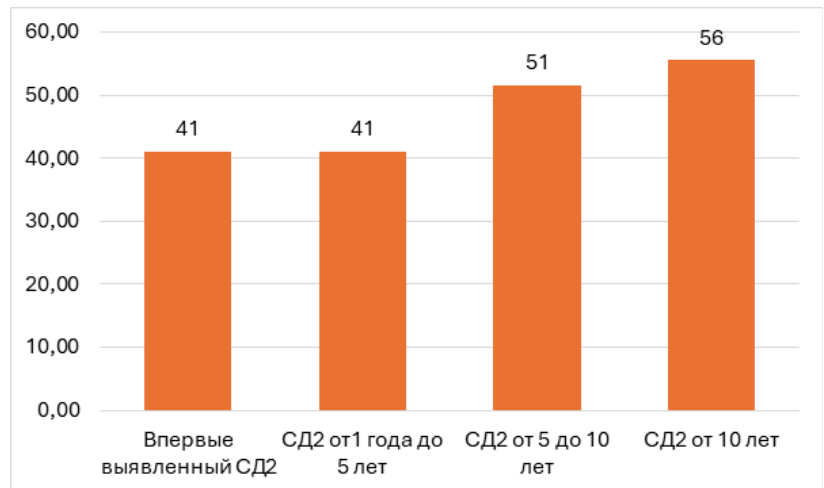

Рисунок 8. Гистограмма распределения среднего времени в секундах выполнения проб методики «Таблицы Шульте»

Figure 8. Histogram of the average time distribution in seconds for performing the "Schulte Table" test procedure

Различия были обнаружены на высоком уровне статистической значимости ($p \leq 0,01$) между группами: впервые выявленный СД2 и длительность СД2 от 5 до 10 лет ($p = 0,0002$), впервые выявленный СД2 и длительность СД2 от 10 лет ($p = 0,000$), длительность СД2 от 1 года до 5 лет и длительность СД2 от 5 до 10 лет ($p = 0,000$), длительность СД2 от 1 года до 5 лет и длительность СД2 от 10 лет ($p = 0,000$).

Таким образом, устойчивость внимания, темп психической деятельности, переключаемость снижаются при сахарном диабете 2 типа, нарастает истощаемость.

Были рассмотрены средние значения по результатам методики «Установление последовательности событий» (А.Н. Бернштейн) в каждой экспериментальной группе (Рисунок 9).

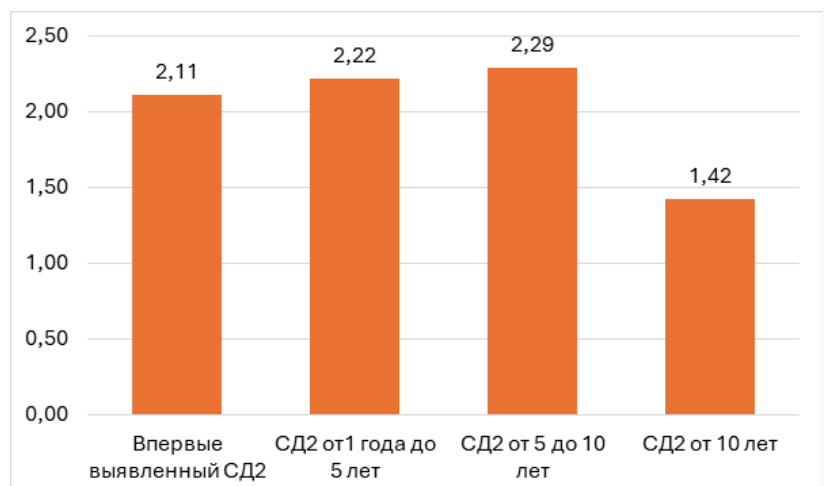

Рисунок 9. Гистограмма среднего значения методики «Установление последовательности событий»

Figure 9. Histogram of the average value of the "Sequence of events" technique

Были обнаружены различия на высоком уровне статистической значимости ($p \leq 0,01$) между группой впервые выявленного СД2 и группой с длительностью СД2 более 10 лет ($p = 0,001$), группой с длительностью СД2 от 1 года до 5 лет и группой с длительностью СД2 более 10 лет ($p = 0,0001$), группой с длительностью СД2 от 5 до 10 лет и группой с длительностью СД2 более 10 лет ($p = 0,0002$).

Таким образом, логическое мышление относительно интактно у больных с небольшой длительностью СД2 и страдает на поздних этапах

Средние значения выполнения методики «Исключение лишнего» представлены на рисунке 10.

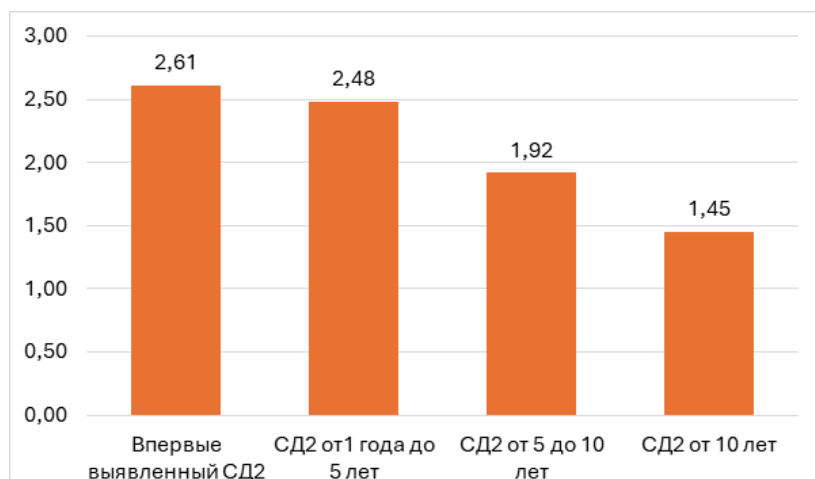

Рисунок 10. Гистограмма среднего значения методики «Исключение лишнего»
Figure 10. Histogram of the average value of the "Elimination of excess" technique

Различия в методике «Исключение лишнего» были обнаружены на высоком уровне статистической значимости ($p \leq 0,01$) между группами: впервые выявленный СД2 и длительность СД2 от 5 до 10 лет ($p = 0,0005$), впервые выявленный СД2 и длительность СД2 от 10 лет ($p = 0,000$), длительность СД2 от 1 года до 5 лет и длительность СД2 от 5 до 10 лет ($p = 0,002$), длительность СД2 от 1 года до 5 лет и длительность СД2 от 10 лет ($p = 0,000$). Статистически значимые различия ($p \leq 0,05$) обнаружены между группой с длительностью СД2 от 5 до 10 лет и длительностью СД2 от 10 лет ($p = 0,02$).

Таким образом, нарушения понятийного мышления, снижение уровня процессов обобщения и отвлечения нарастает с течением сахарного диабета 2 типа.

Нами были рассмотрены средние значения по результатам методики «Пересказ текста» в каждой экспериментальной группе (Рисунок 11).

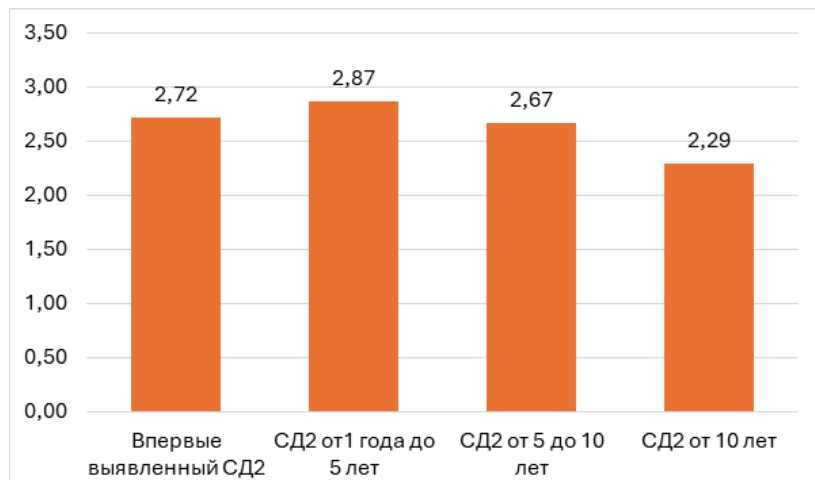

Рисунок 11. Гистограмма среднего значения методики «Пересказ текста»
Figure 11. Histogram of the average value of the "Text Retelling" technique

Были обнаружены различия на высоком уровне статистической значимости ($p \leq 0,01$) между группой с длительностью СД2 от 1 года до 5 лет и группой с длительностью СД2 более 10 лет ($p = 0,002$). Статистически значимые различия ($p \leq 0,05$) обнаружены между группой с впервые выявленным СД2 и длительностью СД2 от 10 лет ($p = 0,04$).

Таким образом, логическое мышление и слухоречевая память страдают на поздних этапах заболевания.

Далее с использованием корреляционного анализа r-Спирмена выявлены связи между длительностью сахарного диабета 2 типа и когнитивными нарушениями. Слабые отрицательные корреляционные связи ($-0,01 > r \geq -0,29$) на высоком уровне статистической значимости ($p \leq 0,01$) наблюдаются между длительностью СД2 и: методикой «Пересказ текста» – $r = -0,28$, $p = 0,004$; субтестом МоСа-теста «Отсроченное воспроизведение» – $r = -0,29$, $p = 0,003$. Умеренные отрицательные корреляционные связи ($-0,30 > r \geq -0,69$) на высоком уровне статистической значимости ($p \leq 0,01$) наблюдаются между длительностью СД2 и: методикой «Установление последовательности событий» – $r = -0,35$, $p = 0,0003$; методикой «Исключение лишнего» – $r = -0,57$, $p = 0,000$; методикой «Рисование часов» – $r = -0,59$, $p = 0,000$; субтестом МоСа-теста «Зрительно-конструктивные навыки» – $r = -0,52$, $p = 0,000$; субтестом МоСа-теста «Внимание» – $r = -0,54$, $p = 0,000$; субтестом МоСа-теста «Речь» – $r = -0,56$, $p = 0,000$; субтестом МоСа-теста «Речь» – $r = -0,56$, $p = 0,000$. Сильная отрицательная корреляционная связь ($-0,70 > r \geq -1,00$) на высоком уровне статистической значимости ($p \leq 0,01$) наблюдается между длительностью СД2 и методикой «МоСа-тест» – $r = -0,7007$, $p = 0,000$. Умеренная положительная корреляционная связь ($-0,30 < r \leq -0,69$) на высоком уровне статистической значимости ($p \leq 0,01$) наблюдается между длительностью СД2 и средним временем по «Таблицам Шульте» – $r = 0,51$, $p = 0,000$.

Полученные данные позволяют нам при помощи регрессионного анализа построить математическую модель, отражающую как длительность сахарного диабета 2 типа влияет на когнитивные функции и способную предсказывать значения по методикам для заданного возраста. Коэффициент детерминации R^2 , отражающий какую долю вариаций значений по методикам, измеряющим когнитивные функции пациентов, можно объяснить длительностью сахарного диабета 2 типа, находится в диапазоне $0,3 < R^2 \leq 0,7$ – умеренная объяснительная способность модели в расчете для значений «МоСа-теста» ($R^2 = 0,406$) и методики «Рисование часов» ($R^2 = 0,305$).

Таким образом, изменению в сторону ухудшения, вследствие увеличения длительности сахарного диабета 2 типа подвержен, в большей степени, общий когнитивный уровень пациентов, на умеренном уровне мы можем говорить о связи изменения отдельных когнитивных функций с длительностью заболевания, таких как: мышление, зрительно-пространственные функции, внимание. Память подвержена изменениям в связи с длительностью сахарного диабета 2 типа в меньшей степени.

Далее был проведен корреляционный анализ r-Спирмена внутри групп пациентов с впервые выявленным СД2, с длительностью СД2 от 1 года до 5 лет, от 5 до 10 лет и более 10 лет для установления взаимосвязей между показателями памяти, внимания, мышления, зрительно-пространственных функций и поиска различий между корреляционными плеядами.

Умеренные отрицательные корреляционные связи ($-0,30 > r \geq -0,69$) на уровне статистической значимости ($p \leq 0,05$) наблюдаются между средним временем по «Таблицам Шульте» и показателями по субтесту МоСа-теста «Внимание» – $r = -0,57$, $p = 0,013$; между средним временем по «Таблицам

Шульте» и показателями по методике «Рисование часов» – $r = -0,52$, $p = 0,03$. Умеренные корреляционные связи ($-0,30 < r \leq -0,69$) на уровне статистической значимости ($p \leq 0,05$) наблюдаются между показателями по: методике «Установление последовательности событий» и субтесту МоСа-теста «Речь» – $r = 0,59$, $p = 0,0105$; методикам «Установление последовательности событий» и «Исключение лишнего» – $r = 0,55$, $p = 0,02$; методике «Исключение лишнего» и субтесту МоСа-теста «Зрительно-конструктивные навыки» – $r = 0,56$, $p = 0,02$; методике «Рисование часов» и субтесту МоСа-теста «Внимание» – $r = 0,52$, $p = 0,03$; методике МоСа-тест и субтесту МоСа-теста «Зрительно-конструктивные навыки» – $r = 0,49$, $p = 0,04$. Сильная положительная связь ($0,70 < r \leq 1,00$) на высоком уровне статистической значимости ($p \leq 0,01$) наблюдаются между показателями по методике МоСа-тест и субтесту МоСа-теста «Отсроченное воспроизведение» – $r = 0,94$, $p = 0,000$.

У пациентов с впервые выявленным сахарным диабетом 2 типа на первый план выступают нарушения внимания и снижение уровня обобщения и отвлечения. Описанные изменения приводят к нарушениям в зрительно-пространственных и мнестических функциях, что отражается на общем когнитивном уровне.

Умеренные отрицательные корреляционные связи ($-0,30 > r \geq -0,69$) на уровне статистической значимости ($p \leq 0,05$) наблюдаются между средним временем по «Таблицам Шульте» и показателями по методике «Рисование часов» – $r = -0,44$, $p = 0,04$; между показателями по методике «Установление последовательности событий» и субтесту МоСа-теста «Абстракция» – $r = -0,45$, $p = 0,03$. Умеренные отрицательные корреляционные связи ($-0,30 > r \geq -0,69$) на высоком уровне статистической значимости ($p \leq 0,01$) наблюдаются между средним временем по «Таблицам Шульте» и показателями по субтесту МоСа-теста «Зрительно-конструктивные навыки» – $r = -0,65$, $p = 0,0009$. Умеренные корреляционные связи ($-0,30 < r \leq -0,69$) на высоком уровне статистической значимости ($p \leq 0,01$) наблюдаются между показателями по: методике «Пересказ текста» и субтесту МоСа-теста «Речь» – $r = 0,62$, $p = 0,002$; методике «МоСа-теста» и субтесту МоСа-теста «Внимание» – $r = 0,62$, $p = 0,001$; методике «МоСа-теста» и субтесту МоСа-теста «Речь» – $r = 0,57$, $p = 0,004$; методике «МоСа-теста» и субтесту МоСа-теста «Отсроченное воспроизведение» – $r = 0,59$, $p = 0,003$. Умеренная корреляционная связь ($-0,30 < r \leq -0,69$) на уровне статистической значимости ($p \leq 0,05$) наблюдается между показателями методикам «МоСа-тест» и «Исключение лишнего» – $r = 0,48$, $p = 0,02$. Сильная положительная связь ($0,70 < r \leq 1,00$) на высоком уровне статистической значимости ($p \leq 0,01$) наблюдаются между показателями по субтестами МоСа-теста «Речь» и «Внимание» – $r = 0,72$, $p = 0,0001$.

У пациентов с длительностью сахарного диабета 2 типа от 1 года до 5 лет в когнитивном профиле на первый план выступает общее когнитивное снижение и нарушения внимания, на фоне чего страдает логическое мышление и беглость речи.

Умеренные отрицательные корреляционные связи ($-0,30 > r \geq -0,69$) на уровне статистической значимости ($p \leq 0,05$) наблюдаются между средним временем по «Таблицам Шульте» и показателями по субтесту МоСа-теста «Зрительно-конструктивные навыки» – $r = -0,42$, $p = 0,04$; средним временем по «Таблицам Шульте» и показателями по субтесту МоСа-теста «Внимание» – $r = -0,47$, $p = 0,02$. Умеренные корреляционные связи ($-0,30 < r \leq -0,69$) на уровне статистической значимости ($p \leq 0,05$) наблюдаются между показателями по: методике «Установление последовательности событий» и субтесту МоСа-теста «Речь» – $r = 0,47$, $p = 0,02$; методике «Исключение лишнего» и субтесту МоСа-теста

«Отсроченное воспроизведение» – $r = 0,41$, $p = 0,05$; методике «Исключение лишнего» и субтесту МоСа-теста «Абстракция» – $r = 0,50$, $p = 0,013$; методикам «Исключение лишнего» и МоСа-тест – $r = 0,45$, $p = 0,03$; методике «Пересказ текста» и субтесту МоСа-теста «Абстракция» – $r = 0,44$, $p = 0,03$; методике «Рисование часов» и субтесту МоСа-теста «Отсроченное воспроизведение» – $r = 0,44$, $p = 0,03$; методике МоСа-тест и субтесту МоСа-теста «Абстракция» – $r = 0,44$, $p = 0,03$. Умеренные корреляционные связи ($-0,30 < r \leq -0,69$) на высоком уровне статистической значимости ($p \leq 0,01$) наблюдаются между методиками «Пересказ текста» и МоСа-тест – $r = 0,53$, $p = 0,008$; «Рисование часов» и МоСа-тест – $r = 0,55$, $p = 0,005$; методикой «Рисование часов» и субтестом МоСа-теста «Зрительно-конструктивные навыки» – $r = 0,59$, $p = 0,003$; методикой МоСа-тест и субтестом МоСа-теста «Внимание» – $r = 0,52$, $p = 0,009$; методикой МоСа-тест и субтестом МоСа-теста «Зрительно-конструктивные навыки» – $r = 0,58$, $p = 0,003$. Сильная положительная связь ($0,70 < r \leq 1,00$) на высоком уровне статистической значимости ($p \leq 0,01$) наблюдается между показателями по методикам «Исключение лишнего» и «Пересказ текста» – $r = 0,73$, $p = 0,00005$; методикой МоСа-тест и субтестом МоСа-теста «Отсроченное воспроизведение» – $r = 0,76$, $p = 0,000$.

У пациентов с длительностью сахарного диабета 2 типа от 5 до 10 лет количество корреляционных связей значительно выше, чем в группах с меньшей длительностью диабета, что указывает на нарастание общего когнитивного снижения за счет того, что нарушения отдельных психических функций взаимно влияют друг на друга.

Умеренные отрицательные корреляционные связи ($-0,30 > r \geq -0,69$) на уровне статистической значимости ($p \leq 0,05$) наблюдаются между средним временем по «Таблицам Шульте» и методикой МоСа-тест – $r = -0,34$, $p = 0,03$. Умеренные корреляционные связи ($-0,30 < r \leq -0,69$) на уровне статистической значимости ($p \leq 0,05$) наблюдаются между показателями по методикам МоСа-тест и «Рисование часов» – $r = 0,37$, $p = 0,02$. Умеренные корреляционные связи ($-0,30 < r \leq -0,69$) на высоком уровне статистической значимости ($p \leq 0,01$) наблюдаются между методикой «Исключение лишнего» и субтестом МоСа-теста «Внимание» – $r = 0,44$, $p = 0,005$; методикой МоСа-тест и субтестом МоСа-теста «Отсроченное воспроизведение» – $r = 0,67$, $p = 0,000$; методикой МоСа-тест и субтестом МоСа-теста «Речь» – $r = 0,41$, $p = 0,001$; методикой МоСа-тест и субтестом МоСа-теста «Внимание» – $r = 0,45$, $p = 0,004$; методикой МоСа-тест и субтестом МоСа-теста «Зрительно-конструктивные навыки» – $r = 0,56$, $p = 0,0003$.

У больных с длительностью сахарного диабета 2 типа более 10 лет на первый план выступает общее когнитивное снижение, так как формируется стойкий когнитивный дефект с различными преобладающими ведущими нарушениями психических функций у больных, что в среднем отражается в минимальном количестве связей между отдельными психическими функциями.

Результаты исследования демонстрируют четкую зависимость между длительностью СД2 и нарастанием когнитивного дефицита, что согласуется с данными современной литературы о СД2 как факторе, ускоряющем старение мозга. Полученная динамика (от изолированных нейродинамических нарушений к комплексному когнитивному снижению) соответствует современным представлениям о патогенезе. Ранние дефициты внимания и зрительно-пространственных функций могут быть связаны с начальными проявлениями дисфункции лобно-подкорковых сетей и изменением белого вещества на фоне микроангиопатии. Присоединение нарушений памяти и более сложных форм мышления после 5–10 лет болезни может отражать как прогрессирование

сосудистого компонента, так и возможное наложение начальных нейродегенеративных процессов, риск которых при СД2 повышен.

Выявленная специфика когнитивных профилей имеет важное практическое значение. На ранних этапах акцент в коррекции должен делаться на тренинге внимания, скорости обработки информации и исполнительных функций. На более поздних стадиях требуется комплексная нейрореабилитация, направленная на компенсацию множественных дефицитов и использование сохранных стратегий.

Ограничения исследования: Кросс-секционный дизайн не позволяет делать однозначных выводов о причинно-следственных связях. На когнитивный статус могли влиять и другие факторы (например, контроль гликемии, наличие артериальной гипертензии), которые требуют учета в будущих лонгитюдных исследованиях.

ВЫВОДЫ

1. Длительность сахарного диабета 2 типа является значимым предиктором степени тяжести когнитивных нарушений. Наблюдается прогрессирующее ухудшение общего когнитивного статуса и специфических функций (внимание, зрительно-пространственные навыки, речь, мышление) по мере увеличения стажа заболевания.

2. Когнитивный профиль пациентов с СД2 динамически меняется: от относительно изолированных нейродинамических нарушений на ранних этапах до формирования тотального мультидоменного когнитивного дефекта при длительности болезни более 10 лет.

3. Полученные данные обосновывают необходимость обязательного и регулярного нейропсихологического скрининга у пациентов с СД2, начиная с момента постановки диагноза. Раннее выявление когнитивного снижения открывает возможности для своевременного вмешательства, которое может быть направлено на замедление прогрессирования дефицита, улучшение качества жизни и приверженности лечению основного заболевания.

ЛИТЕРАТУРА

1. Балашова, А. В. Эпидемиология когнитивных нарушений у пожилых пациентов с сахарным диабетом 2 типа / А. В. Балашова, И. В. Глинкина, В. В. Фадеев // Российский журнал гериатрической медицины. – 2021. – Т. 2, № 6. – С. 249–251.

2. Ибрагимова, Н. С. Диагностика, лечение и профилактика сахарного диабета 2-го типа / Н. С. Ибрагимова, М. Зулфикарова, А. Хакимова, Х. Д. Дустмуродова. – Текст : электронный // CAJAR. – 2024. – № 1. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/diagnostika-lechenie-i-profilaktika-saharnogo-diabeta-2-go-tipa> (дата обращения: 27.09.2025).

3. Котельникова, А. В. Психометрическая апробация скрининговых методик диагностики когнитивного статуса на выборке пациентов, перенесших ишемический инсульт / А. В. Котельникова, И. В. Погонченкова, Е. В. Костенко [и др.] // Вестник восстановительной медицины. – 2023. – Т. 22, № 2. – С. 32–41. – DOI: 10.38025/2078-1962-2023-22-2-32-41.

4. Левин, О. С. Валидизация русскоязычной версии модифицированной Адденбрукской когнитивной шкалы для диагностики болезни Альцгеймера / О. С. Левин, А. Ю. Лавров, Е. Е. Васенина [и др.] // Журн. неврол. и псих. – 2015. – Т. 115, № 6-2. – С. 36–39.

5. Матвеева М. В., Самойлова Ю. Г., Жукова Н. Г. [Перспективы когнитивной реабилитации пациентов с сахарным диабетом / М. В. Матвеева, Ю. Г. Самойлова, Н. Г. Жукова [и др.] // Ожирение и метаболизм. – 2016. – № 4.

6. Методика «Таблицы Шульте» // Альманах психологических тестов. – М., 1995. – С. 112–116.

7. Рубинштейн, С. Я. Экспериментальные методики патопсихологии. Приложение / С. Я. Рубинштейн. – М.: Изд-во ЭКСМО-Пресс, 1999. – 304 с.

8. Сосина, В. Б. Когнитивные нарушения при сахарном диабете / В. Б. Сосина, В. В. Захаров, И. А. Строков, Н. В. Вахнина // Неврология, нейропсихиатрия, психосоматика. – 2017. – № 1.

9. Федеральный регистр больных сахарным диабетом: сайт. – URL: <https://sd.diaregistry.ru>.

ru/ (дата обращения: 27.09.2025). – Текст: электронный.

10. Вассерман, Л. И. Методы нейропсихологического исследования / Л. И. Вассерман, С. А. Дорофеева, Я. А. Меерсон. – СПб.: Стройлеспечать, 1997.

11. Худик, В. А. Психологические методики исследования интеллекта личности: исключение предметов / В. А. Худик. – Киев: Здоровье, 1994. – С. 3–8.

12. Шишкова, В. Н. Современный взгляд на механизмы развития когнитивных нарушений у пациентов с сердечно-сосудистыми заболеваниями и возможность их коррекции / В. Н. Шишкова, Т. В. Адашева // Нервные болезни. – 2021. – № 2.

13. Шишкова, В. Особенности развития когнитивных нарушений у пациентов с сахарным диабетом типа 2 и метаболическим синдромом / В. Шишкова, Л. Капустина // Врач. – 2018. – Т. 29, № 9. – С. 3–10. – DOI: 10.29296/25877305-2018-09-01.

14. Cognitive impairment, physical disability and depressive symptoms in older diabetic patients: the Fremantle Cognition in Diabetes Study / D. G. Bruce, G. P. Casey, V. Drange [et al.] // Diabetes Research and Clinical Practice. – 2003. – Vol. 61, № 1. – P. 59–67.

15. De Jong, R. N. The nervous system complications in diabetes mellitus with special reference to cerebrovascular changes / R. N. De Jong // J Nerv Ment Dis. – 1950. – Vol. 111. – P. 181–206.

16. Gregg, E. W. Cognitive and Physical Disabilities and Aging-Related Complications of Diabetes / E. W. Gregg, A. A. Brown // Clinical Diabetes. – 2003. – Vol. 21, № 3. – P. 113–118.

17. International Diabetes Federation : сайт. – URL: <https://idf.org/> (дата обращения: 27.09.2025). – Текст : электронный.

18. Miles, W. R. Psychologic tests applied in diabetic patients / W. R. Miles, H. F. Root // Arch Intern Med (Chic). – 1922. – Vol. 30, № 6. – P. 767–777.

19. Sadanand, S. Memory and executive functions in persons with type 2 diabetes: a meta-analysis / S. Sadanand, R. Balachandar, S. Bharath // Diabetes Metabolism Research Review. – 2016. – Vol. 32, № 2. – P. 132–142.

20. Vincent, C. Executive Function in Adults with Type 2 Diabetes: A Meta-Analytic Review / C. Vincent, P. A. Hall // Psychosomatic Medicine. – 2015. – Vol. 77, № 6. – P. 631–642.

Получена: 08.01.2026 г.

Принята к публикации: 28.03.2026 г.

SPECIFICITY OF COGNITIVE FUNCTIONS IN PATIENTS WITH TYPE 2 DIABETES MELLITUS DEPENDING ON DISEASE DURATION

© Alesya A. Kuznetsova, M.V. Akulenkova. A.D. Kozyreva

A.A. Kuznetsova - Vice-Rector for Educational Work, Social Development and Public Relations, Head of the Department of Health Psychology and Neuropsychology, Kursk State Medical University
e-mail: Kuznetsova.a80@mail.ru

M.V. Akulenkova - Assistant Professor, Department of Health Psychology and Neuropsychology, Kursk State Medical University

A.D. Kozyreva - Student, Faculty of Clinical Psychology, Kursk State Medical University
Address: 305000, Kursk, K. Marx str., 3, Russian Federation

ABSTRACT

Relevance. In recent years, researchers have increasingly focused on cognitive impairment as a complication of type 2 diabetes, along with cardiovascular disease, nephropathy, and retinal damage. Individuals with type 2 diabetes are 1.5-2 times more likely to develop a wide range of cognitive impairments, including conditions such as vascular dementia and Alzheimer's disease, than the general population. Furthermore, if a patient with this type of diabetes is additionally diagnosed with cognitive impairment, the mortality rate among such patients is 2.4 times higher than among those with the disease but without cognitive impairment. In this regard, studying the specifics of cognitive functions in patients with type 2 diabetes mellitus depending on the duration of the disease is of significant importance in order to provide comprehensive specialized care aimed at treating cognitive disorders.

Purpose: to assess the nature and dynamics of cognitive impairment in patients with type 2 diabetes mellitus and correlate them with the duration of the disease.

Materials and Methods: The study included 103 patients (aged 50-70 years) with T2DM, divided into 4 groups based on disease duration: newly diagnosed (n=18), 1-5 years (n=23), 5-10 years (n=24), and >10 years (n=38). Research methods: theoretical analysis of the literature; Psychodiagnostic methods were used (Montreal Cognitive Assessment (MoCA test); Clock Drawing Test; Schulte Tables; Establishing the Sequence of Events (A.N. Bernstein); Elimination of the Extraneous; Text Retelling). Descriptive statistics, the Mann-Whitney U-test, correlation and regression analysis were used.

Results: A statistically significant progressive decline in overall cognitive status (according to MoCA) was revealed with increasing duration of T2DM ($p < 0.01$). Impairments in visual-constructive skills and attention were detected already at the early stages. After 5 years of T2DM, attention and speech disorders worsened, and memory and logical thinking deficits were added. With a disease duration of >10 years, a persistent multifunctional cognitive defect developed. Correlation analysis showed a strong inverse relationship between the duration of T2DM and the total MoCA score ($r = -0.70$; $p < 0.01$). Analysis of correlation patterns revealed specific cognitive profiles at different stages: from isolated neurodynamic disturbances to complex interactions of deficits.

Conclusions: The duration of type 2 diabetes is a significant predictor of the degree and nature of cognitive dysfunction. These findings support the need for dynamic neuropsychological monitoring and the development of differentiated cognitive rehabilitation programs for patients with varying durations of type 2 diabetes.

KEYWORDS: diabetes mellitus; disease duration; cognitive impairment; cognitive functions; higher mental functions.

Conflict of interests. The authors declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

REFERENCES

1. Balashova, A. V. Èpidemiologiya kognitivny`x narushenij u pozhily`x pacientov s saxarny`m diabetom 2 tipa / A. V. Balashova, I. V. Glinkina, V. V. Fadeev // Rossijskij zhurnal geriatricheskoj mediciny`. – 2021. – T. 2, № 6. – S. 249–251.
2. Ibragimova, N. S. Diagnostika, lechenie i profilaktika saxarnogo diabeta 2-go tipa / N. S. Ibragimova, M. Zulfikarova, A. Xakimova, X. D. Dustmurodova. – Tekst : e`lektronny`j // CAJAR. – 2024.

– № 1. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/diagnostika-lechenie-i-profilaktika-saharnogo-diabeta-2-go-tipa> (data obrashheniya: 27.09.2025).

3. Kotel'nikova, A. V. Psixometricheskaya aprobaciya skringovny`x metodik diagnostiki kognitivnogo statusa na vy`borke pacientov, perenessix ishemicheskij insul't / A. V. Kotel'nikova, I. V. Pogonchenkova, E. V. Kostenko [i dr.] // Vestnik vosstanovitel'noj mediciny`. – 2023. – T. 22, № 2. – S. 32–41. – DOI: 10.38025/2078-1962-2023-22-2-32-41.

4. Levin, O. S. Validizaciya russkoyazy`chnoj versii modificirovannoj Addenbrukskoj kognitivnoj shkaly` dlya diagnostiki bolezni Al'czgejmera / O. S. Levin, A. Yu. Lavrov, E. E. Vasenina [i dr.] // Zhurn. nevrol. i psix. – 2015. – T. 115, № 6-2. – S. 36–39.

5. Matveeva M. V., Samojlova Yu. G., Zhukova N. G. [Perspektivy` kognitivnoj rehabilitacii pacientov s saxarny`m diabetom / M. V. Matveeva, Yu. G. Samojlova, N. G. Zhukova [i dr.] // Ozhirenje i metabolizm. – 2016. – № 4.

6. Metodika «Tablicy Shul'te» // Al'manax psixologicheskix testov. – M., 1995. – S. 112–116.

7. Rubinshtejn, S. Ya. E`ksperimental'ny`e metodiki patopsixologii. Prilozhenie / S. Ya. Rubinshtejn. – M.: Izd-vo E`KSMO-Press, 1999. – 304 s.

8. Sosina, V. B. Kognitivny`e narusheniya pri saxarny`m diabete / V. B. Sosina, V. V. Zaxarov, I. A. Stokov, N. V. Vaxnina // Nevrologiya, nejropsixiatriya, psixosomatika. – 2017. – № 1.

9. Federal'nyj registr bol'ny`x saxarny`m diabetom: sajt. – URL: <https://sd.diaregistry.ru/> (data obrashheniya: 27.09.2025). – Tekst: e`lektronnyj.

10. Vasserman, L. I. Metody` nejropsixologicheskogo issledovaniya / L. I. Vasserman, S. A. Dorofeeva, Ya. A. Meerson. – SPb.: Strojlespechat', 1997.

11. Xudik, V. A. Psixologicheskie metodiki issledovaniya intellekta lichnosti: iskluchenie predmetov / V. A. Xudik. – Kiev: Zdorov'e, 1994. – S. 3–8.

12. Shishkova, V. N. Sovremennyj vzglyad na mexanizmy` razvitiya kognitivny`x narushenij u pacientov s serdechno-sosudisty`mi zabolevaniyami i vozmozhnost` ix korrekcii / V. N. Shishkova, T. V. Adasheva // Nervny`e bolezni. – 2021. – № 2.

13. Shishkova, V. Osobennosti razvitiya kognitivny`x narushenij u pacientov s saxarny`m diabetom tipa 2 i metabolicheskim sindromom / V. Shishkova, L. Kapustina // Vrach. – 2018. – T. 29, № 9. – S. 3–10. – DOI: 10.29296/25877305-2018-09-01.

14. Cognitive impairment, physical disability and depressive symptoms in older diabetic patients: the Fremantle Cognition in Diabetes Study / D. G. Bruce, G. P. Casey, V. Drange [et al.] // Diabetes Research and Clinical Practice. – 2003. – Vol. 61, № 1. – P. 59–67.

15. De Jong, R. N. The nervous system complications in diabetes mellitus with special reference to cerebrovascular changes / R. N. De Jong // J Nerv Ment Dis. – 1950. – Vol. 111. – P. 181–206.

16. Gregg, E. W. Cognitive and Physical Disabilities and Aging-Related Complications of Diabetes / E. W. Gregg, A. A. Brown // Clinical Diabetes. – 2003. – Vol. 21, № 3. – P. 113–118.

17. International Diabetes Federation : sajt. – URL: <https://idf.org/> (data obrashheniya: 27.09.2025). – Tekst : e`lektronnyj.

18. Miles, W. R. Psychologic tests applied in diabetic patients / W. R. Miles, H. F. Root // Arch Intern Med (Chic). – 1922. – Vol. 30, № 6. – P. 767–777.

19. Sadanand, S. Memory and executive functions in persons with type 2 diabetes: a meta-analysis / S. Sadanand, R. Balachandar, S. Bharath // Diabetes Metabolism Research Review. – 2016. – Vol. 32, № 2. – P. 132–142.

20. Vincent, C. Executive Function in Adults with Type 2 Diabetes: A Meta-Analytic Review / C. Vincent, P. A. Hall // Psychosomatic Medicine. – 2015. – Vol. 77, № 6. – P. 631–642.

Received: 08.01.2026

Accepted: 28.03.2026

DOI: 10.21626/j-chr/2026-1(46)/11
УДК: 378

Медицинская психология

ОПТИКО-КООРДИНАЦИОННЫЕ ФУНКЦИИ У СЛАБОСЛЫШАЩИХ ДЕТЕЙ МЛАДШЕГО ШКОЛЬНОГО

© Н.М.К. Хахутадзе, А.А. Кузнецова, К.В. Логвина

Хахутадзе Н.М.К. – ассистент кафедры психологии здоровья и нейропсихологии ФГБОУ ВО КГМУ Минздрава России
e-mail: NahutadzeNM@kursksmu.net

Кузнецова А.А. – проректор по воспитательной работе, социальному развитию и связям с общественностью, зав. кафедрой психологии здоровья и нейропсихологии ФГБОУ ВО КГМУ Минздрава России
e-mail: Kuznetsova.a80@mail.ru

Логвина К.В. – студент 1 группы 6 курса факультета клинической психологии ФГБОУ ВО КГМУ Минздрава России
e-mail: xeni_log@list.ru
Адрес: 305041, г. Курск, ул. К. Маркса, д. 3, Российская Федерация

133

АННОТАЦИЯ

Актуальность. Актуальность данного исследования обусловлена научной потребностью в углубленном изучении механизмов взаимосвязи зрительного восприятия и координационных функций в условиях слуховой депривации, а также практической востребованностью в получении данных, которые лягут в основу разработки целенаправленных коррекционно-развивающих программ.

Цель исследования – изучение связи зрительного восприятия и координационных функций у слабослышащих детей младшего школьного возраста.

Материалы и методы. Теоретические методы исследования: библиометрический анализ, понятийно-категориальный анализ. Эмпирические методы исследования: анализ медицинской документации, наблюдение, клиническая беседа, наложенные картинки (ч\б и цветные), субтест «Недостающие детали», матрицы Равена, методика «Узнай, кто это», Тандемная проба, Проба Уемуры, проба «Марш-хлопок», проба Хэда, субтест «Складывание картинок», субтест «Лабиринты», Проба Озерецкого и Гуревича, проба на право-левую ориентировку, проба Тейлора.

Результаты. В ходе корреляционного анализа показателей зрительного восприятия и координационных функций у слабослышащих детей младшего школьного возраста были выявлены 6 значимых связей. 4 корреляционные связи имеют отрицательную тенденцию и 2 связи положительную тенденцию. У нормотипичных детей младшего школьного возраста были выявлены 9 значимых связей. Большое количество корреляционных связей может говорить о разноплановости связи зрительного восприятия и координационных функций у нормотипичных детей младшего школьного возраста. 8 корреляционных связей имеют отрицательную тенденцию и 1 связь - положительную тенденцию.

Выводы. В результате проведенного исследования связи зрительного восприятия и координационных функций у слабослышащих детей младшего школьного возраста и их нормотипичных сверстников мы получили данные, которые подтверждают центральную гипотезу нашего исследования о том, что связь зрительного восприятия и координационных функций у слабослышащих детей младшего школьного возраста отличается от связи у нормотипичных детей того же возраста.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: зрительное восприятие; координационные функции; слабослышащие; младшие школьники.

Младший школьный возраст (6-11 лет) является сензитивным периодом для формирования произвольной регуляции деятельности и сложных межфункциональных связей в психике. У детей с дефицитарным типом развития, обусловленным первичным нарушением анализаторной системы этот процесс протекает в специфических условиях перестройки всей психической деятельности по принципу системной компенсации дефекта (Bavelier et al) [29].

В данном исследовании под дефицитарным развитием понимается тип дизонтогенеза, который проявляется в выпадении какой-либо функции. В нашем исследовании в рамках дефицитарного развития рассматривается развитие на базе выпадения слуха, поэтому более подробно рассмотрим, как данный тип развития выглядит в случае снижения или полного нарушения работы слухового анализатора [1, 2, 21, 28].

Причинами нарушения или потери слуха могут выступать множество факторов. Среди основных причин принято считать: генетические факторы; перенесенные ребенком до двухлетнего возраста постнатальные инфекции (корь, менингит, энцефалит, скарлатина, отит); инфекции, перенесенные матерью в период внутриутробного развития ребенка (грипп, врожденный сифилис, краснуха, корь, токсоплазмоз) [4, 5].

Клинико-психологическая структура дефицитарного развития представлена первичными, вторичными и третичными дефектами. Первичный дефект — снижение или отсутствие слуха — приводит не к качественному структурному изменению всего психического развития. Формируется уникальный тип психологического склада, где на первый план выходят задачи компенсации и замещающего приспособления. Центральным механизмом становится перестройка межсенсорных связей и усиление роли сохранных анализаторов, прежде всего зрительного, который берет на себя часть функций слуховой системы (Басова А.Г., 2019). Это создает как возможности (гиперразвитие зрительного восприятия в определенных аспектах), так и определенные риски (сенсорная и когнитивная перегрузка, дисгармония в развитии функций) [5, 17, 18, 19, 36].

Зрительное восприятие в структуре дефицитарного развития при глухоте и слабослышании претерпевает существенную перестройку, становясь ведущим средством контакта с миром и компенсации слухового дефицита [1,6]. Происходят количественные и качественные изменения в нейрокогнитивной обработке (Bavelier et al., 2006; Pavani & Bottari, 2012), свидетельствующие о феномене повышенной периферической зрительной чувствительности и ускоренной переработки зрительных стимулов [30, 33, 34].

Это объясняется нейропластичностью — перераспределением корковых ресурсов из области височной коры, обычно специализирующиеся на слуховой информации. В случае снижения слуха энергетические ресурсы височных долей частично перенаправляются на обработку зрительных и тактильных сигналов (Finney et al., 2001) [33]. Однако это не означает, что «глухие видят лучше» в целом. Скорее, речь идет о специализированной настройке зрительной системы на задачи обнаружения движения и событий в периферическом поле зрения, критически важные для ориентации в отсутствии слуховых предупреждений. Речь и общение с окружающими также осуществляются через зрительный анализатор, что повышает общую нагрузку на данную анализаторную систему. Это может приводить к сужению объема произвольного зрительного внимания при работе с центральными стимулами (например, текстом или графическим заданием), повышенной утомляемости и трудностям в селекции — отборе релевантной зрительной информации на фоне избыточного визуального шума (Dye et al., 2009) [31].

Согласно исследованиям Н.А. Берштейна, координационные функции у детей

с нарушениями слуха формируются в условиях дефицита одного из ключевых каналов сенсорной коррекции, обеспечивающей точность и своевременность движений (Бернштейн Н.А., 1990) [8, 9, 10, 11]. Система слуха играет главную роль в поддержании динамического равновесия (вестибулярно-слуховые связи) и ориентации тела в пространстве. Ее дефицит напрямую влияет на статокINETическую устойчивость, что может проявляться в неловкости при реализации статической координации и трудностях при быстром изменении направления движения [23, 25].

Будучи основным компенсаторным каналом, зрение берет на себя всю нагрузку по контролю движений. Это приводит к формированию жесткой, ригидной зависимости моторного акта от зрительного контроля. Движения часто нуждаются в постоянном визуальном сопровождении, что замедляет их выполнение и затрудняет автоматизацию навыков (например, письма). Наблюдается феномен «моторной неловкости»: дети могут испытывать трудности в действиях, требующих тонкой дифференцировки усилий, быстрого переключения между движениями или выполнения моторных программ без опоры на прямой зрительный образ (Филаткин А.С. и др., 2019; Белова О.А., 2013) [7, 12, 27, 32].

Связь между зрением и координацией у слабослышащих младших школьников носит системно-обусловленный и взаимоусиливающий характер. Формируется патологический круг «перцептивно-моторной перегрузки». Гиперфункция зрительного анализатора, необходимого для компенсации слухового дефицита, приводит к его функциональной перегрузке [26]. В результате, ресурсов для эффективной, быстрой и точной зрительно-моторной интеграции в момент выполнения сложного действия может не хватать. Это проявляется в замедленной реакции, неточности движений, снижении темпа деятельности и качества ее выполнения. В свою очередь, моторная неловкость и потребность в усиленном визуальном контроле за движением еще больше загружают зрительную систему, создавая замкнутый круг.

И зрительное восприятие (гнозис), и координация движений (праксис) опираются на единый базис — целостные пространственные представления [26]. Их формирование у слабослышащих детей может быть затруднено из-за обедненного слухового опыта, который в норме вносит вклад в построение трехмерной модели мира. Дефицит слуховой пространственной ориентации компенсируется неполноценно. Это приводит к сочетанным трудностям: в понимании схем, в ориентировке на листе бумаги и в воспроизведении двигательных заданий в пространстве, например, копировании поз (Молчанова Л.Н., Бузовкина А.В., 2023) [25].

Таким образом, клинико-психологический профиль младшего школьника с дефицитарным развитием вследствие нарушения слуха характеризуется системной перестройкой психических функций с формированием компенсаторного гиперразвития отдельных аспектов зрительного восприятия при одновременной функциональной перегрузке зрительного анализатора и дефицитарности координационных функций, связанной с отсутствием слуховой коррекции [16, 20, 24]. Ключевой особенностью является тесная взаимозависимость и взаимообусловленность нарушений в перцептивной и моторной сферах, формирующая специфические трудности в развитии ребенка. Это определяет необходимость комплексного, системного подхода к их изучению и коррекции, направленного не на изолированную тренировку зрения или моторики, а на развитие эффективных стратегий сенсомоторной интеграции в условиях слуховой депривации.

Дефицит слухового канала приводит к структурной и энергетической пере-

стройке сенсорно-перцептивной системы, где зрительное восприятие берет на себя ведущую компенсаторную роль [13, 35]. Это, в свою очередь, трансформирует процесс формирования и реализации координационных функций, создавая прочную связь зрительного восприятия и координационных функций. В данной работе под координационными функциями понимается уровневое построение движений согласно концепции Н.А. Берштейна. Автор выделил 5 уровней построения движений:

А уровень - тонус и осанка

В уровень - согласованные мышечные сокращения

С уровень - пространственного поля

Д уровень - предметных действий

Е уровень – символическая координация

На основе описанных выше уровней осуществляется координация движений. Все уровни составляют одну систему и каждый новый уровень развивается и реализуется с участием предыдущего. В совместной работе с Н.А. Берштейном О.А. Двейрина выделяет пять форм проявления координационных функций, соответствующих пяти уровням построения движения [14,15]:

1. Уровень статической координации

2. Уровень динамической координации

3. Уровень пространственной координации

4. Уровень предметной координации

5. Уровень символической координации.

Непосредственно данные уровни рассматриваются в нашей работе и исследуется их связь со зрительным восприятием в ситуации сниженного слуха у детей младшего школьного возраста.

По показателям динамического равновесия слабослышащие отстают от слышащих сверстников во всех возрастных группах. Особенно часто это отставание проявляет себя в младшем школьном возрасте. Врожденные или ранние нарушения слуха и равновесия приводят к снижению чувства пространственной ориентировки слабослышащих, что проявляется в ходьбе, ориентации в схеме собственного тела, ориентации в пространстве. Слабослышащие при закрывании глаз показывают худшие показатели статической координации, нежели с открытыми глазами, что в очередной раз доказывает опору слабослышащих именно на зрительный анализатор, а не на слуховой анализатор или на проприорецепцию.

МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Объем выборки составил 40 человек, возрастной диапазон 6 - 11 лет – обучающиеся начальных классов. В экспериментальную группу вошли 20 детей с тугоухостью 1, 2 степени (из которых 11 девочек и 9 мальчиков) – учащиеся 2-4 классов. Контрольная группа составила 20 нормотипичных детей младшего школьного возраста (из которых 14 девочек и 6 мальчиков) – учащиеся 1-4 классов.

Эмпирические методы исследования: анализ медицинской документации, наблюдение, клиническая беседа, наложенные картинки (ч\б и цветные), субтест «Недостающие детали», матрицы Равена, методика «Узнай, кто это», Тандемная проба, Проба Уемуры, проба «Марш-хлопок», проба Хэда, субтест «Складывание картинок», субтест «Лабиринты», Проба Озерецкого и Гуревича, проба на право-левую ориентировку, проба Тейлора.

Статистические методы: сравнительная статистика – U-критерий Манна-Уитни для оценки значимости различий двух несвязанных выборок. Корреляционный анализ r-Спирмена для определения связей показателей.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Результаты сравнительной статистики, характеризующие значимые различия в показателях зрительного восприятия в экспериментальной и контрольной группах, представлены в таблице 1. и на рис. 1.

Таблица 1. Сравнительный анализ результатов методик на зрительное восприятие у детей младшего школьного возраста

Table 1. Comparative analysis of the results of visual perception techniques in primary school children

Различия зрительного восприятия в контрольной и экспериментальной группах		p-level
Наложённые картинки ЧБ	<i>шт</i> *	0,176215
	<i>с</i> **	0,000008
Наложённые картинки цвет	<i>шт</i>	1,000000
	<i>с</i>	0,448809
Недостающие детали	<i>шт</i>	0,000001
	<i>с</i>	0,000001
Матрицы Равена	<i>шт</i>	0,015479
	<i>с</i>	0,002925
Угадай, кто это	<i>шт</i>	0,046792
Проба Тейлора	<i>ошибки (шт)</i>	0,000000
	<i>с</i>	0,039802

* - количество воспроизведений

** - время выполнения

Сравнивая показатели средних значений, мы можем заметить, что практически во всех пробах (кроме пробы «матрицы Равена») слабослышащим детям требовалось больше времени, чем их нормотипичным сверстникам, что может свидетельствовать о рассеянности зрительного внимания, частых отвлечениях на лицо психолога и на окружающую обстановку. У нормотипичных детей потребности в отвлечении не возникало, так как ориентировка в пространстве осуществлялась с опорой на слух и периферическое зрение. У слабослышащих детей в основном на зрение.

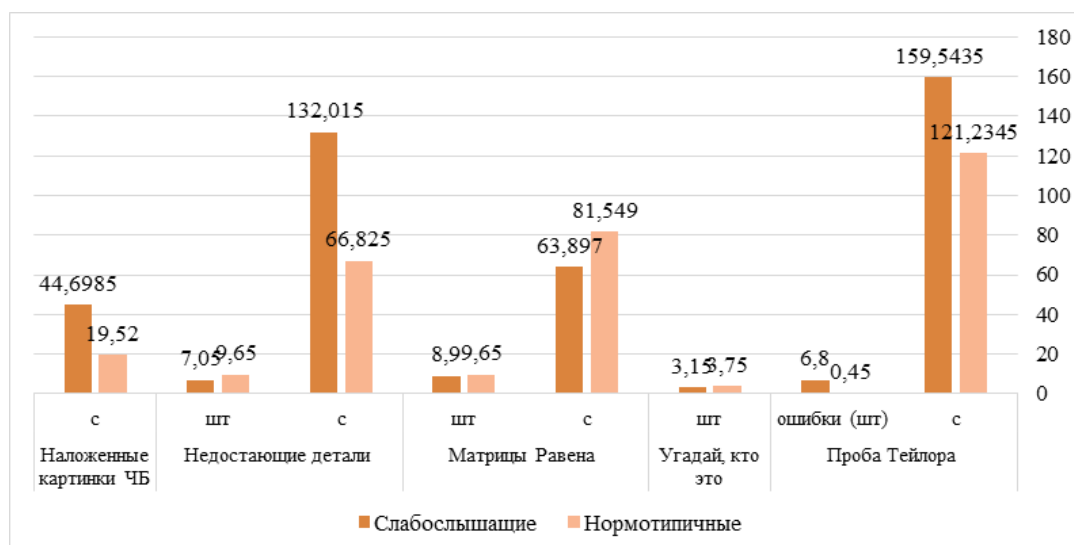

Рисунок 1. Значимые различия показателей зрительного восприятия в экспериментальной и контрольной группах (слабослышащие и нормотипичные, соответственно)

Figure 1. Significant differences in visual perception indicators between the experimental and control groups (deaf and normal-hearing, respectively)

Количественные показатели выполнения проб так же были не в пользу участников экспериментальной группы. Во всех пробах балл за выполнение пробы был ниже в экспериментальной выборке, количество ошибок, напротив, был выше, что также может говорить о рассеянности зрительного внимания, частых отвлечениях на лицо психолога и на окружающую обстановку с целью оценки окружающей обстановки и самого процесса исследования.

Результаты сравнительной статистики, характеризующие значимые различия в показателях зрительного восприятия в экспериментальной и контрольной группах, представлены в таблице 2 и на рис. 2.

Таблица 2. Сравнительный анализ результатов методик на координационные функции у детей младшего школьного возраста

Table 2. Comparative analysis of the results of methods for coordination functions in primary

Различия координационных функций в контрольной и экспериментальной группах		
Проба		p-level
Тандемная поза	<i>правая впереди (откр) с</i>	0,849818
	<i>правая впереди (закр) с</i>	0,000535
	<i>левая впереди (откр) с</i>	0,417078
	<i>левая впереди (закр)с</i>	0,005796
	<i>пятка-носок (откр)балл</i>	0,017939
	<i>пятка-носок (закр) балл</i>	0,000005
Проба Уемуры	<i>обе откр. с</i>	1,000000
	<i>обе закр.с</i>	1,000000
	<i>прав. откр.с</i>	0,291447
	<i>прав. закр с</i>	0,000039
	<i>лев. откр с</i>	0,343765
	<i>лев. закр. с</i>	0,000116
Марш-Хлопок		0,000152
Проба Озерецкого и Гуревича	<i>левая (балл)</i>	0,297678
	<i>левая (с)</i>	0,001702
	<i>правая (балл)</i>	0,008028
	<i>правая (с)</i>	0,004905
Проба Хэда		0,000056
Лабиринты	<i>ошибки (шт)</i>	0,074213
	<i>(с)</i>	0,465175
Проба на право-лево		0,000005
Складывание фигур	<i>время(с)</i>	0,026548
	<i>ошибки (шт)</i>	0,000234

Сравнивая показатели средних значений, мы можем заметить, что во всех пробах, где предполагалось закрывание глаз (выключение зрительного восприятия) нормотипичные дети имели лучшие показатели статической координации. Так как в момент выключения зрительного анализатора их опора была на проприорецепцию, чего не скажешь о слабослышащих сверстниках. Показатели слабослышащих детей ощутимо ниже, так как их опора на зрительный анализатор выше, чем у нормотипичных детей. При разрыве связи зрительного восприятия и координационных функций, показатели слабослышащих детей и нормотипичных имели значимые различия. При сохранении связи зрительного восприятия и координационных функций показатели экспериментальной и контрольной групп не имели значимых различий.

Также значимые различия были обнаружены в экспериментальной и кон-

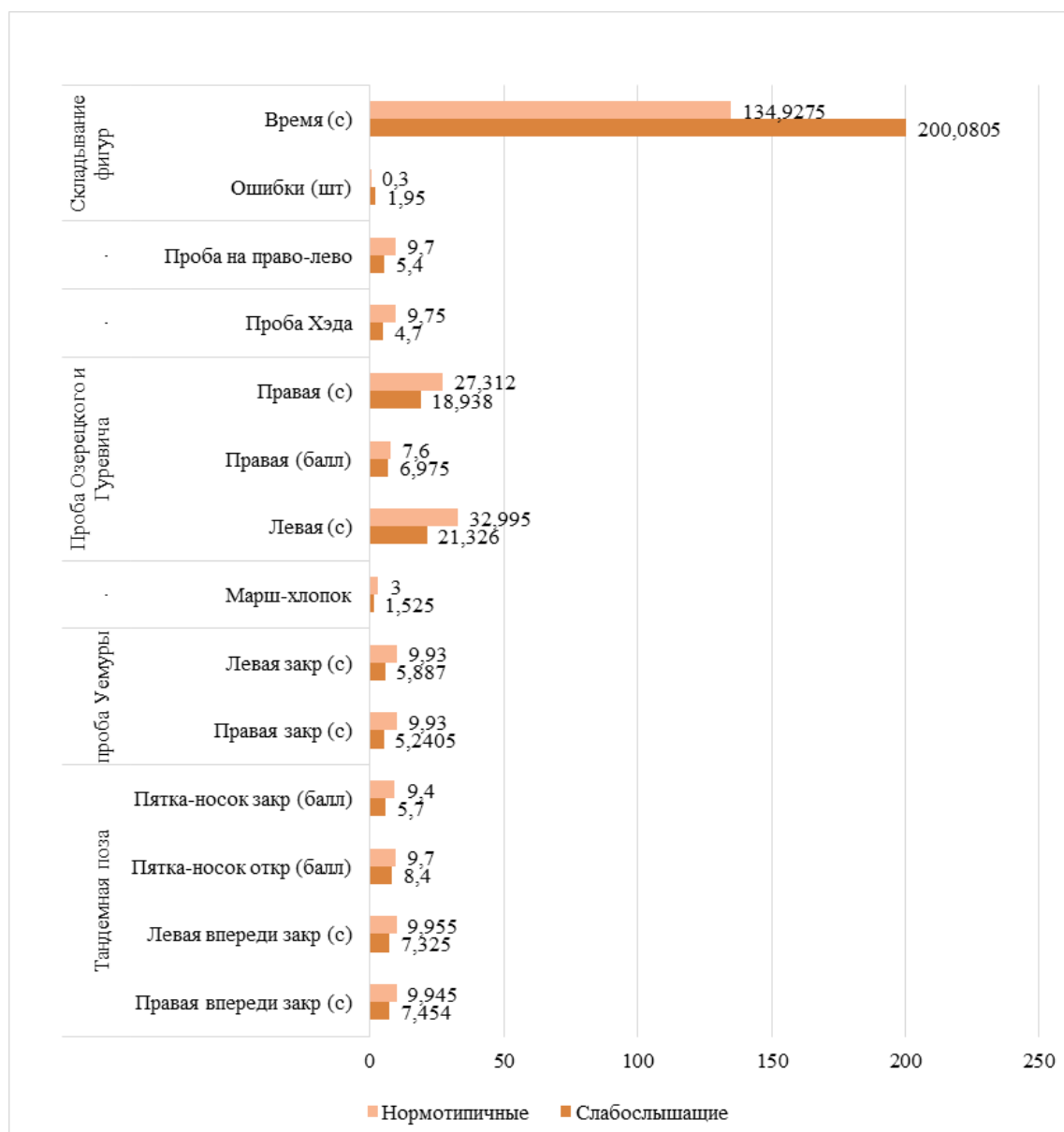

Рисунок 2. Значимые различия показателей координационных функций в экспериментальной и контрольной группах (слабослышащие и нормотипичные, соответственно)

Figure 2. Significant differences in coordination function indicators between the experimental and control groups (deaf and normal-hearing, respectively)

трольной группах в показателях динамической и пространственной координации. Темп деятельности был ниже у слабослышащих детей, что может говорить о рассеянности их внимания, об отвлечениях на окружающую обстановку. Право-левая ориентировка имеет низкие показатели в экспериментальной группе и достаточно высокие в контрольной, что говорит о сформированности понятий «право» и «лево» у нормотипичных детей младшего школьного возраста и несформированности данных понятий у слабослышащих ровесников.

В показателях предметной и символической координаций значимые различия были обнаружены в количестве времени, необходимом для выполнения задания, что говорит в пользу сниженного темпа деятельности у слабослышащих детей младшего школьного возраста.

Результаты эмпирического исследования связи зрительного восприятия и координационных функций с помощью корреляционного анализа R-Спирмена

Так как методики имеют несколько критериев и соответственно несколько показателей связи, было принято решение выделить среднее значение коэффи-

циента корреляционной связи по каждой методике, чтобы определить истинную связь между показателями зрительного восприятия и координационных функций у слабослышащих детей младшего школьного возраста. Результаты средних значений коэффициентов корреляционной связи представлены в таблице 3.

Таблица 3. Результаты средних значений коэффициентов корреляционной связи у слабослышащих детей младшего школьного возраста

Table 3. The results of the average values of correlation coefficients in hearing-impaired children of primary school age

	Зрительное восприятие									
	Проба	Наложены картинки ЧБ	Недостающие детали		Матрицы Равена		Угадай, кто это	Проба Тейлора		
	Проба	с**	шт*	с	шт	с	балл	Ошибки (шт)	с	
Координационные функции	Тандемная поза	-0,313		0,042		-0,1232		0,2805		0,005
	Проба Уэмур	0,065		-0,0375		-0,377		0,2475		-0,0065
	Марш-хлопок	-0,534		-0,077		0,111		0,012		-0,279
	Проба Озерцкого и Гуревича	-0,092		0,171		0,1373		-0,2417		-0,018
	Проба Хада	0,349		0,1565		0,2005		-0,319		0,0495
	Проба на право-лево	-0,094		-0,049		-0,292		-0,405		0,0795
	Складывание фигур	-0,057		-0,1458		0,025		0,125		0,2305

* - количество воспроизведений

** - время выполнения

С целью выявления характера взаимосвязей между уровнем развития зрительного восприятия и координационных способностей у слабослышащих детей младшего школьного возраста был проведен корреляционный

анализ (с использованием критерия r -Пирсона). В результате анализа были обнаружены множественные статистически значимые связи, которые можно разделить на положительные и отрицательные корреляции, различающиеся по направленности и силе.

Выявлена отрицательная корреляция высокой статистической значимости ($p < 0,001$) заметной силы между показателями пробы «Марш-хлопок» (оценка чувства ритма и координации движений) и методики «Наложенные картинки ЧБ» (зрительное восприятие) ($r = -0,534$; $p = 0,000$). Это указывает на то, что низкий уровень помехоустойчивости зрительного восприятия (трудности выделения фигуры из фона) сопряжен с высокими показателями в ритмических пробах, что может говорить о компенсаторном усилении слухо-моторной координации при относительной слабости зрительного анализа.

Обнаружена отрицательная корреляционная связь на высоком уровне значимости ($p < 0,001$) заметной силы между показателями пробы на дифференциацию «лево-право» и тестом «Угадай, кто это» (опознание эмоций) ($r = -0,405$; $p = 0,000$). Вероятно, трудности пространственной ориентации сопровождаются лучшим распознаванием эмоциональных состояний, что может быть связано с гиперчувствительностью к невербальным сигналам собеседника как компенсаторному механизму в условиях нарушенного слуха.

Зафиксированы отрицательные связи на уровне статистической тенденции ($p < 0,1$) между показателями статического равновесия («Тандемная поза») и зрительного восприятия («Наложенные картинки») ($r = -0,313$; $p = 0,056$), а также между динамическим равновесием («Проба Уемуры») и невербальным интеллектом («Матрицы Равена») ($r = -0,377$; $p = 0,051$). Эти тенденции могут свидетельствовать о том, что поддержание поструральной устойчивости требует отвлечения когнитивных ресурсов, что временно снижает эффективность зрительного анализа.

Обнаружена положительная статистически значимая связь умеренной силы между показателями «Проба Хэда» (пространственная организация движений) и методикой «Наложенные картинки ЧБ» ($r = 0,349$; $p = 0,027$). Данный результат интерпретируется как прямое влияние успешности зрительно-пространственного анализа на способность к выполнению координированных движений по образцу.

Интерес представляет двойственная роль пробы Хэда: она демонстрирует как положительную связь с опознаванием наложенных изображений ($r = 0,349$), так и отрицательную тенденцию с опознаванием эмоций («Угадай, кто это», $r = -0,319$; $p = 0,058$). Это позволяет предположить, что механизмы пространственного праксиса и социального восприятия (эмпатии) у слабослышащих детей могут быть относительно диссоциированы: успешность в одном виде деятельности не гарантирует успешности в другом, а в некоторых случаях даже противоречит ей.

Полученные результаты демонстрируют сложную, нелинейную структуру взаимосвязей между зрительным восприятием и координацией у слабослышащих детей.

С одной стороны, подтверждается гипотеза об опоре на зрение: успешность зрительно-пространственного анализа («Наложенные картинки») положительно связана с точностью выполнения пространственно-организованных движений (проба Хэда). Это классический механизм, где зрительный контроль выступает ведущим афферентным каналом при построении движений.

С другой стороны, обнаружено большое количество отрицательных связей, что парадоксально на первый взгляд. Это может объясняться компенсаторным замещением: при дефиците слуховой афферентации дети вынуждены пола-

гаться на разные каналы. Высокое развитие чувства ритма (как производной от слухового восприятия) может развиваться в ущерб зрительно-перцептивным способностям, и наоборот. Организм как бы выбирает «доминирующую» сенсорную систему. Энергозатратность функций: поддержание равновесия («Тандем», «Уемура») требует значительного нервно-психического напряжения. В условиях сенсорной депривации это напряжение может «тормозить» параллельно протекающие процессы зрительного опознавания, что и отражается в отрицательных связях на уровне тенденций. Разные виды зрительного восприятия (предметное, эмоциональное, пространственное) по-разному связаны с моторикой. Опознавание эмоций, будучи социальным интеллектом, требует иных нейрофизиологических механизмов, нежели моторное планирование, что подтверждается отрицательными связями с пробами на лево-право и пробой Хэда.

Таким образом, утверждение «если лучше развито зрительное восприятие, то координация будет выше» справедливо лишь для узкого класса пространственно-ориентированных движений (проба Хэда). В целом же, система отношений между восприятием и координацией у слабослышащих детей носит конкурентный и разнонаправленный характер, что необходимо учитывать при планировании коррекционной работы.

Так как методики имеют несколько критериев и соответственно несколько показателей связи, было принято решение выделить среднее значение коэффициента корреляционной связи по каждой методике, чтобы определить истинную связь между показателями зрительного восприятия и координационных функций у нормотипичных детей младшего школьного возраста. Результаты средних значений коэффициентов корреляционной связи представлены в таблице 4.

Таблица 4. Результаты средних значений коэффициентов корреляционной связи у нормотипичных детей младшего школьного возраста

Table 4. The results of the average values of correlation coefficients in normotypic children of primary school age school children

		Зрительное восприятие								
		Проба	Наложенные картинки ЧБ	Недостающие детали		Матрицы Равена		Угадай, кто это	Проба Тейлора	
				шт	с	шт	с		Ошибки (шт)	с
Координационные функции	Проба Тандемная поза	-0,375	0,202			0,244		0,151		-0,389
	Проба Уемуры	-0,551	-0,101			0,0934		0,1767		-0,118
	Марш хлопочка	-0,416	0,035			0,371		-0,161		-0,281
	Проба Озерского и Гуревича	-0,041	0,1343			0,1402		0,03		-0,135
	Проба Хэда	-0,614	0,0815			0,2595		-0,107		-0,350
	Проба на право-лево	-0,635	0,0605			0,256		-0,126		-0,1382
	Складывание фигур	0,449	-0,168			-0,2863		-0,083		0,1883

В ходе корреляционного анализа (r-Пирсона) показателей зрительного восприятия и координационных функций у нормотипичных детей младшего школьного возраста была выявлена разветвленная система взаимосвязей, характеризующаяся преимущественно обратной направленностью.

подавляющее большинство обнаруженных связей являются отрицательными, при этом их сила варьирует от умеренной до высокой:

Зафиксированы отрицательные корреляции высокой статистической значимости ($p < 0,001$) между показателями динамического равновесия («Проба Уемуры») и зрительного восприятия («Наложённые картинки ЧБ») ($r = -0,551$; $p = 0,000$), а также между чувством ритма («Марш-хлопок») и той же методикой «Наложённые картинки» ($r = -0,416$; $p = 0,000$).

Выявлены отрицательные связи заметной силы на высоком уровне значимости между показателями пространственной ориентации («Проба на лево-право») и зрительного восприятия («Наложённые картинки ЧБ») ($r = -0,635$; $p = 0,000$).

Обнаружены статистически значимые отрицательные корреляции заметной силы между показателями пространственного праксиса («Проба Хэда») и зрительным восприятием как на материале наложенных изображений ($r = -0,614$; $p = 0,021$), так и на материале копирования фигур («Проба Тейлора»), $r = -0,350$; $p = 0,042$).

На уровне статистической тенденции ($p < 0,1$) выявлены отрицательные связи умеренной силы между статическим равновесием («Тандемная поза») и показателями зрительного восприятия: «Наложённые картинки ЧБ» ($r = -0,375$; $p = 0,062$) и «Проба Тейлора» ($r = -0,389$; $p = 0,059$).

На фоне доминирования отрицательных корреляций обнаружены единичные положительные связи:

Выявлена статистически значимая положительная связь умеренной силы между показателями конструктивного праксиса («Складывание фигур») и зрительным восприятием («Наложённые картинки ЧБ») ($r = 0,449$; $p = 0,042$).

Зафиксирована положительная связь на уровне статистической тенденции между чувством ритма («Марш-хлопок») и невербальным интеллектом («Матрицы Равена») ($r = 0,371$; $p = 0,066$).

Полученные данные свидетельствуют о принципиально иной, по сравнению со слабослышащими сверстниками, организации межанализаторных связей у нормотипичных детей. Доминирование обратных связей как признак сформированной функциональной специализации. У нормотипичных детей младшего школьного возраста мозговые структуры уже достаточно дифференцированы. Высокий уровень развития зрительного восприятия не требует постоянной «поддержки» со стороны моторных функций в повседневной деятельности, и наоборот. Отрицательный характер связей ($r = -0,614$; $-0,635$) может отражать не конкуренцию, а функциональное расслоение: ребенок, успешный в зрительно-перцептивных задачах, может позволить себе быть менее сконцентрированным на моторном контроле, так как последний автоматизирован. Отрицательные корреляции подтверждают гипотезу о том, что при относительных затруднениях в одной сфере (например, при помехоустойчивости зрительного восприятия в тесте «Наложённые картинки») нормотипичный ребенок эффективно переключается на другие каналы афферентации — проприоцептивный и слуховой. Это обеспечивает высокие показатели в координационных пробах («Уемура», «Марш-хлопок», «Лево-право»). Таким образом, система демонстрирует высокую гибкость и взаимозаменяемость сенсорных потоков. Единичная положительная связь между конструктивным праксисом и зрительным восприятием указывает на то, что лишь некоторые виды деятельности (связанные с предметным манипулированием и сборкой)

требуют одновременной активации обоих каналов. В остальных же случаях системы функционируют относительно автономно.

Сопоставление с данными, полученными на выборке слабослышащих детей, выявляет качественные различия.

У слабослышащих детей наблюдалась как положительная связь (опора на зрение при координации движений), так и отрицательная (конкуренция за ресурсы), что указывает на напряженный, конфликтный характер межанализаторного взаимодействия в условиях сенсорной депривации.

У нормотипичных детей доминирование отрицательных связей носит не «конкурентный», а скорее «функционально-разделительный» характер. Недостатки зрительного восприятия действительно не оказывают критического влияния на координацию, так как включаются резервные механизмы (слух, проприорецепция), работающие автоматически и без существенных энергозатрат.

ВЫВОДЫ

Проведенное сравнительное исследование особенностей взаимосвязи зрительного восприятия и координационных функций у слабослышащих и нормотипичных детей младшего школьного возраста позволило подтвердить исходную гипотезу о качественном различии структуры межанализаторных связей в исследуемых группах.

Установлено, что у слабослышащих детей взаимосвязь между зрительным восприятием и координационными функциями носит преимущественно прямой характер: более высокий уровень развития зрительно-перцептивных процессов является необходимым условием для успешного выполнения координационных проб. Это объясняется тем, что в условиях слуховой депривации зрительный анализатор берет на себя ведущую афферентную роль в обеспечении двигательных актов.

В группе нормотипичных сверстников, напротив, доминирует обратный характер связей, что свидетельствует о функциональной автономии и взаимозаменяемости анализаторных систем. Относительные погрешности зрительного восприятия у данной категории детей не оказывают критического влияния на качество координационных функций, поскольку в процессе деятельности происходит автоматическое переключение на альтернативные источники информации — слуховой и проприоцептивный каналы.

В процессе диагностики были выявлены специфические поведенческие маркеры, характеризующие стратегии пространственной ориентировки. У слабослышащих детей наблюдалась выраженная рассеянность зрительного внимания, проявляющаяся в частых отвлечениях от стимульного материала на лицо психолога и окружающую обстановку. Данный феномен интерпретируется как вынужденная компенсаторная стратегия: стремление получить недостающую слуховую информацию через зрительный канал (чтение с губ, отслеживание невербальных реакций), что приводит к быстрой истощаемости внимания. У нормотипичных детей подобных отвлечений не зафиксировано. Ориентировка в пространстве и задании осуществлялась автоматически, с опорой на интегрированную работу слуха, периферического зрения и проприоцепции, что не требовало дополнительного привлечения зрительного контроля.

Экспериментально подтверждена критическая значимость зрительного восприятия для слабослышащих детей. В условиях искусственного или естественного «выключения» зрительного контроля (например, при выполнении проб на координацию без зрительной опоры) у данной группы наблюдалось

статистически значимое ухудшение показателей. У нормотипичных детей аналогичные условия не вызывали столь заметного снижения результатов, что подтверждает наличие у них сформированных резервных механизмов регуляции (кинестетический и вестибулярный контроль).

Выявлены значимые межгрупповые различия по темпу деятельности и сформированности пространственных представлений. Темп деятельности у слабослышащих школьников был достоверно ниже, чем в контрольной группе. Данный факт обусловлен повышенной истощаемостью внимания и необходимостью дополнительного времени для зрительного анализа инструкции и условий задания.

Право-левая ориентировка (дифференциация понятий «право» и «лево») оказалась значительно менее сформированной у слабослышащих детей по сравнению с нормотипичными сверстниками. Это указывает на задержку в формировании телесного и пространственного схематизма, что, вероятно, связано с ограниченным поступлением вербализованных пространственных эталонов в процессе спонтанного общения.

Таким образом, исследование показало, что слуховая депривация у младших школьников приводит к формированию особого типа межанализаторного взаимодействия, при котором зрительное восприятие становится доминирующей, но при этом ресурсозатратной опорой для координационной сферы. В отличие от нормотипичных сверстников, обладающих гибкой системой сенсорного обеспечения движений, слабослышащие дети демонстрируют жесткую зависимость успешности моторной деятельности от качества зрительного анализа, что требует учета при разработке программ психолого-педагогического сопровождения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Айрес, Э. Дж. Ребенок и сенсорная интеграция. Понимание скрытых проблем развития / Э. Дж. Айрес ; пер. с англ. Ю. Даре. — М. : Теревинф, 2009. — 272 с. — ISBN 978-5-901599-90-7.
2. Анохин, П. К. Очерки по физиологии функциональных систем / П. К. Анохин. — М. : Медицина, 1975. — 477 с.
3. Бальсевич, В. К. Развитие быстроты и координации движений у детей 5-6 лет / В. К. Бальсевич, М. Н. Королева, Л. Т. Майорова // Теория и практика физической культуры. — 2002. — № 10. — С. 63–68.
4. Барабанщиков, В. А. Психология восприятия: организация и развитие перцептивного процесса / В. А. Барабанщиков. — М. : Когито-Центр, 2006. — 370 с. — ISBN 5-89353-181-7.
5. Басова, А. Г. Особенности развития слабослышащих детей / А. Г. Басова. — М. : Просвещение, 2019. — 207 с.
6. Белова, О.А. Особенности зрительного восприятия у учащихся с нарушениями слухового сенсорной системы / О.А. Белова, В.Ф. Сазонов // Электронный научно-образовательный вестник здоровье и образование в XXI веке. — 2015. — Т.17, №10. — С.1-8.
7. Белова, О. А. Уровень развития мелкой моторики и зрительно-моторных координаций у учащихся младших классов, депривированных по слуху / О. А. Белова // Образовательный вестник «Сознание». — 2013. — Т. 15, № 7. — С. 1–13.
8. Бернштейн, Н. А. О построении движений / Н. А. Бернштейн. — М.: Медгиз, 1947. — 255 с.
9. Бернштейн, Н. А. Очерки по физиологии движений и физиологии активности / Н. А. Бернштейн. — М.: Медицина, 1966. — 349 с.
10. Бернштейн, Н. А. Пути и задачи физиологии активности // Н. А. Бернштейн / Вопросы философии. — 1961. — № 6. — С. 78–92.
11. Бернштейн, Н. А. Физиология движений и активность / Н. А. Бернштейн ; под ред. О. Г. Газенко. — М. : Наука, 1990. — 494 с.
12. Визель, Т.Г. Основы нейропсихологии: учеб. для студентов вузов / Т.Г. Визель. - М.: АСТАстрель Транзиткнига, 2005. 384 с.
13. Выготский, Л. С. История развития высших психических функций // Собрание сочинений : в 6 т. / Л. С. Выготский ; под ред. А. М. Матюшкина. — Москва : Педагогика, 1983. — Т. 3 : Проблемы развития психики. — 328 с.

14. Двейрина, О. А. Координационные способности: определение понятия, классификация форм проявления / О. А. Двейрина // Ученые записки университета Лесгафта. — 2008. — № 1 (35). — С. 25–28. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/koordinatsionnye-sposobnosti-opredelenie-ponyatiya-klassifikatsiya-form-proyavleniya> (дата обращения: 27.11.2025).
15. Запорожец, А.В. Развитие произвольных движений / А.В. Запорожец – М.: Педагогика, 1986 – 342 с.
16. Зинченко, В. П. Зрительное восприятие и творчество. Онтогенез и микрогенез перцептивной деятельности // Образ и деятельность / В. П. Зинченко. — Москва : Ин-т практ. психологии ; Воронеж : НПО «МОДЭК», 1997. — С. 391–405.
17. Козловская, Г.В., Актуальные вопросы охраны психического здоровья детей раннего возраста / Козловская Г.В., Калинина М.А., Иванов М.В. [и др.]. // Научно-практический журнал психиатрии, психологии, психотерапии и смежных дисциплин. - 2013. - № 2. - С. 11–15.
18. Лебединская, К.С. Нарушения психического развития в детском и подростковом возрасте / К.С. Лебединский, В.В. Лебединский. – 7-е изд., испр. и доп. – М.: Академический проект; Трикста, 2011. – 303 с.
19. Лебединский, В.В. Нарушения психического развития у детей. / В.В. Лебединский. – М.: Изд – во МГУ, 2007. – 168 с.
20. Леонтьев, А. Н. Деятельность. Сознание. Личность / А. Н. Леонтьев. — Москва : Политиздат, 1975. — 304 с.
21. Лубовский, В.И. Специальная психология / В.И. Лубовский В.И. – 5-е изд., стер. – М.: Академия, 2007. – 464 с.
22. Лурия, А. Р. Основы нейропсихологии : учебное пособие / А.Р. Лурия. – М. : Изд-во МГУ, 1973. – 375 с.
23. Лях, В. И. Координационные способности школьников / В. И. Лях. — Минск : Полымя, 1989. — 159 с. : ил. — ISBN 5-345-00133-2.
24. Лях, В. И. Сензитивные периоды развития координационных способностей детей в школьном возрасте / В. И. Лях // Теория и практика физической культуры. — 2000. — № 3. — С. 15–18.
25. Молчанова, Л. Н. Особенности координационных функций у слабослышащих детей младшего школьного возраста: концептуальная модель исследования / Л. Н. Молчанова, А. В. Бузовкина // Клиническая и специальная психология. — 2023. — Т. 12, № 3. — С. 188–212. — DOI: 10.17759/cpse.2023120310.
26. Томилова, Е. А. Комплексная оценка физического развития детей младшего школьного возраста с различным уровнем привычной двигательной активности / Е. А. Томилова // World science: problems and innovations : сб. ст. междунар. науч.-практ. конф. — Пенза, 2016. — С. 455–458.
27. Филаткин, А. С. Особенности проявления координационных способностей при выполнении двигательных действий у детей 8–10 лет с нарушениями слуха / А. С. Филаткин, Г. И. Дерябина, Д. А. Калмыков // Инновации и традиции в современном физкультурном образовании : сб. материалов межвуз. науч.-практ. конф. / Моск. гор. психол.-пед. ун-т. — Москва, 2019. — С. 373–380.
28. Ayres, A. J. The Development of Sensory Integrative Theory and Practice: A Collection of the Works of A. Jean Ayres / A. J. Ayres. — Dubuque : Kendall/Hunt Pub Co., 1974.
29. Bavelier, D. Do deaf individuals see better? / D. Bavelier [et al.] // Trends in Cognitive Sciences. — 2006. — Vol. 10 (11). — P. 512–518.
30. Dye, M. W. G. Visual attention in deaf children / M. W. G. Dye [et al.] // Journal of Deaf Studies and Deaf Education. — 2009. — Vol. 14 (2). — P. 275–276.
31. Dye, M. W. G. Visual attention in deaf and normal hearing adults / M. W. G. Dye [et al.] // Perception. — 2009. — Vol. 38. — P. 152.
32. Emmorey, K. Language, cognition, and the brain: Insights from sign language research / K. Emmorey. — Mahwah, N.J. : Lawrence Erlbaum Associates Publishers, 2002. — 383 p.
33. Merzenich, M. M. Harnessing the neuroplastic potential of the human brain & the future of cognitive rehabilitation / M. M. Merzenich [et al.] // Frontiers in Human Neuroscience. — 2014. — Vol. 8. — Art. 218. — P. 1–5. — DOI: 10.3389/fnhum.2014.00218.
34. Pavani, F. Visual abilities in individuals with profound deafness: A critical review / F. Pavani, D. Bottari // Developmental Cognitive Neuroscience. — 2012. — Vol. 2 (1). — P. 12–23.
35. Petitto, L. A. Speech-like cerebral activity in profoundly deaf people processing signed languages: Implications for the neural basis of human language / L. A. Petitto [et al.] // Proceedings of the National Academy of Sciences. — 2000. — Vol. 97 (25). — P. 13961–13966.
36. Proksch, J. Changes in the spatial distribution of visual attention after early deafness / J. Proksch, D. Bavelier // Journal of Cognitive Neuroscience. — 2002. — Vol. 14 (5). — P. 687–701.

OPTICAL COORDINATION FUNCTIONS IN HEARING-IMPAIRED CHILDREN OF PRIMARY SCHOOL AGE

© N.M.K. Khakhutadze, A.A. Kuznetsova, K.V. Logvina

N.M.K. Khakhutadze – Assistant at the Department of Health Psychology and Neuropsychology, Kursk State Medical University

e-mail: HahutadzeNM@kursksmu.net

A.A. Kuznetsova – Vice-Rector for Educational Work, Social Development and Public Relations, Head of the Department of Health Psychology and Neuropsychology, Kursk State Medical University

e-mail: Kuznetsova.a80@mail.ru

Logvina K.V. - student, Kursk State Medical University

e-mail: xeni_log@list.ru

Address: 3 305041, K. Marx St., Kursk, Russian Federation

ABSTRACT

Relevance. The relevance of this study is due to the scientific need for an in-depth study of the mechanisms of the relationship between visual perception and coordination functions in conditions of auditory deprivation, as well as the practical need to obtain data that will form the basis for the development of targeted correctional and developmental programs.

Purpose. The aim of the study is to study the relationship between visual perception and coordination functions in hearing-impaired children of primary school age.

The central hypothesis of our study is the assumption that the relationship between visual perception and coordination functions in hearing-impaired children of primary school age differs from the relationship in normotypic children of the same age.

Materials and Methods. Theoretical research methods: bibliometric analysis, conceptual and categorical analysis. Empirical research methods: analysis of medical documentation, observation, clinical conversation, superimposed images (black and color), "Missing parts" subtest, Raven matrices, "Find out who it is" technique, Tandem test, Uemura test, "March-cotton" test, Head test, "Folding pictures" subtest, the "Labyrinths" subtest, the Ozeretsky and Gurevich test, the right-left orientation test, the Taylor test.

Results: During the correlation analysis of visual perception and coordination functions in hearing-impaired children of primary school age, 6 significant relationships were identified. 4 correlations have a negative trend and 2 correlations have a positive trend. 9 significant relationships were identified in normotypic primary school children. A large number of correlations may indicate a diverse relationship between visual perception and coordination functions in normotypic primary school children. 8 correlations have a negative trend and 1 correlation has a positive trend.

Conclusions: As a result of the study of the relationship between visual perception and coordination functions in hearing-impaired primary school children and their normotypic peers, we have obtained data that confirm the central hypothesis of our study that the relationship between visual perception and coordination functions in hearing-impaired primary school children differs from the relationship in normotypic children of the same age.

KEYWORDS: visual perception; coordination functions; hearing loss; elementary school students.

Conflict of interests. The authors declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

REFERENCES

1. Ajres, E. Dzh. Rebenok i sensornaya integraciya. Ponimanie skrytyx problem razvitiya / E. Dzh. Ajres ; per. s angl. Yu. Dare. — M. : Terevinf, 2009. — 272 s. — ISBN 978-5-901599-90-7.
2. Anoxin, P. K. Oчерки по физиологии функциональнyx систем / P. K. Anoxin. — M. : Medicina, 1975. — 477 s.
3. Bal'sevich, V. K. Razvitie bystroty i koordinacii dvizhenij u detej 5-6 let / V. K. Bal'sevich, M. N. Koroleva, L. T. Majorova // Teoriya i praktika fizicheskoj kul'tury. — 2002. — № 10. — S. 63–68.
4. Barabanshnikov, V. A. Psixologiya vospriyatiya: organizaciya i razvitie perceptivnogo processa / V. A. Barabanshnikov. — M. : Kogito-Centr, 2006. — 370 s. — ISBN 5-89353-181-7.
5. Basova, A. G. Osobennosti razvitiya slaboslyshashix detej / A. G. Basova. — M. : Prosves-

hnenie, 2019. — 207 s.

6. Belova, O.A. Osobennosti zritel'nogo vospriyatiya u uchashhixsya s narusheniyami sluxovogo sensornoj sistemy / O.A. Belova, V.F. Sazonov // E'lektronnyj nauchno-obrazovatel'nyj vestnik zdorov'e i obrazovanie v XXI veke. — 2015. — T.17, №10. — S.1-8.

7. Belova, O. A. Uroven' razvitiya melkoj motoriki i zritel'no-motornyx koordinacij u uchashhixsya mladshix klassov, deprivirovannyx po sluxu / O. A. Belova // Obrazovatel'nyj vestnik «Soznanie». — 2013. — T. 15, № 7. — S. 1–13.

8. Bernshtejn, N. A. O postroenii dvizhenij / N. A. Bernshtejn. — M.: Medgiz, 1947. — 255 s.

9. Bernshtejn, N. A. Ocherki po fiziologii dvizhenij i fiziologii aktivnosti / N. A. Bernshtejn. — M.: Medicina, 1966. — 349 s.

10. Bernshtejn, N. A. Puti i zadachi fiziologii aktivnosti // N. A. Bernshtejn / Voprosy filosofii. — 1961. — № 6. — S. 78–92.

11. Bernshtejn, N. A. Fiziologiya dvizhenij i aktivnost' / N. A. Bernshtejn ; pod red. O. G. Gajzenko. — M. : Nauka, 1990. — 494 s.

12. Vizel', T.G. Osnovy nejropsixologii: ucheb. dlya studentov vuzov / T.G. Vizel'. - M.: ASTarel' Tranzitkniga, 2005. 384 s.

13. Vy'gotskij, L. S. Istoriya razvitiya vy'sshix psixicheskix funkcij // Sobranie sochinenij : v 6 t. / L. S. Vy'gotskij ; pod red. A. M. Matyushkina. — Moskva : Pedagogika, 1983. — T. 3 : Problemy razvitiya psixiki. — 328 s.

14. Dvejrina, O. A. Koordinacionny'e sposobnosti: opredelenie ponyatiya, klassifikaciya form proyavleniya / O. A. Dvejrina // Ucheny'e zapiski universiteta Lesgafta. — 2008. — № 1 (35). — S. 25–28. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/koordinatsionnye-sposobnosti-opredelenie-ponyatiya-klassifikatsiya-form-proyavleniya> (data obrashheniya: 27.11.2025).

15. Zaporozhec, A.V. Razvitie proizvol'nyx dvizhenij / A.V. Zaporozhec — M.: Pedagogika, 1986 — 342 s.

16. Zinchenko, V. P. Zritel'noe vospriyatie i tvorchestvo. Ontogenez i mikrogenez perceptivnoj deyatel'nosti // Obraz i deyatel'nost' / V. P. Zinchenko. — Moskva : In-t prakt. psixologii ; Voronezh : NPO «MODE'K», 1997. — S. 391–405.

17. Kozlovskaya, G.V., Aktual'ny'e voprosy oxrany psixicheskogo zdorov'ya detej rannego vozrasta / Kozlovskaya G.V., Kalinina M.A., Ivanov M.V. [i dr.]. // Nauchno-prakticheskij zhurnal psixiatrii, psixologii, psixoterapii i smezhnyx disciplin. - 2013. - № 2. - S. 11–15.

18. Lebedinskaya, K.S. Narusheniya psixicheskogo razvitiya v detskom i podrostkovom vozraste / K.S. Lebedinskij, V.V. Lebedinskij. — 7-e izd., ispr. i dop. — M.: Akademicheskij proekt; Triksa, 2011. — 303 s.

19. Lebedinskij, V.V. Narusheniya psixicheskogo razvitiya u detej. / V.V. Lebedinskij. — M.: Izd – vo MGU, 2007. — 168 s.

20. Leont'ev, A. N. Deyatel'nost'. Soznanie. Lichnost' / A. N. Leont'ev. — Moskva : Politizdat, 1975. — 304 s.

21. Lubovskij, V.I. Special'naya psixologiya / V.I. Lubovskij V.I. — 5-e izd., ster. — M.: Akademiya, 2007. — 464 s.

22. Luriya, A. R. Osnovy nejropsixologii : uchebnoe posobie / A.R. Luriya. — M. : Izd-vo MGU, 1973. — 375 s.

23. Lyax, V. I. Koordinacionny'e sposobnosti shkol'nikov / V. I. Lyax. — Minsk : Poly'mya, 1989. — 159 s. : il. — ISBN 5-345-00133-2.

24. Lyax, V. I. Senzitivny'e periody razvitiya koordinacionnyx sposobnostej detej v shkol'nom vozraste / V. I. Lyax // Teoriya i praktika fizicheskoy kul'tury. — 2000. — № 3. — S. 15–18.

25. Molchanova, L. N. Osobennosti koordinacionnyx funkcij u slaboslyshashhix detej mladshego shkol'nogo vozrasta: konceptual'naya model' issledovaniya / L. N. Molchanova, A. V. Buzovkina // Klinicheskaya i special'naya psixologiya. — 2023. — T. 12, № 3. — S. 188–212. — DOI: 10.17759/cpse.2023120310.

26. Tomilova, E. A. Kompleksnaya ocenka fizicheskogo razvitiya detej mladshego shkol'nogo vozrasta s razlichnym urovnem privychnoj dvigatel'noj aktivnosti / E. A. Tomilova // World science: problems and innovations : sb. st. mezhdunar. nauch.-prakt. konf. — Penza, 2016. — S. 455–458.

27. Filatkin, A. S. Osobennosti proyavleniya koordinacionnyx sposobnostej pri vy'polnenii dvigatel'nyx dejstvij u detej 8–10 let s narusheniyami sluxa / A. S. Filatkin, G. I. Deryabina, D. A. Kalmykov // Innovacii i tradicii v sovremennom fizkul'turnom obrazovanii : sb. materialov mezhvuz. nauch.-prakt. konf. / Mosk. gor. psixol.-ped. un-t. — Moskva, 2019. — S. 373–380.

28. Ayres, A. J. The Development of Sensory Integrative Theory and Practice: A Collection of the Works of A. Jean Ayres / A. J. Ayres. — Dubuque : Kendall/Hunt Pub Co., 1974.

29. Bavelier, D. Do deaf individuals see better? / D. Bavelier [et al.] // Trends in Cognitive

Sciences. — 2006. — Vol. 10 (11). — P. 512–518.

30. Dye, M. W. G. Visual attention in deaf children / M. W. G. Dye [et al.] // *Journal of Deaf Studies and Deaf Education*. — 2009. — Vol. 14 (2). — P. 275–276.

31. Dye, M. W. G. Visual attention in deaf and normal hearing adults / M. W. G. Dye [et al.] // *Perception*. — 2009. — Vol. 38. — P. 152.

32. Emmorey, K. *Language, cognition, and the brain: Insights from sign language research* / K. Emmorey. — Mahwah, N.J. : Lawrence Erlbaum Associates Publishers, 2002. — 383 p.

33. Merzenich, M. M. Harnessing the neuroplastic potential of the human brain & the future of cognitive rehabilitation / M. M. Merzenich [et al.] // *Frontiers in Human Neuroscience*. — 2014. — Vol. 8. — Art. 218. — P. 1–5. — DOI: 10.3389/fnhum.2014.00218.

34. Pavani, F. Visual abilities in individuals with profound deafness: A critical review / F. Pavani, D. Bottari // *Developmental Cognitive Neuroscience*. — 2012. — Vol. 2 (1). — P. 12–23.

35. Petitto, L. A. Speech-like cerebral activity in profoundly deaf people processing signed languages: Implications for the neural basis of human language / L. A. Petitto [et al.] // *Proceedings of the National Academy of Sciences*. — 2000. — Vol. 97 (25). — P. 13961–13966.

36. Proksch, J. Changes in the spatial distribution of visual attention after early deafness / J. Proksch, D. Bavelier // *Journal of Cognitive Neuroscience*. — 2002. — Vol. 14 (5). — P. 687–701.

Received: 08.01.2026

Accepted: 28.03.2026

ТЕХНОЛОГИИ СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ И ИХ РЕАЛИЗАЦИЯ В ПРАКТИКЕ ПОМОЩИ ПОСТРАДАВШИМ В ЧРЕЗВЫЧАЙНЫХ СИТУАЦИЯХ

© Н.В. Забелина

Забелина Н.В. – доцент кафедры социальной работы и безопасности жизнедеятельности, кандидат социологических наук, ФГБОУ ВО «Курский государственный медицинский университет» Минздрава России

e-mail: nzabelina@mail.ru

Адрес: 305041, г. Курск, ул. К. Маркса д.3, Российская Федерация

АННОТАЦИЯ

Актуальность. Оказание социальной помощи людям, пострадавшим от чрезвычайных ситуаций является функцией государства. Под влиянием чрезвычайной ситуации человек приобретает новый для него статус, теряя подчас физическое, социальное и психологическое благополучие. Становясь жертвой чрезвычайной ситуации, человек оказывается объектом деятельности различных служб, деятельность которых разные виды помощи. Социальная работа как институт помощи и учреждения социального обслуживания могут предложить пострадавшему широкий круг поддержки.

Целью исследования выступает анализ технологий социальной работы, которые можно использовать в работе с лицами, пострадавшими в чрезвычайной ситуации.

Методами исследования явились метод теоретического анализа и синтеза литературы по заявленной проблеме исследования, систематизация и обобщение научных данных.

Выводы: Реализация технологий социальной работы, которые позволят сделать эту помощь адресной и эффективной. Требуется серьезная проработка вопросов, связанных со взаимодействием служб помощи пострадавшим в чрезвычайной ситуации.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: чрезвычайная ситуация; технологии социальной работы; специалист по социальной работе; потребности личности; социальное функционирование.

Конфликт интересов. Авторы декларируют об отсутствии явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Чрезвычайные ситуации – неотъемлемая жизнь любого сообщества и государства. Где-то чрезвычайные ситуации происходят с регулярной частотой, примером является Япония и ее сейсмоопасное положение на карте планеты. В других странах чрезвычайные ситуации случаются реже, но в любом случае рост антропогенного воздействия человека на среду обитания и технологическое вмешательство делает высоковероятными чрезвычайные ситуации в государствах. Следует обратить внимание на такую глобальную тенденцию как рост геополитической напряженности в регионах мира, что также предполагает повышение влияния событий экстремального характера.

Появление жертв катастроф постепенно определило и формирование мер помощи им, выработку механизмов, регулирующих их поддержку и адаптацию в изменяющихся условиях. Чрезвычайные ситуации в конце XX века в СССР стали увеличиваться, по оценкам специалистов это происходило из-за ослабления производственной дисциплины и кризисных явлений в экономике.

Под чрезвычайной ситуацией понимают событие, которое имеет различный характер происхождения, но отличающееся отклонением от нормы, то есть от естественного хода течения жизни человека. Негативные последствия чрезвычайных ситуаций чаще всего неизбежны, особенно это касается чрезвычайных ситуаций, имеющих катастрофический сценарий, в результате которых возможность управления развитием процесса полностью теряется, а количество жертв и разрушений растет [17].

В нашем государстве, влияние разных социальных институтов на формирование подходов к помощи жертвам катастроф и стихийных бедствий прошло длительную эволюцию. Сложилась область социальной политики, которая направлена на социальную помощь и поддержку пострадавшим. Следует отметить, что данная область расширяется, учитывая реалии происходящих событий. В статье 18, ФЗ № 68 от 21.12.1994 г. (в редакции от 08.08.2024 г.) «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера» закреплено право граждан РФ на возмещение ущерба, причиненного их здоровью и имуществу вследствие чрезвычайной ситуации в условия предоставления компенсации за пострадавшее или утраченное имущество¹.

Постановление Правительства РФ от 13 октября 2008 г. № 750 «О порядке выделения бюджетных ассигнований из резервного фонда Правительства РФ по предупреждению и ликвидации чрезвычайных ситуаций и последствий стихийных бедствий»² ввело порядок и назначение выплат пострадавшим гражданам [10].

Однако оказание комплексной социальной помощи людям, пережившим чрезвычайную ситуацию, кризис или катастрофу, в нашей стране не имеет сложившейся школы и традиционных оснований, но начинает базироваться на практических основаниях данной деятельности. Недостаточная теоретическая проработка данной проблематики является доказательством подобной оценке.

Гипотезой теоретического исследования является предположение, что технологии социальной работы обладают достаточным потенциалом при их использовании в практике помощи жертвам чрезвычайной ситуации.

Помощь жертвам чрезвычайных ситуаций во второй половине XX века

¹ ФЗ . № 68 от 21.12.1994 г. в редакции от 29.12.2010 г. «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера»

² Постановление Правительства РФ от 13 октября 2008 г. № 750 «О порядке выделения бюджетных ассигнований из резервного фонда Правительства РФ по предупреждению и ликвидации чрезвычайных ситуаций и последствий стихийных бедствий»

фокусировалась на медицинской помощи пострадавшим, это было обусловлено появлением такого направления в медицине как медицина катастроф. Затем аспект помощи начинает смещаться в сферу психологической помощи и поддержки, к концу XX века материальная помощь и социальная поддержка пострадавших становятся значимой формой работы с ними [1; 3; 5].

Однако институты помощи жертвам чрезвычайных ситуаций, к которым следует отнести и социальную работу, стали действительно важными сравнительно недавно [18; 19].

Практическая значимость исследования заключается в оценке важности технологий социальной работы при решении проблем жертв чрезвычайных ситуаций.

Методами исследования явились метод теоретического анализа и синтеза литературы по заявленной проблеме исследования, систематизация и обобщение научных данных.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

Обсуждение стоит начать с обращения к одному из ключевых понятий статьи - «чрезвычайная ситуация» (ЧС), это обстановка, которая сложилась на определенной территории, которая стала следствием аварии, катастрофы, опасного природного явления и повлекла за собой негативные последствия. Таково институциональное понимание и определение чрезвычайной ситуации.

К особенностям чрезвычайной ситуации Шойгу Ю.С., Тимофеева Л.Н, Толубаева Н.В. относят внезапность, ее незавершенность или течение во времени, масштаб данной ситуации, общественный резонанс, который она приобрела, распространение информации о гибели людей и осведомленность об этом людей, пострадавших в ЧС. Эти особенности, по мнению авторов статьи, будут оказывать влияние на процесс помощи [16].

Т.В. Твердохлебов, считает, что важной характеристикой чрезвычайной ситуации можно считать обязательное принятие мер по оказанию помощи людям, находящимся в данной ситуации, или переживших ее [17].

В.А. Фокин, анализируя особенности социальной работы с жертвами катастроф, которые необходимо учитывать при реализации профессиональной деятельности, отмечает, что к ним относятся вторичность катастрофы, физическое здоровье клиента, выздоровление выживших, учет экономических и иных потребностей клиента [20].

Для социальной работы важным здесь является то, что данная ситуация создает условия, в которых человек сталкивается с жизненными проблемами, которые он не может решить наличными у него средствами и силами, не может преодолеть эти проблемы самостоятельно. Это обусловлено отсутствием опыта решения таких проблем. Человек приобретает новый для него статус - жертва чрезвычайной ситуации, что само по себе делает его объектом помощи. Это происходит в силу таких обстоятельств как: потеря жилья и места работы, утрата имущества и документов, возникновение ограничений здоровья, потеря близких, перемещение из мест постоянного проживания, прекращение полноценного социального функционирования.

Человек, пострадавший в ЧС – это личность, удовлетворение потребностей которого является первостепенным. Пострадавший может длительное время быть отрезанным от всех видов помощи и от удовлетворения базовых потребностей [4]. Среди пострадавших принято разграничивать группы по различным основаниям. Такими основаниями могут быть характер травмирования, непосредственный ущерб от ЧС, отношение к социально-демографической группе. По характеру травмирования можно выделить

- физически пострадавшие люди, физически травмированные, физическое здоровье их ухудшено, возможна последующая инвалидизация;

- психологически пострадавшие, последствиями для них явились психогенные реакции, отсроченные тревожные расстройства, проявившие посттравматические стрессовые расстройства;

- вторично-пострадавшие, не являющиеся прямыми участниками ЧС, но переживающие психологические расстройства из-за сообщений в СМИ либо известий очевидцев.

По основанию непосредственного ущерба принято говорить о пострадавших материально, люди, чье имущество пострадало во время ЧС, утративших определенные функции организма, также выделяют лиц, чьи родные пропали без вести и погибли, их называют морально пострадавшие.

Если в качестве основания выступает социально-демографическая группа, то пострадавших можно разделить на детей, пожилых людей, женщин с детьми, инвалидов, мигрантов [3]. Данные классификации являются в том числе основанием для профессиональной деятельности специалиста по социальной работе. Подходы в работе с данными группами, как и приемы и методы будут отличаться друг от друга.

Возникновение потребности в помощи породило со временем в обществе и потребность в специалистах, способных оказывать своевременную и квалифицированную помощь в преодолении последствий чрезвычайных ситуаций и сопровождении этого процесса. На сегодняшний день в обществе возникло осознание необходимости в деятельности специалистов по социальной работе по оказанию помощи пережившим ЧС и близким им людям [8; 9; 11].

Таким образом, чрезвычайная ситуация влиянием на личность создает то, что можно назвать пространством практики социальной работы:

- объект профессиональной деятельности (человек пострадавший от действия ЧС);

- трудная жизненная ситуация, которая возникла у личности и которую он не в состоянии разрешить;

- субъект профессиональной деятельности (специалист или группа специалистов, воздействующих на проблему личности);

- технологии социальной работы с помощью которых осуществляется воздействие .

Технологии социальной работы - это разновидность социальных технологий, которые сформировались в самостоятельные направления как научного знания, так и практической деятельности.

Технология социальной работы - это определенный процесс, который осуществляет специалист в ходе работы с клиентом. Данный вид технологий предстает собой совокупность различных методов, методик и форм работы с клиентом, целью которой является помощь личности в преодолении социальной проблемы, которая выступает для него фактором затрудняющим его социальное функционирование.

Анализ потенциала и возможностей технологий социальной работы с лицами, пострадавшими в чрезвычайной ситуации, следует проводить посредством общих технологий социальной работы. Эта работа может осуществляться в пунктах временного размещения (ПВР) либо на базе учреждений социального обслуживания, куда обратился клиент [12; 20].

Уместно начать анализ с технологии социальной диагностики. Это первичная технология, которую применяет специалист по социальной работе для работы с человеком, пострадавшим от ЧС и который только столкнулся с проблемой. Социальная диагностика это и методологический инструмент с

помощью которого специалист способен изучить проблему клиента во всей ее полноте. Этапы социальной диагностики проблемы человека, пострадавшего от ЧС предполагают:

- установление контакта и выявление таких данных о личности как его возраст, профессия, наличие семьи, данные о его утраченной собственности, о тех потерях, которые он возможно перенес;
- постановка задач для диагностируемой ситуации с целью определения направлений деятельности;
- углубленное изучение каждой, из возникших проблем у пострадавшего, подготовка запросов, писем в организации, установление истинности информации;
- постановка социального диагноза.

Специалист по социальной работе должен обращать пристальное внимание на психологическое самочувствие пострадавшего, его внешний вид, поведенческие реакции, коммуникацию. Основой успешной социальной диагностики должна стать триада методов - беседа, наблюдение, анализ документов.

Специалисты считают, что следует обращать внимание на следующие признаки, которые требуют первоочередных мероприятий при проведении социальной диагностики: физическая близость к месту катастрофы пострадавшего, психологическое травмирование пострадавшего, потеря близкого человека либо нарушения физического здоровья, физические травмы и инвалидизация самого пострадавшего [20].

154

Технология социального консультирования в работе с пострадавшими в ЧС – это и информирование человека и более детальная работа с ним по построению определенного прогноза по решению его проблем и восстановлению его социального функционирования. Человек, пострадавший в ЧС, попавший в новые, непривычные для него условия является дезадаптированным по своей сути. Информация о местах выдачи гуманитарной помощи, о формах и видах помощи учреждений социального обслуживания, о работе и графике работы специалистов, о местах размещения и временного пребывания пострадавших – вот далеко неполный список информации, которой должен обладать специалист для ознакомления клиента. В процессе социального консультирования должна быть создана атмосфера доверия и участия, которая позволит ощущать заботу и защиту пострадавшими [7; 8].

Социальное консультирование, в котором объектом выступает лицо, пострадавшее от ЧС также может носить технологический характер, в его процессе человек получает перечень конкретных этапов и действий, позволяющих решить его проблему. Вид социального консультирования выбирает специалист в зависимости от проблем, с которыми столкнулся человек, главным условием является всесторонняя помощь в получении достоверной, полной, полезной информации [22; 23].

Дезадаптация личности, вызванная чрезвычайными событиями, дает возможность применения такой технологии социальной работы как технология социальной адаптации. Она направлена на приспособление личности к новым социальным практикам, позволяет совладать с изменившимися условиями его существования. Прерывание процесса социального функционирования в результате ЧС делает личность крайне уязвимой в психологическом, социальном, экономическом отношении. Представляется, что данный процесс крайне болезненный для личности и требует усилий специалиста по помощи в его преодолении.

Технология социальной адаптации предполагает помощь в выработке новых социальных практик, связь с социальными институтами, обретение субъектности

личностью и восстановление его социального статуса. Помощь в оформлении документов, подтверждающих личность пострадавшего, трудоустройство, обретение пусть и временного, но все же места жительства, являются наполнением данной технологии. Специалист по социальной работе должен обратиться к адаптативным ресурсам личности, к которым можно отнести всю совокупность свойств и характеристик личности, актуализируя их. Без помощи специалиста и социальных институтов защиты человеку крайне сложно приспособиться. Образование человека, его навыки, коммуникативные способности, социальные связи и отношения, возможные материальные ресурсы должны быть использованы для адаптации. Активный, сознательный поиск, выбор и освоение на поведенческом уровне новых моделей жизнедеятельности личностью - вот результат данной технологии социальной работы [2].

Технология социального обслуживания предполагает сложный комплекс оказания услуг для человека в них нуждающегося. Стоит добавить, что само по себе учреждение социального обслуживания, особенно стационарной формы, уже является социальным убежищем. Для человека-жертвы ЧС наиболее приемлемой, особенно на первых этапах помощи, является срочное социальное обслуживание. Это технология построена на предоставлении горячего питания, одежды, обеспечение предметами первой необходимости, которая носит разовый характер, но оказывается при острых формах нуждаемости. Сюда же можно отнести удовлетворение потребности людей в получении временного жилья. В дальнейшем, заключая договор на социальное обслуживание, пострадавший получает весь спектр социальных услуг, которые предусмотрены категорией пострадавшего, действующими стандартами социального обслуживания, спецификой самого учреждения социального обслуживания.

Без технологии социального сопровождения трудно представить помощь пострадавшим от ЧС, так как это деятельность осуществляется путем привлечения различных организаций, учреждений, ведомств и служб предоставляющих помощь, на основе межведомственного взаимодействия. Вся деятельность специалистов, которую нельзя отнести к социальным услугам, попадает в сферу социального сопровождения, однако требует определенной конкретизации. Применение данной технологии уместно когда социальный статус пострадавшего уже восстановлен, с ним осуществлена или организуется работа в учреждениях социального обслуживания, либо силами сотрудников данных учреждений, но работа имеет элементы обучения и развития способности личности к самостоятельному применению новых социальных практик, в новых для него условиях. Ключевым понятием технологии социального сопровождения является межведомственное взаимодействие благодаря которому у пострадавшего от ЧС расширяются возможности получения разносторонней профессиональной институциональной помощи. Координатором межведомственного взаимодействия может выступать специалист по социальной работе, который сопровождает процесс [6; 13; 14]. Субъектами межведомственного взаимодействия, включение которых в процессе сопровождения возможно, могут быть:

- службы МЧС;
- органы здравоохранения;
- органы образования;
- учреждения социального обслуживания;
- пенсионный фонд;
- администрации муниципалитетов;
- органы опеки и попечительства;
- органы ЗАГС;

- органы внутренних дел;
- многофункциональные центры

Межведомственное взаимодействие позволит реализовать алгоритм помощи, включающий в себя:

- материальную помощь и выплаты пострадавшим;
- психологическую поддержку лиц, переживших катастрофу;
- правовая помощь и восстановление документов;
- временное размещение пострадавших;
- срочная адресная гуманитарная помощь.

Материальная помощь пострадавшим предполагает такие выплаты как разовые или единовременные, выплаты после оценки ущерба пострадавшим, при установлении факта утраты имущества, сертификатов при полной потере жилья, компенсационные выплаты в результате утраты здоровья при ЧС. Это направление алгоритма помощи пострадавшим реализовывают несколько субъектов.

Психологическая поддержка пострадавших преодоление негативных последствий стресса, вызванного ЧС, сюда следует отнести и работу горячих линий. Экстренная психологическая помощь в РФ носит институциональный характер, осуществляется специальными службами [1; 15]. Правовая помощь направлена на юридическое консультирование по вопросам компенсаций, выплат, организации оценки ущерба. Во время стихийной эвакуации мало кто думает о сохранности документов, их восстановление требует времени и помощи пострадавшим. Временное размещение пострадавших происходит в специально выделенных и оборудованных для этой цели помещениях, которые ранее представляли социальные инфраструктурные объекты. Срочная адресная гуманитарная помощь позволяет удовлетворить потребности пострадавших

ВЫВОДЫ

Таким образом социальная работа как социальный институт сформировала достаточный организационный ресурс, позволяющий осуществлять помощь лицам, пострадавшим в чрезвычайной ситуации [21] Технологии социальной работы могут широко использоваться для реализации помощи пострадавшим. Однако помощь данной категории населения требует достаточного совершенствования с позиций координации усилий между различными ведомствами и службами, ее администрирования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абзалов, И. А. Оказание психологической помощи пострадавшим в чрезвычайных ситуациях / И. А. Абзалов // Вестник Педагогического университета. Серия 2: Педагогики и психологии, методики преподавания гуманитарных и естественных дисциплин. – 2020. – № 1(1). – С. 107-110.

2. Азаматова, Г. К. Социально-психологическая адаптация как технология социальной работы / Г. К. Азаматова, Л. Т. Лампежева // Парадигма современной гуманитарной науки и образования: традиции и перспективы : сб. материалов II Всерос. науч.-прак. конф. с междунар. участием (Нальчик, 01–30 ноября 2023 г.). – Нальчик: Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова, 2024. – С. 13-17.

3. Алижанов, Ф.М. Особенности медико-психологической помощи детям в чрезвычайных ситуациях мирного и военного времени / Ф. М. Алижанов, Х. Б. Зиеев, А. М. Кузнецова, Н. В. Аполлонова // Тверской медицинский журнал. – 2024. – № 4. – С. 38-41.

4. Богачев, А. М. Структура защитного поведения личности в трудной жизненной ситуации / А. М. Богачев // Психолог. – 2025. – № 3. – С. 14-39.

5. Еремина, Л. Ю. Система социально-психологической работы с детьми, переживающими последствия чрезвычайных ситуаций / Л. Ю. Еремина // Системная психология и социология. – 2011. – № 4. – С. 61-71.

6. Исраилов, А. Х. Особенности межведомственного взаимодействия при ликвидации чрезвычайных ситуаций / А. Х. Исраилов, Д. В. Горожанкина // Научные достижения и инновационные подходы: теория, методология, практика : сб. научных трудов по материалам VII Междунар. науч.-прак. конф. (Анапа, 28 октября 2022 г.). – Анапа: ООО «Научно-исследовательский центр экономических и социальных процессов» в Южном Федеральном округе, 2022. – С. 14-19.

7. Максименко, Е. Г. Психологическая поддержка семьи и молодежи в условиях военного конфликта / Е. Г. Максименко // Социокультурные и психологические проблемы современной семьи: актуальные вопросы сопровождения и поддержки : сб. материалов VII Междунар. науч.-прак. конф. (Тула, 17 ноября 2021 г.). – Чебоксары: ООО «Издательский дом «Среда», 2021. – С. 27-36.

8. Масляков, В. В. Оказание экстренной психологической помощи в условиях чрезвычайной ситуации / В. В. Масляков, М. А. Полиданов, А. Р. Супурова // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. – 2023. – Т. 12, № 11-1. – С. 89-97.

9. Мункуева, С. С. Основы социальной работы в условиях преодоления профессионального стресса при чрезвычайных ситуациях / С. С. Мункуева // Психосоциальные технологии предупреждения и преодоления профессионального стресса в современном социальном пространстве : сб. материалов Всерос. науч.-прак. конф. с междунар. участием (Липецк, 06 октября 2021 г.). – Липецк: Липецкий государственный педагогический университет имени П.П. Семенова-Тян-Шанского, 2021. – С. 104-107.

10. Неронова, П. Е. Компенсации и социальные гарантии гражданам Российской Федерации за проживание и работу в зонах чрезвычайных ситуаций и возмещение ущерба, причиненного их здоровью и имуществу вследствие чрезвычайных ситуаций / П. Е. Неронова, Л. С. Муталиева // Организационно-правовое регулирование безопасности жизнедеятельности в современном мире : сб. материалов второй Междунар. науч.-прак. конф. (Санкт-Петербург, 19–20 апреля 2018 г.); под ред. Э.Н. Чижикова. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет Государственной противопожарной службы Министерства Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий, 2018. – С. 507-513.

11. Никитенко, М. А. Технологии реабилитации детей - жертв стихийных бедствий, катастроф, вооруженных конфликтов / М. А. Никитенко, С. А. Маскалянова // Теория и практика социальной работы в современном социуме : сб. материалов Всерос. науч.-прак. конф. с междунар. участием (Липецк, 07 ноября 2019 г.). – Липецк: Липецкий государственный педагогический университет имени П.П. Семенова-Тян-Шанского, 2019. – С. 132-135.

12. Самойленко, Ю. С. Алгоритм реализации менеджмента в социальной работе с жертвами чрезвычайных ситуаций / Ю. С. Самойленко, Н. Ю. Щека // Приоритетные направления развития науки и образования. – 2015. – № 2(5). – С. 278-279.

13. Самойленко, Ю. С. Менеджмент в социальной работе с жертвами чрезвычайных ситуаций как актуальная инновационная концепция социального менеджмента / Ю. С. Самойленко // Ценности и интересы современного общества : сб. материалов Междунар. науч.-прак. конф. (Москва, 27–29 мая 2014 г.). Том Часть 1. – М.: Московский государственный университет экономики, статистики и информатики, 2014. – С. 274-276.

14. Сухов, А. Н. Взаимодействие государственных, коммерческих и общественных организаций в психосоциальной работе с населением в экстремальных ситуациях / А. Н. Сухов // Взаимодействие государства, бизнеса и НКО: проблемы и перспективы : сб. материалов Всерос. науч.-прак. конф. с междунар. участием (Магнитогорск, 06–07 декабря 2023 г.). – Магнитогорск: Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова, 2023. – С. 108-115.

15. Сухов, А.Н. Специфика психосоциальной работы с населением в экстремальных ситуациях / А. Н. Сухов // Отечественный журнал социальной работы. – 2023. – № 1(92). – С. 149-156.

16. Шойгу, Ю.С. Особенности оказания экстренной психологической помощи при переживании утраты в чрезвычайных ситуациях / Ю.С. Шойгу, Л.Н. Тимофеева, Н. В. Толубаева [и др.] // Национальный психологический журнал. – 2021. – № 1(41). – С. 115-126. – DOI 10.11621/prj.2021.0110.

17. Твердохлебов, Н.В. Некоторые подходы к уточнению понятия "чрезвычайная ситуация" и к совершенствованию классификации чрезвычайных ситуаций / Н. В. Твердохлебов // Стратегия гражданской защиты: проблемы и исследования. – 2016. – Т. 6, № 1(10). – С. 66-71.

18. Тозеленд, Р. Практика социальной работы в условиях катастроф в США / Р. Тозеленд, В. А. Фокин // Вестник НЦБЖД. – 2015. – № 2(24). – С. 67-73.

19. Тюрикова Г. Н. Специфика социальной работы в экологически неблагоприятных

регионах / Г. Н. Тюрикова, Ю. Б. Тюрикова, И. Ю. Гнездилова, Н. С. Самофалова // Перспективы отраслевого взаимодействия в комплексной реабилитации : сб. материалов VI Междунар. науч.-прак. конф. (Орёл, 19–20 октября 2023 г.). – Орёл: Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева, 2024. – С. 426-432.

20. Фокин, В. А. Социальная работа с жертвами катастроф и подготовка специалистов / В. А. Фокин, И. В. Фокин // Роль университетов в поддержке гуманитарных научных исследований : сб. материалов III Междунар. науч.-прак. конф. (Тула, 26–28 мая 2008 г.); отв. ред. О.Г. Вронский. – Том 5. – Тула: Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого, 2008. – С. 5-15.

21. Черевичко, А. А. Проблемы межведомственного взаимодействия в рамках оказания социальной помощи гражданам учреждениями социального обслуживания населения / А. А. Черевичко // Актуальные проблемы теории и практики социальной работы и образования : сб. материалов XI Всерос. науч.-прак. конф. (Ставрополь, 24 ноября 2023 г.). – Ставрополь: Изд-во Ставропольского государственного аграрного университета «АГРУС», 2023. – С. 105-109.

22. Эскерханова, Л. Т. Консультирование населения как одна из технологий социальной работы / Л. Т. Эскерханова, А. А. Абдуев // ФГУ Science. – 2022. – № 2(26). – С. 154-158.

23. Явон, С. В. Технология консультирования в деятельности специалиста по социальной работе / С. В. Явон, А. С. Колесникова // Безопасность человека и устойчивое развитие общества перед вызовами глобальных трансформаций : сб. материалов Междунар. междисциплинарной научной конференции (Йошкар-Ола, 08 декабря 2022 г.). Том Часть 1. – Йошкар-Ола: Поволжский государственный технологический университет, 2023. – С. 169-179.

Получена: 28.01.2026 г.

Принята к публикации: 28.03.2026 г.

TECHNOLOGIES OF SOCIAL WORK AND THEIR IMPLEMENTATION IN THE PRACTICE OF HELPING VICTIMS IN EMERGENCY SITUATIONS

© Natalia V. Zabelina

Natalia V. Zabelina – Associate Professor of the Department of Social Work and Life Safety, Candidate of Sociological Sciences, Kursk State Medical University

e-mail: nzabelina@mail.ru

Address: 305041, Kursk, K. Marx str., d.3, Russian Federation

ABSTRACT

Relevance. Provision of social assistance to people affected by emergencies is a function of the state. Under the influence of an emergency, a person acquires a new status for him, losing sometimes physical, social and psychological well-being. Becoming a victim of an emergency, a person becomes the object of activity of various services, the activity of which different types of assistance. Social work as an institution of assistance and social service institutions can offer a victim a wide range of support.

Purpose of the study is to analyze the technologies of social work that can be used in working with individuals affected by an emergency.

The research **methods** include theoretical analysis and synthesis of literature on the stated research problem, as well as systematization and generalization of scientific data.

Conclusions: Implementing social work technologies will make this assistance targeted and effective. There is a need for serious consideration of issues related to the interaction of emergency assistance services.

KEYWORDS: emergency situation; social work technologies; social work specialist; individual needs; social functioning.

Conflict of interests. The authors declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

REFERENCES

1. Abzalov, I. A. Okazanie psixologicheskoy pomoshhi postradavshim v chrezvy`chajny`x situacijax / I. A. Abzalov // Vestnik Pedagogicheskogo universiteta. Seriya 2: Pedagogiki i psixologii, metodiki prepodavaniya gumanitarny`x i estestvenny`x disciplin. – 2020. – № 1(1). – S. 107-110.
2. Azamatova, G. K. Social`no-psixologicheskaya adaptaciya kak texnologiya social`noj raboty` / G. K. Azamatova, L. T. Lamepzeheva // Paradigma sovremennoj gumanitarnej nauki i obrazovaniya: tradicii i perspektivy` : sb. materialov II Vseros. nauch.-prak. konf. s mezhdunar. uchastiem (Nal`chik, 01–30 noyabrya 2023 g.). – Nal`chik: Kabardino-Balkarskij gosudarstvenny`j universitet im. X.M. Berbekova, 2024. – S. 13-17.
3. Alizhanov, F.M. Osobennosti mediko-psixologicheskoy pomoshhi detyam v chrezvy`chajny`x situacijax mirnogo i voennogo vremeni / F. M. Alizhanov, X. B. Zieev, A. M. Kuzneczoza, N. V. Apolonova // Tverskoj medicinskij zhurnal. – 2024. – № 4. – S. 38-41.
4. Bogachev, A. M. Struktura zashhitnogo povedeniya lichnosti v trudnoj zhiznennoj situacii / A. M. Bogachev // Psixolog. – 2025. – № 3. – S. 14-39.
5. Eremina, L. Yu. Sistema social`no-psixologicheskoy raboty` s det`mi, perezhivayushhimi posledstviya chrezvy`chajny`x situacij / L. Yu. Eremina // Sistemnaya psixologiya i sociologiya. – 2011. – № 4. – S. 61-71.
6. Israilov, A. X. Osobennosti mezhdvedomstvennogo vzaimodejstviya pri likvidacii chrezvy`chajny`x situacij / A. X. Israilov, D. V. Gorozhankina // Nauchny`e dostizheniya i innovacionny`e podxody` : teoriya, metodologiya, praktika : sb. nauchny`x trudov po materialam VII Mezhdunar. nauch.-prak. konf. (Anapa, 28 oktyabrya 2022 g.). – Anapa: OOO «Nauchno-issledovatel`skij centr e`konomicheskix i social`ny`x processov» v Yuzhnom Federal`nom okruge, 2022. – S. 14-19.
7. Maksimenko, E. G. Psixologicheskaya podderzhka sem`i i molodezhi v usloviyax voennogo konflikta / E. G. Maksimenko // Sociokul`turny`e i psixologicheskie problemy` sovremennoj sem`i: aktual`ny`e voprosy` soprovozhdeniya i podderzhki : sb. materialov VII Mezhdunar. nauch.-prak. konf. (Tula, 17 noyabrya 2021 g.). – Cheboksary` : OOO «Izdatel`skij dom «Sreda», 2021. – S. 27-36.
8. Maslyakov, V. V. Okazanie e`kstretnoj psixologicheskoy pomoshhi v usloviyax chrezvy`chajnoj situacii / V. V. Maslyakov, M. A. Polidanov, A. R. Supurova // Psixologiya. Istoriko-kriticheskie obzory`

i sovremenny`e issledovaniya. – 2023. – T. 12, № 11-1. – S. 89-97.

9. Munkueva, S. S. Osnovy` social`noj raboty` v usloviyax preodoleniya professional`nogo stressa pri chrezvy`chajny`x situacijax / S. S. Munkueva // Psixosocial`ny`e tehnologii preduprezhdeniya i preodoleniya professional`nogo stressa v sovremennom social`nom prostranstve : sb. materialov Vseros. nauch.-prak. konf. s mezhdunar. uchastiem (Lipeck, 06 oktyabrya 2021 g.). – Lipeck: Lipeckij gosudarstvenny`j pedagogicheskij universitet imeni P.P. Semenova-Tyan-Shanskogo, 2021. – S. 104-107.

10. Neronova, P. E. Kompensacii i social`ny`e garantii grazhdanam Rossijskoj Federacii za prozhivanie i rabotu v zonax chrezvy`chajny`x situacij i vozmeshhenie ushherba, prichinnogo ix zdorov`yu i imushhestvu vsledstvie chrezvy`chajny`x situacij / P. E. Neronova, L. S. Mutaliev // Organizacionno-pravovoe regulirovanie bezopasnosti zhiznedeyatel`nosti v sovremennom mire : sb. materialov vtoroj Mezhdunar. nauch.-prak. konf. (Sankt-Peterburg, 19–20 aprelya 2018 g.); pod red. E`.N. Chizhikova. – Sankt-Peterburg: Sankt-Peterburgskij universitet Gosudarstvennoj protivopozharnoj sluzhby` Ministerstva Rossijskoj Federacii po delam grazhdanskoj oborony`, chrezvy`chajny`m situacijam i likvidacii posledstvij stixijny`x bedstvij, 2018. – S. 507-513.

11. Nikitenko, M. A. Tehnologii rehabilitacii detej - zhertv stixijny`x bedstvij, katastrof, vooruzhenny`x konfliktov / M. A. Nikitenko, S. A. Maskalyanova // Teoriya i praktika social`noj raboty` v sovremennom sociume : sb. materialov Vseros. nauch.-prak. konf. s mezhdunar. uchastiem (Lipeck, 07 noyabrya 2019 g.). – Lipeck: Lipeckij gosudarstvenny`j pedagogicheskij universitet imeni P.P. Semenova-Tyan-Shanskogo, 2019. – S. 132-135.

12. Samojlenko, Yu. S. Algoritm realizacii menedzhmenta v social`noj rabote s zhertvami chrezvy`chajny`x situacij / Yu. S. Samojlenko, N. Yu. Shheka // Prioritetny`e napravleniya razvitiya nauki i obrazovaniya. – 2015. – № 2(5). – S. 278-279.

13. Samojlenko, Yu. S. Menedzhment v social`noj rabote s zhertvami chrezvy`chajny`x situacij kak aktual`naya innovacionnaya koncepciya social`nogo menedzhmenta / Yu. S. Samojlenko // Cennosti i interesy` sovremennogo obshhestva : sb. materialov Mezhdunar. nauch.-prak. konf. (Moskva, 27–29 maya 2014 g.). Tom Chast` 1. – M.: Moskovskij gosudarstvenny`j universitet e`konomiki, statistiki i informatiki, 2014. – S. 274-276.

14. Suxov, A. N. Vzaimodejstvie gosudarstvenny`x, kommercheskix i obshhestvenny`x organizacij v psixosocial`noj rabote s naseleniem v e`kstremal`ny`x situacijax / A. N. Suxov // Vzaimodejstvie gosudarstva, biznesa i NKO: problemy` i perspektivy` : sb. materialov Vseros. nauch.-prak. konf. s mezhdunar. uchastiem (Magnitogorsk, 06–07 dekabrya 2023 g.). – Magnitogorsk: Magnitogorskij gosudarstvenny`j texnicheskij universitet im. G.I. Nosova, 2023. – S. 108-115.

15. Suxov, A.N. Specifika psixosocial`noj raboty` s naseleniem v e`kstremal`ny`x situacijax / A. N. Suxov // Otechestvenny`j zhurnal social`noj raboty`. – 2023. – № 1(92). – S. 149-156.

16. Shojgu, Yu.S. Osobennosti okazaniya e`kstretnoj psixologicheskoy pomoshhi pri perezhivanii utraty` v chrezvy`chajny`x situacijax / Yu.S. Shojgu, L.N. Timofeeva, N. V. Tolubaeva [i dr.] // Nacional`ny`j psixologicheskij zhurnal. – 2021. – № 1(41). – S. 115-126. – DOI 10.11621/npj.2021.0110.

17. Tverdoxlebov, N.V. Nekotory`e podxody` k utochneniyu ponyatiya chrezvy`chajnyaya situaciya i k sovershenstvovaniyu klassifikacii chrezvy`chajny`x situacij / N. V. Tverdoxlebov // Strategiya grazhdanskoj zashhity`: problemy` i issledovaniya. – 2016. – T. 6, № 1(10). – S. 66-71.

18. Tozelend, R. Praktika social`noj raboty` v usloviyax katastrof v SShA / R. Tozelend, V. A. Fokin // Vestnik NCzBZhD. – 2015. – № 2(24). – S. 67-73.

19. Tyurikova G. N. Specifika social`noj raboty` v e`kologicheskii neblagopoluchny`x regionax / G. N. Tyurikova, Yu. B. Tyurikova, I. Yu. Gnezdilova, N. S. Samofalova // Perspektivy` otraslevogo vzaimodejstviya v kompleksnoj rehabilitacii : sb. materialov VI Mezhdunar. nauch.-prak. konf. (Oryol, 19–20 oktyabrya 2023 g.). – Oryol: Orlovskij gosudarstvenny`j universitet imeni I.S. Turgeneva, 2024. – S. 426-432.

20. Fokin, V. A. Social`naya rabota s zhertvami katastrof i podgotovka specialistov / V. A. Fokin, I. V. Fokin // Rol` universitetov v podderzhke gumanitarny`x nauchny`x issledovanij : sb. materialov III Mezhdunar. nauch.-prak. konf. (Tula, 26–28 maya 2008 g.); otv. red. O.G. Vronskij. – Tom 5. – Tula: Tul`skij gosudarstvenny`j pedagogicheskij universitet im. L.N. Tolstogo, 2008. – S. 5-15.

21. Cherevichko, A. A. Problemy` mezhdvodomstvennogo vzaimodejstviya v ramkax okazaniya social`noj pomoshhi grazhdanam uchrezhdeniyami social`nogo obsluzhivaniya naseleniya / A. A. Cherevichko // Aktual`ny`e problemy` teorii i praktiki social`noj raboty` i obrazovaniya : sb. materialov XI Vseros. nauch.-prak. konf. (Stavropol`, 24 noyabrya 2023 g.). – Stavropol`: Izd-vo Stavropol`skogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta «AGRUS», 2023. – S. 105-109.

22. E`skerxanova, L. T. Konsul`tirovanie naseleniya kak odna iz tehnologij social`noj raboty` / L. T. E`skerxanova, A. A. Abduev // FGU Science. – 2022. – № 2(26). – S. 154-158.

23. Yavon, S. V. Tehnologiya konsul`tirovaniya v deyatel`nosti specialista po social`noj rabote / S. V. Yavon, A. S. Kolesnikova // Bezopasnost` cheloveka i ustojchivoe razvitie obshhestva pered

vy`zovami global`ny`x transformacij : sb. materialov Mezhdunar. mezhdisciplinarnoj nauchnoj konferencii (Joshkar-Ola, 08 dekabrya 2022 g.). Tom Chast` 1. – Joshkar-Ola: Povolzhskij gosudarstvenny`j technologicheskij universitet, 2023. – S. 169-179.

Received: 28.01.2026

Accepted: 28.03.2026

DOI: 10.21626/j-chr/2026-1(46)/13
УДК: 376:316.613

От науки к практике

ВОЗМОЖНОСТИ СПОРТИВНОГО ВОЛОНТЕРСТВА ПРИ РАБОТЕ С ПОДРОСТКАМИ, ОКАЗАВШИМИСЯ В УСЛОВИЯХ ВЫНУЖДЕННОГО ПЕРЕСЕЛЕНИЯ: ИЗ ОПЫТА РАБОТЫ КУРСКОГО ГАУ

© А.В. Непочатых, Н.В. Волобуева

Непочатых А.В. – доцент кафедры физической культуры ФГБОУ ВО «Курский государственный аграрный университет им. И.И. Иванова»
e-mail: Nepochatykh93@yandex.ru

Волобуева (Брянцева) Н.В. – начальник управления по молодёжной политике и воспитательной деятельности ФГБОУ ВО «Курский государственный аграрный университет им. И.И. Иванова»; старший преподаватель кафедры экологии, садоводства и ландшафтного проектирования ФГБОУ ВО «Курский государственный аграрный университет им. И.И. Иванова»

Адрес: 305021, г. Курск, ул. Карла Маркса, д. 70, Российская Федерация

162

АННОТАЦИЯ

Актуальность. В условиях вынужденного переселения у подростков не в полной мере сформированы копинг-стратегии и навыки совладающего поведения. Данная проблема требует поиска эффективных средств, способствующих социальной адаптации и ресоциализации подростков к сложившимся условиям. Рядом исследователей доказана роль различных видов физической активности, оказывающей влияние на физическое и психологическое самочувствие подростков и их адаптацию. В сложившихся обстоятельствах проживания в пунктах временного размещения в решении проблем подростков важную роль играет привлечение волонтеров по физической культуре и спорту (спортивное волонтерство).

Цель исследования: изучить возможности спортивного волонтерства при работе с подростками, оказавшимися в условиях вынужденного переселения (на примере ФГБОУ ВО «Курский государственный аграрный университет им. И.И. Иванова»).

Материалы и методы. В исследовании применялся анализ статистических данных; анализ литературы; методы опроса. Исследование осуществлялось на базе ФГБОУ ВО «Курский государственный аграрный университет им. И.И. Иванова». В исследовании приняли участие студенты-обучающиеся спортивных секций Студенческого спортивного клуба ФГБОУ ВО «Курский государственный аграрный университет им. И.И. Иванова».

Результаты. Опыт работы волонтеров-спортсменов Студенческого спортивного клуба ФГБОУ ВО «Курский государственный аграрный университет им. И.И. Иванова» с проживающими в пункте временного размещения показал их вовлеченность и мотивированность на дальнейшее участие в таких мероприятиях, а также потребность в развитии компетенций в области спортивного волонтерства. Программа подготовки волонтеров-спортсменов направлена на формирование компетенций у студентов в области волонтерской деятельности и спортивного волонтерства. Программа предполагает комплексность, последовательность и прикладную направленность в формировании компетенций студентов в области спортивного волонтерства.

Выводы. Эффективность деятельности спортсменов-волонтеров возможна при сформированной системе знаний, представлений, умений и навыков, а также индивидуально-психологических качеств личности. Программа подготовки спортсменов-волонтеров включает три этапа (мотивационно-ориентированный этап, деятельностный этап, рефлексивный этап), предполагает формирование общекультурных компетенций (гуманизм, гражданственность, навыки коммуникации, толерантность, культура и др.), компетенций в области социального взаимодействия, умения работать в команде в различных социальных ситуациях с разными категориями граждан, а также формирование специализированных компетенций в области физической культуры и спорта (уровень физической подготовки, занятия определенным видом спорта и др.).

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: спортивное волонтерство; вынужденное переселение; спортивный студенческий клуб; подростки.

Конфликт интересов. Авторы декларируют об отсутствии явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Проблема миграции и вынужденного переселения выступает предметом исследования в отечественной социальной и этнопсихологии с 1980-х годов. Это обусловлено рядом обстоятельств, связанных с политическими, социально-экономическими последствиями распада Советского Союза, а также внешними угрозами стран ближнего и дальнего зарубежья, связанными с межэтнической напряженностью, военными конфликтами [14]. Так, в течение первых пяти лет в постсоветскую Россию прибыло около трех миллионов вынужденных переселенцев из бывших союзных республик. Внутренняя вынужденная миграция из-за военных действий в Чеченской Республике в 1990-е годы составила около 350 тысяч человек [4]. В 2010-е годы ситуация на востоке Украины способствовала увеличению количества мигрантов в разные регионы России. Свыше 4 млн. иностранных граждан, включая 628 тыс. детей, прибыло в Российскую Федерацию в 2022 году [18].

Таким образом, статистические данные за последние 30 лет позволяют констатировать, что проблема вынужденной миграции в России актуальна и продолжает быть востребованной, особенно в сложившихся условиях российского приграничья. Так, в г. Курске в 2025 году (данные на апрель 2025 г.) в пунктах временного размещения (ПВР) для вынужденных переселенцев проживало более шести тысяч человек [3], из них более 200 детей - школьники [2].

В связи с этим ситуация вынужденного перемещения накладывает на органы исполнительной власти определенные обязательства, связанные с размещением мигрантов, решением материальных и бытовых проблем, трудоустройством, образованием детей-мигрантов и т.д. С другой стороны, актуальной задачей выступает проблема социальной реабилитации и адаптации вынужденных переселенцев.

Следует отметить, что проблема вынужденной миграции является предметом исследования у специалистов разных отраслей научного знания. Изучение методологических основ вынужденной миграции, разработка диагностического инструментария, реализация программ и практик в области психологии вынужденной миграции в 2000-е годы принадлежит отечественным социальным психологам и социологам (А.Г. Асмолов, Г.У. Солдатова, Л.А. Шайгерова, Т.Г. Стефаненко, Н.М. Лебедева, А.Н. Татарко и др.). На основе анализа таких теоретических концепций и теорий, как теория аккультурации (John W. Berry; Melville J. Herskovits); теория социальной идентичности личности (Н. Tajfel); концепции межэтнической напряженности (Г.У. Солдатова, 2001) и др. был сформулирован социокультурный подход к изучению вынужденной миграции [9]. В рамках данного подхода был проведен ряд исследований по данной проблеме, а также разработаны формы и методы практической работы по оказанию помощи данной категории граждан.

Современными исследователями в области политологии и социологии исследуются особенности развития миграционной ситуации в современной России (А. Н. Аверин, А. В. Понеделков, А. А. Крицкая, К. В. Степанов, 2023); в области юриспруденции рассматриваются нормативно-правовые аспекты регулирования вынужденной миграции (С.И. Гирько, А.Н. Сандулей, 2025; А.Ю. Бондаренко, 2026); психологами анализируются эффективные формы работы при психолого-педагогическом сопровождении вынужденных мигрантов (Ю.И. Якина, А.А. Гусельникова, 2025).

По мнению исследователей, психологические последствия вынужденной миграции особенно травматичны для лиц подросткового возраста. Анализ литературы показал, что в условиях вынужденного переселения обучающиеся

подросткового возраста сталкиваются с рядом серьезных проблем, связанных как с объективными факторами (потеря имущества и др.), так и субъективными обстоятельствами, определяющимися рядом психологических проблем (страхи, тревоги, чувство неопределенности) [4].

Специалисты в области возрастной и педагогической психологии описывают состояние подростков как кризисное в сложившихся обстоятельствах. Во-первых, на состояние кризиса подросткового периода, связанного со сменой ведущей деятельности (общение со сверстниками) и стремлением утвердить себя в мире взрослых посредством социально признаваемой деятельности (Д.И. Фельдштейн), накладывается ситуация вынужденного переселения. Подростки, находясь в ситуации неопределенности, отсутствия привычного значимого социального окружения сверстников, ощущают себя в условиях социальной изоляции, отсутствия возможности проявить себя в системе «Я – Другие». Во-вторых, в ситуации вынужденного переселения подростки не в полной мере ощущают опору значимого взрослого, например, родителей, в связи с тем, что родители сами находятся в ситуации неопределенности, потери работы, имущества и др. В-третьих, как следствие сложившихся обстоятельств, подростки имеют большой диапазон психических состояний от тревоги, страха, апатии до появления чувства возбуждения, агрессивности [5; 10].

В связи с тем, что у подростков не в полной мере сформированы копинг-стратегии и навыки совладающего поведения, данная проблема требует от специалистов поиска эффективных средств, способствующих социальной адаптации и ресоциализации обучающихся подросткового возраста к сложившимся условиям. Рядом исследователей убедительно доказана роль различных видов физической активности, оказывающая влияние на психологическое самочувствие подростков и их социально-психологическую адаптацию [8]. В сложившихся обстоятельствах проживания в пунктах временного размещения в решении социально-психологических проблем подростков важную роль играет привлечение волонтеров по физической культуре и спорту (спортивное волонтерство).

Цель: изучить возможности спортивного волонтерства при работе с подростками, оказавшимися в условиях вынужденного переселения (на примере ФГБОУ ВО «Курский государственный аграрный университет им. И.И. Иванова»).

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

В исследовании применялся анализ статистических данных; анализ литературы; методы опроса. Исследование осуществлялось на базе ФГБОУ ВО «Курский государственный аграрный университет им. И.И. Иванова». В исследовании приняли участие студенты -обучающиеся спортивных секций Студенческого спортивного клуба ФГБОУ ВО «Курский государственный аграрный университет им. И.И. Иванова».

РЕЗУЛЬТАТЫ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

Исследователи выделяют ряд направлений, способствующих решению проблем людей, оказавшихся в условиях вынужденного переселения. Например, специалисты выделяют организацию межведомственного взаимодействия, связанного с решением проблем социального обеспечения мигрантов (пенсии / пособия / компенсации; временное жилье, трудоустройство и др.); социально-правового регулирования (защита прав мигрантов, правовое консультирование); медико-социального обеспечения (диспансеризация, приобретение лекарств, доврачебная медицинская помощь и др.). Между тем, специалисты особо выделяют социально-психологическое направление (организация

психологической помощи) и социально-педагогическое направление, ориентированное на работу с детьми и подростками [11].

Одним из эффективных видов деятельности с разными категориями граждан, оказавшимися в трудной жизненной ситуации (в условиях вынужденного переселения), является волонтерская деятельность. Основным документом, регламентирующим этот вид деятельности, является ФЗ РФ «О благотворительности и добровольчестве (волонтерстве)» от 11.08.1995 № 135-ФЗ. В данном документе описываются цели волонтерской деятельности, которые вполне соотносятся с целями спортивного волонтерства [17].

В самом общем смысле спортивное волонтерство рассматривается исследователями как вид добровольчества, направленный на организацию и проведение различных мероприятий, связанных с физической и спортивной активностью представителей различных социальных групп. Функционально спортивное волонтерство направлено на предупреждение различных заболеваний (профилактическая функция) и ознакомление с возможностями физической культуры и спорта (информационная функция), проведение различных спортивных мероприятий (организационно-досуговая функция) и консультирование по вопросам физической активности (консультативная функция) и др. [5]. Диапазон деятельности спортивных волонтеров достаточно широк: от тифлокомментирования спортивных мероприятий и сопровождения участников соревнований до организации мастер-классов и спортивных мероприятий (спартакиад, эстафет) с представителями различных социальных групп. В качестве эффектов добровольческой деятельности для спортсменов-волонтеров исследователи выделяют такие составляющие, как развитие социальных связей, получение опыта организации спортивных мероприятий, формирование навыков межличностного взаимодействия и др. [4].

Обратимся к опыту работы волонтеров-спортсменов с проживающими в пункте временного размещения, организованном в 2024 году на базе ФГБОУ ВО «Курский государственный аграрный университет им. И.И. Иванова». В течение двух лет с жителями пункта временного размещения реализуется комплекс мероприятий, направленный на их социальную реабилитацию [1]. В 2026 году в мероприятиях спортивной («День Физкультурника» и др.) и досуговой («Масленица») направленности приняли участие волонтеры - обучающиеся спортивных секций Студенческого спортивного клуба ФГБОУ ВО «Курский государственный аграрный университет им. И.И. Иванова». Опыт участия в данных мероприятиях волонтеров-спортсменов показал их вовлеченность и мотивированность на дальнейшее участие в таких мероприятиях, а также выявил ряд проблем. Так, в беседе с десятью волонтерами-спортсменами, участниками мероприятий для подростков, проживающих в ПВР, были выявлены такие проблемы, как недостаточный опыт коммуникации, сложности в установлении контактов волонтеров с подростками и взаимодействие с ними; потребность в знаниях в организации командной работы с подростками, их физических потребностей и возможностей; специфики организации занятий с использованием средств физической культуры и спорта и др.

Кроме того, нами было проведено анкетирование 34 обучающихся спортивных секций Студенческого спортивного клуба с целью выявления их мотивированности к участию спортивной волонтерской деятельности. Анкета включала в себя такие вопросы, как: «Является ли спортивное волонтерство важным элементом профессиональной подготовки в вузе?»; «Востребовано ли спортивное волонтерство в современном обществе?» и др. Результаты исследования показали, что 47,06 % (n=16) респондентов считают востребованным спортивное волонтерство в современном обществе; 35,29 % (n=12)

респондентов имеют фрагментарные знания в области работы с различными категориями населения; 55,88 % (n=18) ощущают потребность в получении осведомленности в области спортивного волонтерства и его составляющих.

Таким образом, исследование выявило определенную мотивированность респондентов на выполнение деятельности в спортивном волонтерстве, а также потребность в развитии компетенций в области спортивного волонтерства.

На основе анализа проведенного анкетирования, результатов беседы с волонтерами, анализа литературы, отражающей исследования в области спортивного волонтерства (Н.И. Горлова, 2018; И.Ф. Файзуллин, 2018; Н.Н. Уварова, М.В. Шелков, 2025; В.А. Петьков, Ю.В. Бессарабова, И.А. Глущенко, Е.В. Огарь [и др.], 2022; Г.Б. Глазкова, С.И. Филимонова, Л.Б. Андрющенко, М.Н. Пуховская, 2022 и др.), а также опыта работы с лицами, оказавшимися в трудной жизненной ситуации (вынужденного переселения), нами была разработана Программа подготовки волонтеров-спортсменов, цель которой сформировать компетенции у спортсменов-волонтеров в области волонтерской деятельности, а также компетенции в области спортивного волонтерства. Следует отметить, что при разработке данной Программы мы также ориентировались на опыт подготовки волонтеров ФГБОУ ВО «Курский государственный аграрный университет им. И.И. Иванова».

Основой Программы подготовки волонтеров в сфере физической культуры и спорта выступали нормативно-правовые документы, теоретические подходы, формы и методы работы в области спортивного волонтерства.

Нормативно-правовой основой разработки Программы подготовки волонтеров-спортсменов выступали следующие законодательные акты:

- Федеральный закон от 04.12.2007 № 329-ФЗ «О физической культуре и спорте в Российской Федерации» [16];
- Федеральным законом Российской Федерации «О благотворительности и добровольчестве (волонтерстве)» от 11.08.1995 № 135-ФЗ [7]. На страницах данного нормативно-правового акта отражены основные целевые установки благотворительной работы. С ними соотносятся цели и задачи волонтерской деятельности в областях физической культуры и спорта [17].
- Приказ Министерства спорта РФ от 27.12.2021 № 1062 «Об утверждении комплекса мер по развитию волонтерства в сфере физической культуры и спорта» [12].
- Закон Курской области от 27 ноября 2009 года N 104-ЗКО «О физической культуре и спорте в Курской области» [7].
- Распоряжение Правительства Российской Федерации от 17 августа 2024 г. № 2233-р «Об утверждении Стратегии реализации молодежной политики в Российской Федерации на период до 2030 г.» [13].

Системный подход к подготовке спортивных волонтеров предполагает комплексность, последовательность и прикладную направленность в формировании компетенций студентов в области спортивного волонтерства [6]. В Программе системный подход реализуется посредством целостности при освоении теоретического и практического материала, взаимосвязи при построении тематики разделов Программы. Например, теоретический раздел - формирование компетенций в области физического развития подростков; практический раздел - физическая подготовка (формирование компетенций в области развития физических качеств, необходимых для участия в спортивных мероприятиях); тактическая подготовка (формирование компетенций в области организации деятельности волонтеров в спортивных мероприятиях с участием подростков).

Компетентностный подход в спортивном волонтерстве направлен на фор-

мирование системы знаний, представлений, умений и навыков, индивидуально-психологических качеств личности, необходимых для эффективной волонтерской деятельности, участию в организации спортивных мероприятий по популяризации физической культуры и спорта и пропаганде здорового образа жизни [1]. Компетентностный подход в спортивном волонтерстве предполагает формирование общекультурных компетенций (гуманизм, гражданственность, навыки коммуникации, толерантность, культура и др.), а также компетенций в области социального взаимодействия, умения работать в команде в различных социальных ситуациях с разными категориями граждан. Деятельность в области спортивного волонтерства предполагает освоение специализированных компетенций в области физической культуры и спорта: уровень физической подготовки, занятия определенным видом спорта и др. [15].

Программа подготовки спортивных волонтеров включает в себя три этапа (Таблица 1).

Таблица 1. Содержание этапов подготовки волонтеров-спортсменов
Table 1. Content of the stages of training for volunteer athletes

№ п/п	Название этапа	Цель	Методы и формы работы	Критерии сформированности компетенций и готовности к реализации деятельности спортивного волонтера
1.	Подготовительный (мотивационно-ориентированный) этап	Формирование мотивации студентов – участников Программы к участию в волонтерской деятельности и спортивного волонтерства	– лекция; – дискуссия; – анализ проблемных ситуаций	Осведомленность в области законодательной базы регулирования волонтерской деятельности и спортивного волонтерства; знание специфики организации спортивного волонтерства (мероприятия, методы и требования работы)
2.	Основной (деятельностный) этап	Формирование компетенций в области добровольческой деятельности, спортивного волонтерства	– тренинг компетенций; – метод проектов; – моделирование ситуаций; – социальный квест; – метод case-study	Компетенции в области социально-психологических аспектов организации волонтерской деятельности и спортивного волонтерства (коммуникация; учет социальных, психологических, возрастных особенностей участников волонтерского взаимодействия и др.); Компетенции в области методов работы и организации в области волонтерской деятельности и спортивного волонтерства
3.	Заключительный (рефлексивный) этап	Формирование установок к осознанию студентов-участников Программы как представителей волонтерского сообщества	– защита проектов; – самоотчеты	Наличие компетенций в области анализа, рефлексии, самооценки в области волонтерской деятельности и спортивного волонтерства

Как видно из таблицы, основной целью подготовительного (мотивационно-ориентированного) этапа выступает формирование мотивации студентов – участников Программы к участию в волонтерской деятельности и спортивного волонтерства. Ведущими методами и формами работы могут выступать лекции, дискуссии, анализ проблемных ситуаций. Критериями сформированности компетенций и готовности к реализации деятельности спортивного волонтера на данном этапе выступают: осведомленность в области законодательной базы регулирования волонтерской деятельности и спортивного волонтерства; зна-

ние специфики организации спортивного волонтерства (мероприятия, методы работы, требования к организации деятельности и др.).

Основной целью основного (деятельностного) этапа выступает формирование компетенций в области добровольческой деятельности, спортивного волонтерства. Ведущими методами и формами работы может выступать тренинг компетенций, метод проектов, моделирование ситуаций. Критериями сформированности компетенций и готовности к реализации деятельности спортивного волонтера на данном этапе выступают: компетенции в области социально-психологических аспектов организации волонтерской деятельности и спортивного волонтерства (коммуникация; учет социальных, психологических, возрастных особенностей участников волонтерского взаимодействия и др.); компетенции в области методов работы и организации в области волонтерской деятельности и спортивного волонтерства.

Основной целью заключительного (рефлексивного) этапа выступает Формирование установок к осознанию студентов-участников Программы как представителей волонтерского сообщества. Ведущими методами и формами работы может выступать защита проектов, самоотчеты и др. Критериями сформированности компетенций и готовности к реализации деятельности спортивного волонтера на данном этапе выступают: наличие компетенций в области анализа, рефлексии, самооценки в области волонтерской деятельности и спортивного волонтерства.

Следует отметить, что в контексте подготовки студентов-спортсменов к работе с подростками, находящихся в условиях вынужденного переселения, в Программу введены блоки тем, связанные с ознакомлением студентов-участников Программы с социальными, психологическими, возрастными особенностями подростков, находящихся в кризисных ситуациях (вынужденное переселение), а также спецификой организации и проведения спортивных и досуговых мероприятий с использованием средств физической культуры с подростками.

ВЫВОДЫ

В условиях вынужденного переселения у подростков не в полной мере сформированы копинг-стратегии и навыки совладающего поведения. Данная проблема требует от специалистов поиска эффективных средств, способствующих социальной адаптации и ресоциализации подростков к сложившимся условиям. Рядом исследователей убедительно доказана роль различных видов физической активности, оказывающей влияние на психологическое самочувствие подростков и их социально-психологическую адаптацию. В сложившихся обстоятельствах проживания в пунктах временного размещения в решении проблем подростков важную роль играет привлечение волонтеров по физической культуре и спорту (спортивное волонтерство). Опыт работы волонтеров-спортсменов Студенческого спортивного клуба ФГБОУ ВО «Курский государственный аграрный университет им. И.И. Иванова» с проживающими в пункте временного размещения показал их вовлеченность и мотивированность на дальнейшее участие в таких мероприятиях, а также потребность в развитии компетенций в области спортивного волонтерства. Программа подготовки волонтеров-спортсменов направлена на формирование компетенций у студентов в области волонтерской деятельности и спортивного волонтерства. Программа предполагает комплексность, последовательность и прикладную направленность в формировании компетенций студентов в области спортивного волонтерства. Реализация данной Программы и ее анализ станет предметом нашего дальнейшего исследования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арсланова, Р.А. Выявление общекультурных компетенций для подготовки студентов к спортивной волонтерской деятельности / Р.А. Арсланова, Г.У. Матушанский. – Текст : электронный // КПЖ. - 2015. - № 6-2. - URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vyyavlenie-obschekulturnyh-kompetentsiy-dlya-podgotovki-studentov-k-sportivnoy-volonterskoj-deyatelnosti> (дата обращения: 19.02.2026).
2. В Курской области число проживающих в ПВР снизилось более чем на тысячу // РИА Новости. – Текст : электронный. – URL : <https://ria.ru/20250718/kursk-2029894024.html?ysclid=mi-akxdqr49815180023> (дата обращения: 12.01.2026).
3. В ПВР Курска находятся 418 детей, из них 169 – дошкольники [Электронный ресурс] // Курское интернет-телевидение. – URL : В ПВР Курска находятся 418 детей, из них 169 - дошкольники » 46ТВ Курское Интернет Телевидение (дата обращения: 12.01.2026).
4. Глазкова, Г.Б. Спортивное волонтерство: сущность, структура и перспективы развития / Г.Б. Глазкова, С.И. Филимонова, Л.Б. Андрищенко, М.Н. Пуховская. – Текст : электронный // ТиПФК. - 2022. - № 11. - URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sportivnoe-volonterstvo-suschnost-struktura-i-perspektivy-razvitiya> (дата обращения: 12.01.2026).
5. Горлова Н.И. Мир спортивного волонтерства [Электронный ресурс] / Н.И. Горлова. – Текст : электронный. – М.: ГБУ города Москвы «Мосволонтёр», 2018. – 108 с. – URL : <https://edu.dobro.ru/upload/uf/4f7/4f7fafb3039f6d7af6fe26f9dee3484d.pdf> (дата обращения: 12.01.2026).
6. Гребенникова, В.М. Формирование мотивации у студентов к организации деятельности спортивных волонтеров / В.М. Гребенникова, С.А. Хазова, Т.П. Полозова. – Текст : электронный // Проблемы современного педагогического образования. - 2025. - № 87-4. - URL: [https://gra.cfuv.ru/attachments/article/6471/Выпуск 87 часть 4, 2025 год.pdf](https://gra.cfuv.ru/attachments/article/6471/Выпуск%2087%20часть%204,%202025%20год.pdf) (дата обращения: 19.02.2026).
7. Закон Курской области от 27 ноября 2009 года N 104-ЗКО «О физической культуре и спорте в Курской области» // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. – Текст : электронный. - URL: О физической культуре и спорте в Курской области от 27 ноября 2009 - docs.cntd.ru (дата обращения: 18.12.2025).
8. Клименко, А.С. Формирование культуры здоровья студенческой молодежи / А.С. Клименко, Н.В. Боев. – Текст : электронный // Физическая культура, спорт и здоровье в современном обществе: проблемы и перспективы развития : сб. научных статей Всеросс. науч.-прак. конф. (). Курск, 2022. С. 97-101. – URL : Microsoft Word - ФС-01 Сборник (дата обращения: 12.01.2026).
9. Непочатых А.В. Возможности спортивного волонтерства в социальной реабилитации подростков, оказавшихся в условиях вынужденного переселения / А.В. Непочатых, Е.П. Непочатых // Педагогическое волонтерство в «Обучении служением»: проблемы, результаты и перспективы развития: сб. материалов Всерос. науч.-образовательного форума с междунар. участием (Липецк, 21 ноября 2025 г.). - Липецк, 2025. - С. 171-174. - URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_86601673_40316445.pdf (дата обращения: 19.02.2026).
10. Непочатых, А.В. Физическая культура как ресурс профилактики стресса студентов / А.В. Непочатых. – Текст : электронный // Университетская наука: взгляд в будущее: сб. материалов науч. трудов по материалам Междунар. науч. конф., посвящ. 89-летию Курского государственного медицинского университета (Курск, 08 - 09 февраля 2024 г.). – Курск : Изд-во КГМУ, 2024. - С. 572-574. – URL : <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=67749003> (дата обращения: 12.01.2026).
11. Петьков, В.А. Технология подготовки студентов вузов к волонтерской деятельности в сфере физической культуры, спорта и рекреации / В.А. Петьков, Ю.В. Бессарабова, И.А. Глуценко, Е.В. Огарь [и др.]. – Текст : электронный // Ученые записки университета Лесгафта. - 2022. - № 12 (214). - URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tehnologiya-podgotovki-studentov-vuzov-k-volontyorskoy-deyatelnosti-v-sfere-fizicheskoy-kultury-sporta-i-rekreatsii> (дата обращения: 18.01.2026).
12. Приказ Министерства спорта РФ от 27.12.2021 № 1062 «Об утверждении комплекса мер по развитию волонтерства в сфере физической культуры и спорта» // КонсультантПлюс. – Текст : электронный. - URL: Приказ Минспорта России от 27.12.2021 N 1062 "Об утверждении комплекса мер по развитию волонтерства в сфере физической культуры и спорта" - КонсультантПлюс (дата обращения: 18.01.2026).
13. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 17 августа 2024 г. № 2233-р «Об утверждении Стратегии реализации молодежной политики в Российской Федерации на период до 2030 г.» // ГАРАНТ.РУ: информационно-правовой портал. – Текст : электронный. - URL: Распоряжение Правительства Российской Федерации от 17 августа 2024 г. № 2233-р Об утверждении Стратегии реализации молодежной политики в Российской Федерации на период до 2030 г. | Документы ленты ПРАЙМ: ГАРАНТ.РУ (дата обращения: 18.01.2026).

14. Уварова, Н.Н. Организация подготовки студентов к деятельности спортивных волонтеров / Н.Н. Уварова, М.В. Шелков. – Текст : электронный // Проблемы современного педагогического образования. - 2025. - № 87-2. - URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/organizatsiya-podgotovki-studentov-k-deyatelnosti-sportivnyh-volontyorov> (дата обращения: 18.01.2026).

15. Файзуллин, И.Ф. Формирование общекультурных компетенций у студентов вузов физической культуры и спорта в процессе волонтерской деятельности на крупных спортивных мероприятиях: специальность 13.00.08 – теория и методика профессионального образования: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата педагогических наук / Ильшат Фархуллович Файзуллин. – Текст : электронный. – Омск, 2018. – 24 с. - URL: Автореферат на тему «Формирование общекультурных компетенций у студентов вузов физической культуры и спорта в процессе волонтерской деятельности на крупных спортивных мероприятиях» по специальности ВАК РФ 13.00.08 - Теория и методика профессионального образования (дата обращения: 18.01.2026).

16. Федеральный закон от 04.12.2007 № 329-ФЗ «О физической культуре и спорте в Российской Федерации» // КонсультантПлюс. – Текст : электронный. - URL: Федеральный закон "О физической культуре и спорте в Российской Федерации" от 04.12.2007 N 329-ФЗ (последняя редакция) \ КонсультантПлюс (дата обращения: 18.01.2026).

17. Федеральным законом от 11.08.1995 № 135-ФЗ «О благотворительности и добровольчестве (волонтерстве)» // КонсультантПлюс. – Текст : электронный. - URL: Федеральный закон "О благотворительной деятельности и добровольчестве (волонтерстве)" от 11.08.1995 N 135-ФЗ (последняя редакция) \ КонсультантПлюс (дата обращения: 18.01.2026).

18. Щетинина, М. В. Личностные детерминанты успешности социально-психологической адаптации вынужденных переселенцев молодого возраста / М. В. Щетинина, А. А. Бучек. – Текст : электронный // Мир науки. Педагогика и психология. — 2025. — Т. 13. — № 2. — URL: <https://mir-nauki.com/PDF/110PSMN225.pdf>. (дата обращения: 18.01.2026).

SPORTS VOLUNTEERING OPPORTUNITIES WHEN WORKING WITH ADOLESCENTS DISPLACED: FROM THE EXPERIENCE OF KURSK STATE AGRARIAN UNIVERSITY

© Anton V. Nepochatykh, Natalya V. Volobuyeva (Bryantseva)

Anton V. Nepochatykh - Associate Professor, Department of Physical Education, Ivanov Kursk State Agrarian University

e-mail: Nepochatykh93@yandex.ru

Natalya V. Volobuyeva (Bryantseva) - Head of the Department of Youth Policy and Educational Activities, Ivanov Kursk State Agrarian University; Senior Lecturer, Department of Ecology, Horticulture, and Landscape Design, Ivanov Kursk State Agrarian University

Address: 305021, Kursk, Karl Marx St., 70, Russian Federation

ABSTRACT

Relevance. In the context of forced displacement, adolescents have not fully developed coping strategies and skills. This problem requires specialists to find effective means to facilitate social adaptation and resocialization of adolescents to the current situation. A number of researchers have convincingly demonstrated the role of various types of physical activity in influencing the physical and psychological well-being of adolescents and their adaptation. In the current circumstances of living in temporary accommodation centers, the involvement of volunteers in physical education and sports (sports volunteering) plays an important role in addressing adolescents' problems. Objective: To study the potential of sports volunteering in working with adolescents who have found themselves in situations of forced displacement (using the Kursk State Agrarian University named after I.I. Ivanov as a case study).

Materials and Methods. The study utilized statistical data analysis, literature review, and survey methods. The study was conducted at the Kursk State Agrarian University named after I.I. Ivanov. Participants included students enrolled in sports sections of the Student Sports Club of the Ivanov Kursk State Agrarian University.

Results. The experience of volunteer athletes from the Student Sports Club of the I.I. Ivanov Kursk State Agrarian University working with residents of a temporary accommodation center demonstrated their engagement and motivation for further participation in such events, as well as the need to develop competencies in sports volunteering. The training program for volunteer athletes is aimed at developing students' competencies in volunteering and sports volunteering. The program is comprehensive, consistent, and practical in developing students' competencies in sports volunteering.

Conclusions. Volunteering is an effective way to reach various categories of citizens who find themselves in difficult life situations (during forced displacement). The range of activities of sports volunteers is quite broad, allowing them to work with individuals (adolescents) who have found themselves in situations of forced displacement. The effectiveness of athlete volunteers is only possible with a well-developed system of knowledge, understanding, skills, and individual psychological traits. Our athlete volunteer training program, which includes three stages (motivational, action, and reflective), fosters general cultural competencies (humanism, civic responsibility, communication skills, tolerance, and culture), competencies in social interaction, the ability to work in a team in various social situations with different categories of citizens, and specialized competencies in physical education and sports (level of physical fitness, participation in a specific sport, etc.).

KEYWORDS: sports volunteering; forced displacement; student sports club; adolescents.

Conflict of interests. The authors declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

REFERENCES

1. Arslanova, R.A. Identification of general cultural competencies for preparing students for sports volunteer activities / R.A. Arslanova, G.U. Matushansky. - Text: electronic // KPZh. - 2015. - No. 6-2. - URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vyyavlenie-obschekulturnyh-kompetentsiy-dlya-podgotovki-studentov-k-sportivnoy-volonterskoy-deyatelnosti> (date of access: 19.02.2026).
2. In the Kursk region, the number of people living in temporary accommodation facilities has decreased by more than a thousand // RIA Novosti. - Text: electronic. - URL: <https://ria.ru/20250718/kursk-2029894024.html?ysclid=miakxdqr49815180023> (date of access: 12.01.2026).

3. There are 418 children in the temporary accommodation center in Kursk, 169 of whom are preschoolers [Electronic resource] // Kursk Internet Television. – URL: There are 418 children in the temporary accommodation center in Kursk, 169 of whom are preschoolers » 46TV Kursk Internet Television (date of access: 12.01.2026).

4. Glazkova, G.B. Sports volunteering: essence, structure and development prospects / G.B. Glazkova, S.I. Filimonova, L.B. Andryushchenko, M.N. Pukhovskaya. – Text: electronic // TiPFK. - 2022. - No. 11. - URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sportivnoe-volonterstvo-suschnost-struktura-i-perspektivy-razvitiya> (date of access: 12.01.2026).

5. Gorlova N.I. The world of sports volunteering [Electronic resource] / N.I. Gorlova. - Text: electronic. - M.: State Budgetary Institution of the City of Moscow "Mosvolonter", 2018. - 108 p. - URL: <https://edu.dobro.ru/upload/uf/4f7/4f7afb3039f6d7af6fe26f9dee3484d.pdf> (date of access: 12.01.2026).

6. Grebennikova, V.M. Formation of students' motivation to organize the activities of sports volunteers / V. M. Grebennikova, S. A. Khazova, T. P. Polozova. - Text: electronic // Problems of modern pedagogical education. - 2025. - No. 87-4. - URL: https://gpa.cfuv.ru/attachments/article/6471/blnyusk_87_chast_4_2025_god.pdf (date of access: 19.02.2026).

7. Law of Kursk Oblast of November 27, 2009 N 104-ZKO "On Physical Culture and Sports in Kursk Oblast" // Electronic fund of legal and regulatory-technical documents. - Text: electronic. - URL: On physical culture and sports in Kursk Oblast of November 27, 2009 - docs.cntd.ru (date of access: 12/18/2025).

8. Klimenko, A.S. Formation of a Health Culture among Student Youth / A.S. Klimenko, N.V. Boev. – Text: electronic // Physical Culture, Sports and Health in Modern Society: Problems and Development Prospects: Collection of scientific articles of the All-Russian scientific-practical conf. (). Kursk, 2022. Pp. 97-101. – URL: Microsoft Word - FS-01 Collection (date of access: 12.01.2026).

9. Nepochatykh A.V. Opportunities for Sports Volunteering in the Social Rehabilitation of Adolescents Displaced by Forced Displacement / A.V. Nepochatykh, E.P. Nepochatykh // Pedagogical Volunteering in "Service-Learning": Problems, Results and Development Prospects: Collection of materials of the All-Russian scientific and educational forum with international participation (Lipetsk, November 21, 2025). - Lipetsk, 2025. - P. 171-174. - URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_86601673_40316445.pdf (date of access: 19.02.2026).

10. Nepochatykh, A.V. Physical education as a resource for preventing student stress / A.V. Nepochatykh. - Text: electronic // University science: a look into the future: collection of scientific papers based on the materials of the International scientific conf., dedicated to the 89th anniversary of Kursk State Medical University (Kursk, February 8-9, 2024). - Kursk: KSMU Publishing House, 2024. - P. 572-574. – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=67749003> (date of access: 12.01.2026).

11. Petkov, V.A. Technology of preparing university students for volunteer activities in the field of physical education, sports and recreation / V.A. Petkov, Yu.V. Bessarabova, I.A. Glushchenko, E.V. Ogar [et al.]. – Text: electronic // Scientific notes of Lesgaft University. - 2022. - No. 12 (214). - URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tehnologiya-podgotovki-studentov-vuzov-k-volontyorskoy-deyatelnosti-v-sfere-fizicheskoy-kultury-sporta-i-rekreatsii> (date of access: 18.01.2026).

12. Order of the Ministry of Sports of the Russian Federation dated 27.12.2021 No. 1062 "On approval of a set of measures for the development of volunteerism in the field of physical education and sports" // ConsultantPlus. - Text: electronic. - URL: Order of the Ministry of Sports of Russia dated 27.12.2021 No. 1062 "On approval of a set of measures for the development of volunteerism in the field of physical education and sports" – ConsultantPlus (date of access: 18.01.2026).

13. Order of the Government of the Russian Federation of August 17, 2024 No. 2233-r "On Approval of the Strategy for the Implementation of Youth Policy in the Russian Federation through 2030" // GARANT.RU: information and legal portal. - Text: electronic. - URL: Order of the Government of the Russian Federation of August 17, 2024 No. 2233-r On Approval of the Strategy for the Implementation of Youth Policy in the Russian Federation through 2030 | Documents of the PRIME feed: GARANT.RU (date of access: 18.01.2026).

14. Uvarova, N.N. Organization of students' preparation for the activities of sports volunteers / N.N. Uvarova, M.V. Shelkov. - Text: electronic // Problems of modern pedagogical education. - 2025. - No. 87-2. - URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/organizatsiya-podgotovki-studentov-k-deyatelnosti-sportivnyh-volontyorov> (date of access: 18.01.2026).

15. Fayzullin, I.F. Formation of general cultural competencies of students of physical education and sports universities in the process of volunteer activities at major sporting events: specialty 13.00.08 - theory and methods of vocational education: abstract of a dissertation for the degree of candidate of pedagogical sciences / Ilshat Farhulloovich Fayzullin. - Text: electronic. – Omsk, 2018. – 24 p. - URL: Abstract on the topic "Formation of General Cultural Competencies among Students of Physical Education and Sports Universities in the Process of Volunteering at Major Sporting Events" in the specialty of the Higher Attestation Commission of the Russian Federation 13.00.08 - Theory

and Methodology of Professional Education (date of access: 01/18/2026).

16. Federal Law of 04.12.2007 No. 329-FZ "On Physical Culture and Sports in the Russian Federation" // ConsultantPlus. – Text: electronic. - URL: Federal Law "On Physical Culture and Sports in the Russian Federation" dated 04.12.2007 N 329-FZ (latest revision) \ ConsultantPlus (date of access: 01/18/2026).

17. Federal Law of 11.08.1995 No. 135-FZ "On Charity and Volunteering" // ConsultantPlus. - Text: electronic. - URL: Federal Law "On Charity and Volunteering" of 11.08.1995 N 135-FZ (latest revision) \ ConsultantPlus (date of access: 18.01.2026).

18. Shchetinina, M.V. Personal determinants of the success of socio-psychological adaptation of young forced persons / M.V. Shchetinina, A.A. Buchek. – Text: electronic // World of Science. Pedagogy and psychology. - 2025;13(2): 110PSMN225. - URL: <https://mir-nauki.com/PDF/110PSMN225.pdf>. (date of access: 01/18/2026).

Received: 21.02.2026

Accepted: 28.03.2026

II МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО- ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «РОЛЬ СОЦИАЛЬНЫХ ПРАКТИК В ФОРМИРОВАНИИ МИРОВОЗЗРЕНИЯ»

© Т.А. Шульгина, Н.В. Забелина, Е.П. Непочатых

Формирование мировоззрения - сложная теоретическая и практическая задача. Теоретическая задача лежит в плоскостях философии, социологии, психологии, педагогики. Сложная внутренняя структура мировоззрения включает в себя ценности, принципы, идеалы, теории и концепции, которые личность усваивает по мере взросления. Эти структурные элементы, в свою очередь, также изучаются вышеуказанными науками.

Практическая задача формирования мировоззрения возложена на различные социальные институты. В процессе принятых и социально одобряемых практик, этот процесс также отличает сложность, этапность, разнонаправленность. Институту семьи принадлежит одна из ведущих ролей в формировании мировоззрения личности. В рамках социализирующей функции, данный институт, своим влиянием на ребенка строит его картину мира. Но семья неотделима от общества и государства, так как она очень чувствительна к происходящим во вне процессам. Семья выступает опорой для государства и общества. Именно на семью возложена задача в сохранении и ретрансляции ценностей, традиций, уклада и семейного образа жизни из поколения в поколение. Этот процесс представляет научный интерес.

19 марта 2026 года на базе ФГБОУ ВО «Курский государственный медицинский университет» Минздрава России состоялась II Международная научно-практическая конференция «Роль социальных практик в формировании мировоззрения», посвященная 91-летию Курского государственного медицинского университета, Году единства народов России. Конференция была организована кафедрой социальной работы и безопасности жизнедеятельности КГМУ и кафедрой психологии образования и развития личности, Институт психологии УО «Белорусский государственный педагогический университет имени Максима Танка».

Участниками конференции стали специалисты из России, Республики Беларусь, Казахстана, Узбекистана, Туркменистана, а также более чем из 30 регионов России.

На конференции рассматривался широкий круг вопросов, связанных с проблемами формирования мировоззрения в современном обществе. Особое внимание было уделено обсуждению социальных практик семейведения, образования молодежи, а также социализации личности, безопасности и здоровья в фокусе социальных практик.

С приветственным словом к участникам конференции обратились: **Кузнецова А.А.**, проректор по воспитательной работе, социальному развитию и связям с общественностью ФГБОУ ВО «Курский государственный медицинский университет» Минздрава России, кандидат психологических наук, доцент; **Шульгина Т.А.**, заведующий кафедрой социальной работы и безопасности жизнедеятельности

ФГБОУ ВО «Курский государственный медицинский университет» Минздрава России, кандидат психологических наук, доцент; **Музыченко А.В.**, заведующий кафедрой психологии образования и развития личности Институт психологии Учреждения образования «Белорусский государственный педагогический университет имени Максима Танка», кандидат психологических наук, доцент.

На пленарном заседании были представлены результаты исследования особенностей профессионального самоопределения абитуриентов при выборе профессий, связанных с социальным служением (Докладчики: **Черней С.В., Забелина Н.В.** ФГБОУ ВО «Курский государственный медицинский университет» Минздрава России; Россия, Курск); представлений студентов о музыке как объединяющем контексте взаимодействия в юношеском возрасте (Докладчики: **Музыченко А.В., Кондратюк А.А.**, Институт психологии УО «Белорусский государственный педагогический университет имени Максима Танка»; Республика Беларусь, Минск; истории становления социальных практик (на примере детских яслей) в дореволюционной России (Докладчик: **Кравцова Е.С.** ФГБОУ ВО «Курский государственный медицинский университет» Минздрава России; Россия, Курск) и др.

Забелина Н.В., доцент кафедры социальной работы и безопасности жизнедеятельности ФГБОУ ВО «Курский государственный медицинский университет» Минздрава России подвела итоги Конкурса учебных плакатов, организованного кафедрой социальной работы и безопасности жизнедеятельности в рамках изучения дисциплины «Основы российской государственности».

На Круглом столе «Практики социального служения: профессия и призвание» обсуждались современные подходы к понятию «социальное служение» (**Шульгина Т.А.**, ФГБОУ ВО «Курский государственный медицинский университет» Минздрава России; Россия, Курск); вопросы добровольчества как ключевого компонента служения (**Алюшина Д.С.**, ФГБОУ ВО «Курский государственный медицинский университет» Минздрава России; Россия, Курск); рассматривался опыт внедрения методики «Обучение служением» в КГМУ (**Кузнецова А.А.**, ФГБОУ ВО «Курский государственный медицинский университет» Минздрава России; Россия, Курск); опыт работы штаба волонтерских отрядов КГМУ в условиях социальных потрясений (**Заднепровский А.С.**, ФГБОУ ВО «Курский государственный медицинский университет» Минздрава России; Россия, Курск); опыт и перспективы волонтерского движения как эффективной формы практики социального служения (на примере гуманитарной группы «Стань СВОим» г. Волгоград) (**Ионин А.А.**, ветеран СВО, депутат Совета Депутатов Кировского сельского поселения Светлоярского муниципального района Волгоградской области, общественный деятель; Россия, Волгоградская область **Серебрякова Л.В.**, гуманитарная группа «Стань СВОим», ГАПОУ «Волгоградский медицинский колледж»; Россия, Волгоград); опыт реализации проекта «Обучение служением» как средства социализации студенческой молодежи» (**Маскалянова С.А.**, ФГБОУ ВО «Липецкий государственный педагогический университет им. П.П. Семенова-Тян-Шанского»; Россия, Липецк).

В рамках работы конференции были организованы секции, основными направлениями которых были вопросы формирования мировоззрения в современном обществе (секция 1), социальные практики семейведения (секция 2), безопасность семьи и ее здоровье, нормативно-правовые основы семейной политики (секция 3).

Особенными событиями Конференции стали такие мероприятия, как: выставка опыта семейных традиций; просмотр и обсуждение кинофильма, посвященного вопросам ценности семьи и семейного образа жизни (модератор: **Филиппович Ю.С.**, ассистент кафедры социальной работы и безопасности

жизнедеятельности ФГБОУ ВО «Курский государственный медицинский университет» Минздрава России; Россия, Курск); мастер-класс по созданию семейного архива (ведущий: **Апанасенок А.В.**, профессор кафедры философии ФГБОУ ВО «Курский государственный медицинский университет» Минздрава России, доктор исторических наук, профессор; Россия, Курск).

Конференция стала ярким примером междисциплинарного и международного сотрудничества, способствуя развитию научной мысли, культурному обмену и популяризации научных знаний и социальных практик среди молодежи.